

Гершл Д. Мейер

Неизбежна ли
гибель
Америки?

И*Л

*Издательство
иностранной
литературы*
*

Гершл Д. Мейер

НЕИЗБЕЖНА ЛИ ГИБЕЛЬ АМЕРИКИ?

Перевод с английского

Н. ДОВГАЛЕВСКОЙ и Е. РОМАНОВОЙ

Редакторы

Д. ЖАНТИЕВА и И. ТИХОМИРОВА

Вступительная статья

В. БЕРЕЖКОВА

1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

Hershel D. Meyer

Must We Perish?

The Logic of 20th Century
Barbarism

NEW YORK

1949

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книга прогрессивного американского публициста Г. Мейера «Неизбежна ли гибель Америки?», вышедшая в Нью-Йорке в 1949 г., посвящена проблеме, которая владеет ныне умами подавляющего большинства американского народа,— проблеме войны и мира.

Монополистическая пресса Соединенных Штатов всячески старается внушить рядовому американцу, что третья мировая война неизбежна. Продажные писаки и радиокомментаторы, генералы и биржевые маклеры, наводнившие Вашингтон,— все включились в развернувшуюся по указке Уолл-стрита пропаганду, стремящуюся всеми средствами оболванить среднего американца, запугать его и уверить в том, будто бы над Соединенными Штатами нависла неотвратимая угроза войны. И все это для того, чтобы обосновать бешеную гонку вооружений, оправдать непрерывное наступление монополий на элементарные права трудящихся.

Разоблачить смысл военной истерии, охватившей Соединенные Штаты, показать агрессивность внешней политики англо-американского империализма,— таковы цели, которые поставил перед собой Г. Мейер в книге «Неизбежна ли гибель Америки?». Приводя многочисленные исторические примеры, факты и документы, автор срывает завесу с «тайны, в которой рождается война».

«Упрямые факты, зарегистрированные историей,— пишет Мейер,— нельзя уничтожить, так же как нельзя игнорировать их значение, не попирая при этом здравого смысла. Автор держится твердого убеждения — подтверждаемого тысячами примеров,— что войны есть результат существующих социальных условий, конкретных материальных потребностей эксплуататорских господствующих классов. Если история нашего столетия характеризуется

повторяющимися циклами проявления насилия над массами и непрестанного уничтожения миллионов людей, то причину следует искать не в том, что человек по своей природе якобы склонен к насилию, но в тех специфических материальных условиях, которые придают нашей эпохе ее особый характер и превращают многих людей во врагов общества»

Реакционная пропаганда англо-американских поджигателей войны ставит себе целью одурманить рядового человека, уверить его в том, будто во всех неразрешенных международных проблемах современности повинен Советский Союз и какие-то мифические «козни коммунистов». Дирижеры этой антисоветской свистопляски отнюдь не оригинальны. Свои приемы и «аргументы» они целиком заимствуют у своих предшественников — немецко-фашистских агрессоров. Именно эти приемы использовало ведомство Геббельса для прикрытия подготовки разбойничьей войны против Советского Союза.

Однако остается фактом, что с начала эпохи империализма не было ни одного года, когда бы капиталистические государства не воевали друг с другом или с колониальными народами. А ведь тогда еще не существовало Советского Союза. Уже один этот факт неопровержимо свидетельствует о лживости реакционной пропаганды, старающейся свалить вину с больной головы на здоровую.

Буржуазные социологи, выполняющие заказ монополий, соревнуются в изобретении всевозможных псевдонаучных «теорий» возникновения войн. Но они при этом тщательно избегают касаться подлинных виновников войны. Буржуазный социолог, пишет Мейер, «может приписать возникновение войны множеству факторов, от греховности человека вообще до солнечных пятен. Но если зайдет речь о монополистическом капитале и его упорном стремлении к войне, то наш буржуазный социолог категорически запротестует против подобного предположения или же сразу понизит голос до шопота».

Буржуазный социолог боится правды, как чорт ладана, ибо сказать правду, то есть признать истинную причину современных войн, — это значит признать разбойничий характер капитализма, это значит перейти в лагерь противников капиталистической системы. «Миф

сменится научным взглядом на политические течения, существующие в мире».

«Только с того момента,— пишет автор,— когда наука стала устанавливать зависимость между действием и причиной и рассматривать отдельные явления в их взаимосвязи с другими явлениями, началось активное завоевание природы. Это же относится и к области социологии, экономики и политики. Марксизм — единственная наука, доказавшая свою способность теоретически и практически выявить силы, направляющие и определяющие судьбы человечества».

* * *

Книга Мейера построена на сопоставлении периода между двумя войнами с годами, прошедшими с момента окончания второй мировой войны. Аналогии, которые отсюда напрашиваются, придают особый интерес этой работе. В самом деле, новоявленные претенденты на мировое господство, сияющие ныне разжечь новый мировой пожар, во многом прибегают к тем же приемам, какие широко использовались поджигателями войны в тридцатых годах. Но если сейчас вновь делаются попытки окутать подлинные цели империалистов плотной пеленой дезинформации, то подлинные документы предистории второй мировой войны полностью разоблачают все маневры и махинации реакционной пропаганды.

Автор собрал обширный материал, касающийся подготовки агрессии германского фашизма и роли, которую играли правящие круги Соединенных Штатов, Англии и Франции в деле подготовки второй мировой войны.

Англо-американские империалисты стремятся заставить народы поскорее забыть о гнусных делах монополистических правителей Лондона, Парижа и Вашингтона, вскормивших германского хищника. Для достижения этой цели они не останавливаются перед самой грязной клеветой, перед заведомой фальсификацией исторических фактов. Рассчитывая ввести в заблуждение мировую общественность, государственный департамент Соединенных Штатов в сотрудничестве с английским и французским министерствами иностранных дел опубликовал в январе 1948 г. сборник «донесений» и «записей»

гитлеровских дипломатических чиновников, снабдив ею сенсационным заголовком: «Нацистско-советские отношения 1939—1941 гг.» Разумеется, не случайно правительства Соединенных Штатов, Англии и Франции, опубликовав этот сборник, насыщенный сострепанными гитлеровскими дипломатами и специально подтасованными документами, обошли молчанием мюнхенский период и всю политику «умиротворения» агрессора. Вашингтонские и лондонские политики, как и их французские коллеги, явно рассчитывали оболгать Советский Союз, оклеветать его, ослабить его международное влияние как стойкого борца против сил агрессии и войны. Одновременно они хотели скрыть от общественного мнения свою собственную роль в деле подготовки грабительских гитлеровских походов.

Опубликованная в феврале 1948 г. Историческая справка Советского информационного бюро «Фальсификаторы истории» привела антисоветских клеветников к полному провалу. Содержащиеся в Исторической справке секретные документы об отношениях между гитлеровской Германией и правительствами Англии, Франции и Соединенных Штатов, попавшие в руки советского правительства, не оставили камня на камне от хрупкого здания лжи, наспех возведенного прислужниками англо-американских империалистов.

Документы предистории второй мировой войны, собранные в книге Мейера, служат новым напоминанием о той весьма неприглядной роли, которую сыграли правящие круги так называемых западных «демократических» стран в гнусном деле подготовки гитлеровской агрессии.

Мейер подробно излагает политику империалистических держав между двумя войнами. Он показывает движущие силы этой политики, которая руководствовалась звериной ненавистью к первому в мире социалистическому государству.

После первой мировой войны, указывает автор, международная реакция прежде всего задалась целью уничтожить молодую Советскую республику. «В 1917 г. русский народ совершил, с точки зрения реакции, непростибельное преступление: он сверг феодальную и капиталистическую олигархию и национализировал землю и промышленность. За то, что Советы стали создавать новую

систему политической и экономической жизни, на них немедленно обрушились армии интервентов всех главных капиталистических держав, включая США и Японию .. Стальные и финансовые объединения этих стран стремились сохранить в своих руках богатые сырьевые ресурсы России. Красная Армия вышла победительницей из долгой, ожесточенной борьбы. Лондонские, парижские, амстердамские и уолл-стритовские банкиры были вынуждены ожидать «лучших дней».

В ожидании этих «лучших дней» англо-американские монополии принялись возрождать германский империализм. Немецким милитаристам предназначалась роль ударного кулака международной реакции в планировавшейся новой «большой войне» против Советского Союза. Для этой цели Лондон и Вашингтон не жалели ни средств, ни усилий. Именно золотой дождь американских долларов оплодотворил военную промышленность гитлеровской Германии. За шесть лет, с 1924 по 1929 г., прилив иностранного капитала в Германию составил свыше 10—15 млрд марок долгосрочных вложений и свыше 6 млрд марок краткосрочных вложений. Американские капиталовложения составляли около 70% суммы всех долгосрочных займов. Ведущая роль в этом деле принадлежала семействам Дюпонов, Морганов, Рокфеллеров и других индустриальных магнатов Соединенных Штатов. «Это миллиарды американских долларов, вложенных за океанскими монополиями в военную экономику гитлеровской Германии, воссоздали германский военный потенциал и вложили в руки гитлеровского режима оружие, необходимое для осуществления его агрессии»¹.

Наряду с англо-американской экономической помощью Германии, способствовавшей в огромной степени возрождению и обновлению тяжелой промышленности и военной машины «Третьего рейха», решающее значение для развязывания гитлеровской агрессии имела политика правящих кругов Англии, Франции, а также Соединенных Штатов, известная как политика «умиротворения» гитлеровской Германии. Многочисленные пакты, заключавшиеся между Лондоном, Парижем, Берлином и Римом

¹ Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М, Госполитиздат, 1948 г, стр 12

под всевозможными вывесками, были призваны прикрыть сговор английского и французского правительств с германским и итальянским фашизмом, нагло афишировавшим свои агрессивные намерения.

Апогеем этой политики было мюнхенское предательство, в результате которого лондонские, парижские и вашингтонские политики отдали Чехословакию на растерзание гитлеровцам, предоставив нацистским захватчикам свободу действий на Востоке

«После Мюнхена,— отмечает Мейер,— в Европе установилась самая черная реакция. Германия спешно заканчивала последние приготовления к войне. Правительство Даладье стало загонять в подполье прогрессивное движение французского рабочего класса. От Бухареста до Варшавы, от Мадрида до Хельсинки раздавались вопли о «спасении Европы от коммунизма». Международная клика заговорщиков, от банкиров Уолл-стрита и лондонского Сити до троцкистов и нацистов, с нетерпением ожидала нападения германской армии на «изолированный» Советский Союз».

Но события развивались не так, как их планировали англо-франко-американские подстрекатели агрессоров. Вскормленный ими фашистский зверь обрушился на своих же покровителей. Мудрая политика советского правительства обеспечила Советскому Союзу продление мира почти на два года, позволила передвинуть советские границы далеко на Запад, преградить путь беспрепятственному продвижению немцев на Восток, лучше подготовиться к отпору гитлеровской агрессии.

Когда 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на Советский Союз, реакционные круги западных держав не скрывали своего злорадства. Однако подавляющее большинство английского и американского народа было настроено в пользу Советского Союза и требовало заключения союза с СССР для успешной борьбы против фашистских захватчиков.

Но и после создания англо-советско-американской антигитлеровской коалиции империалистические круги западных держав не оставляли попыток сговориться с Гитлером за спиной Советского Союза. Об этом, в частности, свидетельствуют документы, захваченные советскими войсками в Германии.

Осенью 1941 г., а также в 1942 и в 1943 гг. в Лиссабоне и Швейцарии происходили сепаратные переговоры между представителями Англии и Германии, а потом между представителями Соединенных Штатов и Германии по вопросу о заключении с Германией мира. Со стороны Соединенных Штатов эти закулисные переговоры вел специальный уполномоченный Вашингтона Аллен Даллес, брат небезызвестного Джона Фостера Даллеса — одного из самых оголтелых поджигателей третьей мировой войны, занимающего ныне пост помощника государственного секретаря США.

Пока советский народ героически сражался за освобождение всего человечества от фашистской чумы, лондонские и вашингтонские политиканы только и думали о том, как бы спасти гитлеровскую Германию от разгрома. Они затягивали открытие второго фронта, преднамеренно бомбили жилые кварталы германских городов, оставляя нетронутыми гигантские военные предприятия, отказывались предоставлять оружие движению сопротивления во Франции, во главе которого стояли подлинны патриоты.

«В тот момент,— пишет Мейер,— германские силы во Франции состояли всего из нескольких второсортных дивизий. Будь французские партизаны как следует вооружены,— они смогли бы освободить какую-то часть побережья Франции. Это привело бы к созданию второго фронта за много месяцев до высадки союзников в Нормандии. Между тем планы Черчилля предусматривали удар по «мягкому подбрюшью» Европы, который не мог не отсрочить поражения немцев»

Цель, преследовавшаяся планами высадки западных союзников на Балканах, не ограничивалась одним лишь их желанием оттянуть окончание войны. Англо-американские империалисты рассчитывали преградить путь Советской Армии-освободительнице и вновь посадить на шею народов Юго-Восточной Европы реакционных правителей — своих послушных агентов.

Говоря о борьбе югославского народа против фашистских захватчиков, Мейер не показывает предательской роли клики Тито, которая была полностью разоблачена историческим решением Информационного бюро коммунистических партий еще летом 1948 г. В этом — один из недостатков работы Мейер а.

Между тем именно на услуги шпионской банды Тито — Ранковича рассчитывали англо-американские империалисты, когда они разрабатывали свои авантюристические планы вторжения в Европу через Балканы

Недавние процессы в Будапеште и Софии разоблачили всю глубину падения преступной белградской клики шпионов и убийц. На будапештском процессе государственного преступника Райка и его сообщников бывший советник югославской миссии в Венгрии Лазар Бранков в своих показаниях признал, что еще во время войны англо-американские империалисты «стремились к тому, чтобы подчинить Югославию англо-американскому влиянию, а затем и соседние государства — Болгарию, Румынию, Венгрию. Они решили привлечь на свою сторону при посредстве членов военных миссий Тито, Карделя, Ранковича и Джиласа, при помощи последних подчинить своему влиянию Югославию, югославский народ, превратить Югославию в колонию или полуколонию».

Белградские лакеи империалистов выдали Югославию на разграбление монополистам Уолл-стрита и Сити. Но их гнусные планы порабощения других народов Юго-Восточной Европы потерпели полный крах Презренная клика Тито — Ранковича полностью разоблачена. Белградская шайка предателей и убийц не может больше, прикрываясь маской коммунизма, разлагать ряды честных демократов и социалистов в других странах.

Нет сомнения, что югославский народ сделает из этого свои выводы.

Страны народной демократии, твердо вставшие на путь социалистического развития, идут от успехов к успехам. Очистившись от титовской агентуры, на подрывную деятельность которой уповали англо-американские империалисты, они уверенно строят лучшее будущее и счастливую жизнь для своих народов

* * *

В ходе второй мировой войны правящие круги Соединенных Штатов и Англии преследовали, как известно, свои узко корыстные цели, ничего общего не имевшие с чаяниями и стремлениями свободолюбивых народов,

сплотившихся в антигитлеровской коалиции. В устранении германских и японских захватчиков англо-американские империалисты усматривали возможность для завоевания мирового господства. В Вашингтоне и Лондоне особенно рассчитывали на то, что тяжелые потери, понесенные Советским Союзом в войне, приведут к ослаблению СССР, в дела которого империалисты надеялись получить возможность беспрепятственно вмешиваться.

Но из пламени Великой Отечественной войны социалистическая держава вышла еще более могучей. Доблестная Советская Армия, разгромив гитлеровскую военную машину, не только очистила священную землю нашей Родины от фашистской скверны, но и освободила от гитлеровского ига ряд народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Капиталистический мир не досчитался многих реакционных правителей, усердно выполнявших между двумя войнами роль цепных псов империализма.

Когда провал бредовых замыслов поработить народы Советского Союза с помощью гитлеровских орд стал очевиден, творцы англо-американской политики спешно принялись разрабатывать планы новой агрессии. По свидетельству английского журналиста Ральфа Паркера, один из инициаторов пресловутой «холодной войны» американский дипломат Джордж Кэннан еще 9 мая 1945 г., глядя из окна посольства на демонстрацию трудящихся Москвы в День победы, злобно сказал: «Ликуют.. Они думают, что война кончилась А она еще только начинается»

Именно стремлением империалистов сколотить новый антисоветский блок и были прежде всего вызваны всевозможные «планы», «союзы» и «пакты», которых так много расплодилось на Западе за послевоенные годы. Сюда относятся и «план Маршалла», и «Европейский союз», и Северо-атлантический пакт, и сколачиваемые Средиземноморский и Тихоокеанский блоки. Все они преследуют цель подготовки новой агрессии против Советского Союза и стран народной демократии.

В книге Мейера читатель найдет обстоятельный анализ реакционных движущих сил, по указке которых правительства Вашингтона и Лондона проводят политику

разжигания новой мировой войны. Англо-американские капиталисты выгодно использовали вторую мировую войну в своих узко корыстных интересах. Барыши промышленных корпораций баснословно выросли. Японские и германские конкуренты американских и английских капиталистов оказались выбитыми из седла.

Но уже в первые послевоенные годы перед англо-американскими империалистами во весь рост встал призрак нового экономического кризиса. Вашингтонские правители надеялись задержать его приближение с помощью усиленного сбыта своих товаров в другие страны. Именно такова была вторая цель пресловутого «плана Маршалла». Жизнь, однако, показала, что авантюристическая затея с «планом Маршалла» не только не оправдала возлагавшихся на нее империалистами надежд по спасению Соединенных Штатов от кризиса, но, напротив, лишь ускорила приближение новой экономической катастрофы в капиталистическом мире.

В маршаллизованных странах, которые американская «помощь» должна была спасти от всех бед, экономическое положение все более ухудшается. Производство сокращается или топчется на месте, растет безработица, снижается и без того низкий жизненный уровень трудящихся масс.

В Советском Союзе неуклонно повышается материальный и культурный уровень жизни трудящихся. За послевоенные годы трижды проведено снижение цен на продовольственные и промышленные товары. В это время в капиталистическом мире цены катастрофически скачут вверх. В Англии за два с половиной года дороговизна возросла на 25%, во Франции продукты вздорожали по сравнению с довоенным уровнем в 20 раз, в Италии в 60 раз. Розничные цены на предметы массового потребления растут и в Соединенных Штатах, где монополисты варварски уничтожают так называемые «излишки», дабы не допустить снижения цен, а следовательно, и снижения своих огромных прибылей.

В поисках выхода из тупика, гонимые жаждой наживы, империалисты хотят подчинить весь земной шар всевластью монополий. Они ненавидят Советский Союз — могучую социалистическую державу, непоколебимо стоящую на страже независимости народов, ненавидят

страны народной демократии, которые не дают себя запугать и идут от успехов к успехам вперед, по избранному ими социалистическому пути.

«Империализм США,— пишет Мейер,— видит в Советском Союзе единственное препятствие на пути к удовлетворению своих беспредельных притязаний на мировое господство Поэтому мечты Уолл-стрита об «американском веке», как и мечты гитлеровцев о «Третьей империи», имеют в своей основе антикоммунизм и развязывание войны против СССР. Таким образом, после гибели германского фашизма произошло простое перемещение центра антисоветской вражды и интриг из Берлина в Вашингтон Только так и мог империализм США привести в действие свою программу мировой экспансии и эксплуатации других стран американским капиталом»

Судьбы народов определяются прежде всего экономическим развитием государств. Поэтому бесспорным достоинством работы Мейера является то, что он уделяет особое внимание экономическому положению в капиталистических странах, и в первую очередь в Соединенных Штатах.

Факты показывают, что самая сильная в мире капиталистическая страна не в силах предотвратить нарастающие удары кризиса Еще в 1947 г сбыт американских товаров стал заметно сокращаться Американская экономика испытывает все возрастающие трудности. Уже за первый год действия «плана Маршалла» общая стоимость экспорта Соединенных Штатов в Западную Европу снизилась на 18% Затоваривание внутреннего рынка неумолимо прогрессирует. Реальная заработная плата падает Цены растут Все это приводит к резкому снижению уровня производства В октябре 1949 г уровень промышленного производства в Соединенных Штатах был на 22% ниже, чем в октябре 1948 г. В этих условиях промышленно-финансовых тузов охватила паника.

«Напуганные владельцы инструментальных и машиностроительных предприятий, хозяева трестов добывающей промышленности и заводов тяжелой промышленности,— пишет Мейер,— поспешили в Вашингтон, чтобы доказать «жалкое состояние» американской национальной обороны и военных сил перед лицом «русской

опасности»... Удивительно, с какой быстротой стала возрастать «коммунистическая опасность» и параллельно с ней требования монополий о все больших заказах на вооружение. С каждым миллиардом, ассигнованным на самолеты, бомбы и винтовки, вопли милитаристов становились все истошнее. В одном только 1949 г. предполагалось израсходовать на вооружение 20 млрд. долл.— больше, чем США израсходовали за целое десятилетие, 1930—1940 гг, когда Япония и Германия угрожали безопасности Соединенных Штатов и миру во всем мире».

Поклонники политики силы — американские империалисты — делали свою главную ставку на атомную бомбу. Они тешили себя призрачной иллюзией, будто являются единственными обладателями этого разрушительного оружия. Отсюда проистекала облюбованная вашингтонскими властями политика оголтелого атомного шантажа. Отсюда — упорное нежелание правительства Соединенных Штатов категорически запретить использование атомного оружия, что неоднократно предлагало советское правительство.

Сообщение ТАСС от 25 сентября 1949 г. нанесло сокрушительный удар по авантюристической политике империалистов и их шантажу атомной бомбой.

Вместе с тем оно показало всему миру благородство позиции Советского Союза, который, обладая с 1947 г. секретом производства атомной энергии и владея атомным оружием, использовал атомную энергию для целей гигантского мирного строительства и в то же время неизменно настаивал и настаивает на безусловном запрещении применения атомной бомбы, на установлении эффективного международного контроля.

Но атомные шантажисты не унимаются. Провалившись с атомной бомбой, они теперь надеются запугать народы призраком еще не существующей «водородной бомбы». Однако и этот очередной блеф обречен на неминуемый провал.

Выступая 10 марта с предвыборной речью товарищ В. М. Молотов указывал, что атомным шантажистам «следовало бы не так уж бахвалиться и не мешало бы зарубить себе на носу, что пока они занимались шантажом насчет монопольного обладания атомной бомбой, совет-

ские люди, как известно, не теряли попусту время, а овладели секретом производства атомной энергии и атомного оружия»¹.

* * *

Правящие круги Англии и Соединенных Штатов, ведущие политику агрессии, политику развязывания новой войны, как огня боятся соглашения с Советским Союзом. Они упорно отвергают все миролюбивые предложения советского правительства, ибо такое соглашение сделало бы беспредметной их авантюристическую политику.

Советское государство последовательно проводит политику мира и международного сотрудничества.

«Нам нечего скрывать, что для осуществления своих великих перспективных экономических планов СССР заинтересован в прочном мире и в широком мирном сотрудничестве с другими странами. Прочный мир, мир во всем мире,— вот знамя, под которым идут вперед СССР и страны народной демократии»².

Когда книга Мейера вышла в свет, движение сторонников мира делало лишь первые шаги. Ныне оно приобрело исключительно мощный размах, охватив все страны мира. Во всех уголках земного шара ширится движение сторонников мира. Во Всемирный конгресс сторонников мира входит 52 национальных комитета. В разных странах состоялось 27 конференций в защиту мира. Более чем в 40 государствах развернулась широкая кампания за сокращение вооружений, запрещение атомного оружия. Сторонники мира ведут все более действенную борьбу за свое благородное дело. Примером могут служить самоотверженные действия докеров западноевропейских портов, отказывающихся, несмотря на жестокие репрессии властей, разгружать американское оружие, поставляемое в маршаллизованные страны по условиям агрессивного Северо-атлантического договора.

Особенно широкий размах движение докеров приняло во Франции, где трудящиеся активно выступают не только против происков американских поджигателей войны, но и против захватнических авантур французских

¹ Речь на собрании избирателей Молотовского избирательного округа г. Москвы 10 марта 1950 г. («Правда», 11 марта 1950 г.) Там же.

колонизаторов, отказываясь грузить военные материалы, предназначенные для «грязной войны» во Вьет-Наме.

Решения происходившей в середине марта 1950 г. в Стокгольме третьей сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира показали, что движение в защиту мира вступило в новый, важный этап своего развития

«Мы требуем,— гласит единодушно принятое воззвание сессии,— безусловного запрещения атомного оружия как оружия устрашения и массового уничтожения людей.

Мы требуем установления строгого международного контроля за исполнением этого решения.

Мы считаем, что правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества и должно рассматриваться как военный преступник.

Мы призываем всех людей доброй воли всего мира подписать это воззвание»

Отныне поджигатели войны должны знать, что их постигнет суровая кара народов, если они осмелятся разжечь пожар атомной бойни. Любое правительство, которое первым применит атомную бомбу, каждый член такого правительства в отдельности, будут рассматриваться «всеми людьми доброй воли» как военные преступники, и рано или поздно окажутся на скамье подсудимых

Порукой тому десятки и десятки миллионов подписей, уже собранные во всех странах земного шара под Стокгольмским воззванием в защиту мира.

Нельзя не принимать во внимание развернувшееся массовое движение сторонников мира при сравнении обстановки между двумя мировыми войнами и нынешним положением. Ибо, хотя до второй мировой войны в народных массах и преобладали противники агрессии, сторонники мира тогда не были объединены. Теперь налицо организованный в международном масштабе фронт сторонников мира, в котором участвуют миллионные народные массы.

Лагерь мира и демократии растет и крепнет. Во главе его стоит великий Советский Союз, вместе с которым выступают такие страны, как Китайская народная республика, государства народной демократии и Германская де-

мократическая республика, «население которых составляет более одной трети всего человечества.

* * *

В заключительной главе «Америка на распутье» Мейер касается внутренних проблем Соединенных Штатов. Проводя параллель между положением в гитлеровской Германии накануне второй мировой войны и нынешней обстановкой в США, автор предупреждает против губительных последствий, которые несет американскому народу фашизация Соединенных Штатов.

«Как и нацистская Германия в канун второй мировой войны,— пишет Мейер,— Соединенные Штаты управляются директором крупнейших промышленных банковских монополий. Как и в нацистской Германии, этот директорат проводит в огромных масштабах кампанию по милитаризации народных масс, распространению среди них военного психоза, построенного на иступленной садистской фетишизации непобедимого всеразрушающего оружия.. Как и в гитлеровской Германии, американское правительство, предприняв свой антидемократический поход, действует путем подкупа, угроз и использования всяческих марионеток и наемников. И, наконец, как и в нацистской Германии, американское правительство, действующее по указке монополий, ликвидирует гражданские права, громит профсоюзы и вносит в них раскол, преследует и заточает в тюрьмы прогрессивных деятелей, коммунистов и антифашистов».

В Соединенных Штатах сращивание монополистического капитала с государственным аппаратом достигло небывалых размеров. В вышедшей в 1949 г в Нью-Йорке книге Аллена и Вилкерсона «Экономический кризис и холодная война» приводятся на этот счет небезынтересные данные. Оказывается, в числе 125 лиц, назначенных президентом Трумэном в 1946—1948 гг на различные государственные посты, было 66 финансистов, промышленников и юрисконсультов корпораций. Генералы, адмиралы и другие военные получили 31 пост. Центральным органом по направлению политики Соединенных Штатов является так называемый Совет национальной безопасности, ведущие члены которого, как, например, министр

обороны Джонсон, связаны с крупнейшими монополистическими организациями.

К услугам этой кучки монополистов все средства воздействия на население. В их распоряжении разветвленный бюрократический правительственный аппарат, полицейские силы, мощная монополистическая пресса и радио. Ежедневно, ежечасно реакционная пропаганда «обрабатывает» американского обывателя, стараясь одурачить его, привить ему человеконенавистнические, расистские убеждения, подготовить его к мысли о неизбежности и даже выгоды войны.

Но теперь уже не те времена, когда поджигатели войны могли дурачить американский народ, уверяя, будто ему не придется нести тяжелых жертв войны. Народы Европы и Азии не хотят быть пушечным мясом для империалистов. Это начинает понимать и американский народ, все более ясно отдающий себе отчет в том, что если поджигатели войны организуют новую бойню людей, то горе матерей, жен, сестер, детей посетит и американский континент.

Заканчивая свою книгу, Мейер констатирует, что война не неизбежна, что американский народ должен остановить преступную руку империалистов, толкающую его в пропасть военных авантур. Мейер обращается к прогрессивным силам Америки, призывая их неустанно бороться за то, чтобы «рассеять атмосферу ненависти и военной истерии, разжигаемой монополистами», чтобы создать единый фронт американских рабочих, фермеров и интеллигенции, единый фронт «всех противников военных заговоров крупных трестов».

За последнее время, в особенности за первые месяцы 1950 г., наблюдается быстрый рост движения сторонников мира и в Соединенных Штатах. Это движение приняло особенный размах в ответ на данное Трумэнном в конце января 1950 г. указание начать работу над так называемой «водородной бомбой». Сопровождавший этот новый шантажистский маневр американского правительства взрыв военной истерии, разжигаемой монополистами, вызвал возмущение во всей стране. Из всех уголков Соединенных Штатов раздаются резкие протесты против планов производства нового смертоносного оружия. С требованием запрещения атомного оружия

выступили многочисленные группы ученых и общественных деятелей. С аналогичным требованием отменить «возмутительное самоубийственное решение Трумэна» о планах шантажа с помощью несуществующей «водородной бомбы» выступил Американский всеславянский конгресс. Конгресс обратился со специальным посланием к президенту Трумэну, в котором призывает возобновить переговоры с Советским Союзом относительно объявления вне закона всех видов атомного оружия. В конце февраля 1950 г. газета «Крисчен сайенс монитор» опубликовала сообщение из Вашингтона, в котором говорилось, что «американские граждане, взволнованные сообщением о водородной бомбе, посылают конгрессу небывалое количество писем, требуя прекратить эту катастрофическую гонку вооружений». Объединенная комиссия конгресса по вопросам атомной энергии ежедневно получает до 200 писем с требованиями мира. Множество писем аналогичного содержания получают члены сената и палаты представителей.

Протесты в Соединенных Штатах против новой гонки атомных вооружений убедительно говорят о том, что все более широкие массы американского народа, несмотря на старания реакционной пропаганды, становятся на путь активной борьбы против авантюристической политики монополистов Уолл-стрита.

* * *

Следует отметить, что книга Мейера не свободна от некоторых недостатков. Так, автор недостаточно четко высказывается о роли насилия в классовой борьбе.

Говоря о Бирнсе, сменившем в конце 1945 г. Стеттиниуса на посту государственного секретаря, автор пишет, что Бирнс будто бы одно время стоял за соглашение с Советским Союзом. По словам Мейера, адмирал Леги и президент Трумэн чуть ли не предъявили Бирнсу ультиматум: «или перейти к «жесткой политике», или выйти в отставку». Повидимому, здесь автор оказался в плену монополистической пропаганды, которая всячески стремится запутать вопросы международных отношений, сбить с толку общественное мнение. Известно, что Бирнс был одним из инициаторов и наиболее ревностных проводников так называемого «жесткого курса» по отношению

к Советскому Союзу. В книге «Откровенно говоря», которую Бирнс опубликовал в конце 1947 г. после своего ухода в отставку, он выступает как рьяный защитник «жесткой политики» и сам разоблачает себя как оголтелого поджигателя войны, предлагая Соединенным Штатам ответить на справедливую критику советскими представителями американских предложений в Комиссии по атомной энергии ООН выпуском «лучших бомб и в возможно большем количестве».

Подробно описывая усилия английских реакционеров, направленные на развязывание гитлеровской агрессии, Мейер иногда склонен представлять дело так, будто бы американская дипломатия шла попросту на поводу у британских империалистов. Тем самым автор смазывает роль, которую сыграли реакционные круги Соединенных Штатов в деле подготовки второй мировой войны.

Все же, несмотря на отдельные недостатки и неточности, работа Мейера, основанная на обширном фактическом материале, представляет для советского читателя несомненный интерес.

Разоблачая поджигателей войны и их лживую пропаганду, служащую лишь ширмой, за которой магнаты Уолл-стрита творят свое грязное дело, книга Мейера является значительным вкладом в дело борьбы за мир и демократию.

В. Бережков.

ВСТУПЛЕНИЕ

Четыре года спустя после окончания победоносной войны против держав «оси» нас призывают ускорить приготовления к новой войне. Американские и английские государственные деятели и генералы уверяют нас, что вооруженное столкновение, по существу, неизбежно. Рассуждения тех, кто готовит новую войну, весьма просты: по земле бродит опасность, зловещий враг строит козни, угрожающие нашему благополучию, нашей независимости как нации. Поджигатели войны утверждают, что эта опасность — коммунизм, этот враг — Советский Союз, и при этом ссылаются на «советские и коммунистические интриги». Едва ли найдется такая национальная или мировая проблема, которую они не пытались бы отнести на счет этих «интриг». Если вы видите голод, забастовки или волнения в Италии, Индии, Франции, Чили, Колумбии, если происходят восстания в Индонезии, Малайе, Греции или Китае, «ищите советское влияние», — заявляют вам. Находятся и такие государственные деятели, которые предлагают «совсем простое решение»: разбомбите Советский Союз атомными бомбами, искорените коммунизм, и жизнь на земле автоматически превратится в райскую обитель благоденствия и мировой гармонии.

Та часть мира, которая уже пришла к социализму или находится на пути к нему, составляет сейчас огромную долю земного шара — почти одну треть всей его суши. На ней живут более 700 млн. трудолюбивых, интеллектуально развитых людей самых различных национальностей. Они располагают блестящими учёными и техниками, обширными лабораториями, мощными заводами. По свидетельству многочисленных ученых и по заявлению советских вождей, СССР обладает секретом производства

атомного оружия¹. Несомненно, эти 700 млн. человек имеют все необходимые средства обороны и способны дать отпор агрессорам, даже вооруженным самым современным оружием. Весьма вероятно поэтому, что поджигатели, начавшие агрессивную атомную войну, могут сами пасть жертвами атомной бомбы. В этом, конечно, не было бы большой беды, если бы опасность не угрожала одновременно жизням и судьбам миллионов рядовых американцев.

Поэтому, если даже многие введенные в заблуждение американцы ошибочно считают Советский Союз своим врагом, то все же они обязаны осведомиться, не является ли политика Вашингтона, направленная на развязывание войны, безответственной азартной игрой, ведущей к национальному самоубийству. Потрясение атомной бомбой, бойкот стран Восточной Европы и СССР, «план Маршалла», Северо-атлантический пакт, восстановление власти германских военных магнатов и восстановление военной промышленности Германии,— совместно ли все это с сохранением национальной безопасности Соединенных Штатов?

Сейчас в США дело дошло до того, что даже задать подобный вопрос или заговорить об американо-советском сотрудничестве равносильно для многих государственной измене. Всякого, кто осмелится это сделать, немедленно заклеймят как неамериканца или обвинят в том, что он «агент Москвы». Но лучше подвергнуться такой участи, чем преступно скрывать от народа истину в отношении основных, важнейших проблем, стоящих перед ним.

А истина заключается в том, что небольшая кучка частных лиц, которым принадлежит большая часть национальных богатств США, стремится разжечь пожар третьей мировой войны. Чувствуя, что развитие прогрессивных социальных систем и идей угрожает их могуществу, они пытаются представить свои личные интересы тождественными интересам нации. В таком «намеренном отождествлении американизма с интересами группы частных дельцов таится опасность», пишет Генри Стил Комейджер, профессор истории Колумбийского университета. «Многие ученые-экономисты предсказывают в бли-

¹ См сообщение ТАСС от 25 сентября 1949 г. (*Прим. ред.*)

жайшем будущем экономический кризис, аналогичный кризису 1929 г. Если американизм приравнивается к системе частного предпринимательства, то что же будет с американизмом, если капитализм потерпит крушение? И если лойяльность и частное предпринимательство неразрывно связаны между собой, то как сохранить лойяльность, если частное предпринимательство окажется несостоятельным?»¹.

Рассматривая в последующих главах основные события, приведшие ко второй мировой войне, мы увидим, способны ли монополистический капитал и финансовая олигархия на какую бы то ни было лойяльность по отношению к какому бы то ни было народу или нации. История является не только решающим арбитром; она, как компас, указывает направление. Но достаточно ли у нас мужества, чтобы извлечь уроки из современной истории? Ибо современная история с полной несомненностью разоблачит поджигателей войны, назовет тех, кто готовит горькую чашу, которую нам, быть может, придется испить до дна. Наше неведение может обойтись нам слишком дорого, как показал трагический опыт других наций.

Упрямые факты, зарегистрированные историей, нельзя уничтожить, так же как нельзя игнорировать их значение, не попирая при этом здравого смысла. Автор держится твердого убеждения — подтверждаемого тысячами примеров, — что войны есть результат существующих социальных условий, конкретных материальных потребностей эксплуататорских господствующих классов. Если история нашего столетия характеризуется повторяющимися циклами проявления насилия над массами и непрестанного уничтожения миллионов людей, то причину следует искать не в том, что человек по своей природе якобы склонен к насилию, но в тех специфических материальных условиях, которые придают нашей эпохе ее особый характер и превращают многих людей во врагов общества.

Начиная с 1900 г. не было ни одного года, когда капиталистические страны не воевали бы друг с другом или с колониальными народами, когда бы они не вооружались

¹ Henry S. Commager, Who is Loyal to America? 1947.

лихорадочно и не готовились к новым войнам. Когда мы спрашиваем буржуазного социолога о причинах, лежащих в основе этого организованного уничтожения человеческих жизней и ценностей, то он обычно отвечает, что единой основной причины не существует, но имеется целый ряд причин и каждая из них требует особого, подробного анализа. Он может приписать возникновение войны тупоголовости дипломатов или их ошибкам, присущей человеку агрессивности, жадности или конкуренции (правда, в отвлеченном плане), массовому безумию, охватившему Германию, вероломству Англии, безучастию США к делам Европы, образу мышления японцев, или множеству других факторов — от греховности человека вообще до солнечных пятен. Но если зайдет речь о монополистическом капитале и его упорном стремлении к войне, то наш буржуазный социолог категорически запротестует против подобного предположения или же сразу понизит голос до шопота.

Нетрудно понять, почему буржуазный социолог боится назвать подлинных виновников этого положения. Если он признает истинную причину современных войн, то он станет на такой путь мышления, который неизбежно приведет его в лагерь противников капитализма. Миф сменится научным взглядом на политические течения, существующие в мире

Буржуазия и сама не прочь использовать науку для изыскания новых источников доходов или изготовления атомных бомб, но она возражает против приложения научных методов к социальным проблемам. Для того чтобы провести такую грань, буржуазная культура воздвигает надстройки из философских, клерикальных и обскурантистских систем, утверждающих духовный, нематериальный, неопределенный характер жизни, истории и мироздания вообще. Чем более упорны, чем более расчетливы капиталисты в своей погоне за наживой, тем больше они стремятся к тому, чтобы культура была насыщена теологией, мистицизмом и иррационализмом

Вот почему взгляды официальных буржуазных экономистов, социологов и историков на общество и его организацию, подобно взглядам средневековых клерикалов, сводятся к бесконечно убогому педантизму. Если вы выскажете ту простую истину, что монополистический капи-

тал может существовать, только питаясь живой кровью и плотью, если вы предположите, что смерть и увечья десятков тысяч американских юношей на дальних островах Тихого океана понадобились только для того, чтобы банкиры Нью-Йорка, Лондона и Амстердама могли удерживать в своих руках богатства, а следовательно, и власть, то вы рискуете подвергнуться соответствующему наказанию. Все удлиняющийся список уволенных профессоров, журналистов, государственных и других служащих служит ярким свидетельством того, что научное мышление в области социальных проблем находится в Соединенных Штатах под запретом

Между тем бедствия, поражающие современный мир, не более загадочны, чем холера или чума, опустошавшие Европу много столетий назад. Смерть от пули на поле битвы — лишь звено в цепи предшествующих событий, такое же, как, например, смерть от малярии. Каждый случай может быть подвергнут научному анализу. Наука установила, что существование комара анофелеса — носителя малярии — связано с существованием болот. И никто из ученых не будет возражать против того, что осушка болот устранил малярию и ее последствия. К счастью, болота не имеют экономической ценности, и капиталисты не стремятся препятствовать их уничтожению. Иное дело, если бы исчезновение этих рассадников болезни могло в какой-либо мере поставить под угрозу доходы и привилегии господствующих классов. В этом случае открытие, что болота являются рассадниками малярии, которая служит причиной смерти или хронических заболеваний миллионов людей, поспешили бы скрыть, а людей, сделавших это открытие, обвинили бы в подрывной деятельности.

Только с того момента, когда наука стала устанавливать зависимость между действием и причиной и рассматривать отдельные явления в их взаимосвязи с другими явлениями, началось активное завоевание природы. Это же относится и к области социологии, экономики и политики. Марксизм — единственная наука, доказавшая свою способность теоретически и практически выявить силы, направляющие и определяющие судьбы человечества. Сила марксистской науки — как в теории, так и на практике — основана на применении научных принципов

диалектического материализма при анализе социальных и исторических явлений.

Марксистский анализ точно показывает, что экономические кризисы связаны с политической реакцией и фашизмом, что они возникают из материальных условий капитализма, неотъемлемую часть которых они составляют. Марксизм учит нас, что в основе современных войн лежит не алчность или безнравственность той или иной группы капиталистических лидеров. Эти черты появляются, развиваются и приобретают особую остроту вследствие социальных условий, создаваемых капитализмом. Гитлер и Чемберлен смогли разжечь последнюю мировую войну потому, что они были представителями, составной частью тех империалистических социально-экономических сил, которые толкали мир к войне. Империалистические войны, по существу, являются конечным продуктом, результатом совокупного действия всех сил самой капиталистической системы.

После первой мировой войны немецкий социал-реформист Карл Каутский и его последователи выдвинули теорию «ультраимпериализма». Это теория объединения мировой экономики, конечного исчезновения противоречий и конфликтов между империалистическими странами, совместимости монополистического капитализма с мирной жизнью. Социал-демократические реформистские рабочие вожди успокаивали и обольщали рабочий класс Германии, суля ему «организованный» капитализм, перерастающий в социализм. Эта теория послужила идеологической основой для измены социал-демократов, предавших рабочий класс Центральной Европы германским монополиям. Ленин разоблачил эту ложную теорию как маскирующую глубочайшие противоречия империализма и отделяющую политику от экономики. Ленин показал также, что при империализме, когда свободная конкуренция подавляется монополиями, неравномерное развитие различных капиталистических стран все усиливается и приводит к еще большему обострению противоречий и борьбы между ними. Современная мировая история неоднократно подтверждала правильность анализа империализма, данного Лениным.

В 1927 г. буржуазные экономисты и различные оппортунисты, выдававшие себя за марксистов, создали теорию

американской «исключительности»; согласно этой «теории», США якобы застрахованы от капиталистической неустойчивости и всегда останутся вне орбиты экономических кризисов. Подлинные же марксисты предвидели надвигающийся кризис, доказывали неизбежность его наступления (как оно и случилось в 1929 г.) и предупреждали, что он повлечет за собой новую мировую войну.

В докладе на XV съезде ВКП(б), происходившем в декабре 1927 г., Сталин сказал: «...из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными,— именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации.

Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент»¹.

Мировые события, развернувшиеся в следующее десятилетие, полностью подтвердили это предсказание Сталина.

Основное противоречие капитализма заключается в том, что миллионы рабочих объединены в коллектив для производства товаров, насущно необходимых всему обществу, но в то же время все средства производства — заводы, шахты, сырье, технические научные силы и, наконец, вся выпускаемая продукция — принадлежат группе капиталистов — ничтожной по сравнению с рабочим классом и остальными трудящимися массами,— главная и единственная цель которой заключается не в производстве товаров для общего блага, но в накоплении прибылей.

Цель капиталистического производства — выжимать все больше и больше прибыли из труда рабочего. Часть своих прибылей капиталисты обращают в новые капиталы,

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 10, стр. 274.

новые капиталовложения, в новые заводы и машины для дальнейшего расширения производства. Таким образом, с одной стороны, в капиталистическом обществе существует тенденция к расширению производства, повышению производительности и увеличению объема продукции. С другой стороны, капиталисты вынуждают рабочих понижать свой жизненный уровень, сводить потребление трудящихся масс к минимуму, едва достаточному для поддержания существования, с тем чтобы сами капиталисты могли продолжать накапливать прибыли и увеличивать капитал. Таким образом, при капитализме потребительская способность широких масс никак не может идти в ногу с быстрым ростом производства. Капиталисты пускают в ход все виды обмана и насилия, чтобы воспрепятствовать повышению покупательной способности рабочих или росту их реальной заработной платы. Вскоре производство начинает превышать потребление, рынки наводняются товарами, не находящими сбыта, склады переполняются, заводы останавливаются, а растущая безработица еще больше снижает потребление. Наступает так называемый «кризис перепроизводства».

Покуда капиталисты употребляют свои огромные прибыли на расширение производства и инвестирование, наблюдается временный подъем деловой активности. Такие объекты, как станки, горны, заводские здания, строятся рабочими не для немедленного использования. На какой-то срок это строительство вызывает спрос на рабочую силу. «Такой период — с точки зрения этих рыцарей простого () и здравого человеческого смысла — должен бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство включает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису»¹

Процветание 20-х годов было ознаменовано огромным ростом капиталистических прибылей и большими капиталовложениями в заводское строительство и машиностроительную промышленность. Это вызвало временное повышение спроса на рабочую силу, увеличение числа и мощ-

¹ К Маркс Капитал, М, Госполитиздат, 1949 г, т II, стр 411.

ности заводов и машин, но также и относительное снижение заработной платы по сравнению с ростом производства. Продукция, выпускаемая заводами, продолжала значительно превышать то ее количество, которое рабочие могли приобретать на свой заработок. Кривая экономической жизни отразила сначала небольшое понижение спроса на рабочую силу, потом период застоя и, наконец, стремительное падение и полный крах. *Таким образом, капиталистическое «процветание» является лишь преддверием к кризису*

Итак, одно из основных противоречий капитализма заключается в том, что он должен производить все большее количество товаров и в то же время понижать покупательную способность населения, препятствуя тем самым сбыту этих товаров. Или, говоря словами Маркса, «последней причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества»¹.

В начале XX в. капитализм вступил в свою высшую и последнюю стадию — империализм, или монополистический капитализм. Ленин указал различные признаки, которыми эта эпоха отличается от предшествующей ей эры промышленного капитализма, преобладавшего в XIX в. Основные черты империалистической стадии — стадии паразитического и загнивающего капитализма: преобладание монополий, картелей и трестов, играющих решающую роль в экономической жизни; появление господствующей финансовой олигархии, экспорт капитала и завершение территориального раздела мира между главнейшими капиталистическими державами.

Замена свободной конкуренции монополией — вот главная экономическая черта империализма. Монополии стремятся ограничить производство, сохранять высокие цены и в то же время снижать заработную плату рабочих. Монополистический капитал повсюду усиливает эксплуатацию рабочих. Финансисты и монополисты становятся хозяевами государства, они используют его для поисков

¹ К. Маркс. Капитал, М, Госполитиздат, 1949 г, т III, стр. 498

новых рынков, новых колоний, новых возможностей экспорта капитала и новых источников сырья. Монополии обостряют капиталистические противоречия, ускоряя наступление кризиса относительного перепроизводства.

Кроме того, монополии повсюду наталкиваются, как на барьер, на ограниченную покупательную способность населения. Параллельно с ростом богатства и могущества монополий происходит обнищание масс во всем капиталистическом мире. Даже в США, которые не испытали на себе опустошительного действия империалистических войн, 70 % семей получают доход, не достаточный для обеспечения минимальных условий нормального существования (по данным комитета Геллера при Калифорнийском университете). При капитализме накопление баснословных богатств ничтожным меньшинством «.. есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации...»¹ огромного большинства человечества.

Этим объясняется обострение борьбы между капиталом и трудом, все усиливающиеся противоречия внутри капиталистического хозяйства, лихорадочная погоня за рынками и, наконец, все большее упорство, с которым капиталисты-монополисты при помощи войны и фашизма стараются удержать свою власть и свои привилегии.

Итак, только марксистско-ленинское учение способно выявить взаимосвязь между колоссальным развитием капиталистической техники и производительности и все усиливающимся обнищанием масс, между ростом частных гигантских промышленных предприятий и стремлением монополистов к кровопролитным войнам, уничтожающим миллионы людей

¹ К. Маркс. Капитал, М, Госполитиздат, 1949 г., т. I, стр 651.

Глава 1

ПРЕДПОСЫЛКИ К КАТАСТРОФЕ

В период, последовавший за первой мировой войной, международная реакция столкнулась с проблемами, во многих отношениях аналогичными тем, с какими ей приходится иметь дело сейчас. Прежде всего это был вопрос о том, как уничтожить молодую Советскую республику. В 1917 г. русский народ совершил, с точки зрения реакции, непростительное преступление, он сверг феодальную и капиталистическую олигархию и национализировал землю и промышленность. За то, что Советы стали создавать новую систему политической и экономической жизни, на них немедленно обрушились армии интервентов всех главных капиталистических держав, включая США и Японию. Политическим вдохновителем их был Уинстон Черчилль. Миллионы людей были убиты белогвардейскими войсками Петлюры, Деникина, Колчака, Врангеля, Пилсудского и других, войсками, вооруженными Англией, Францией, Голландией и Соединенными Штатами. Стальные тресты и финансовые объединения этих стран стремились сохранить в своих руках богатые сырьевые ресурсы России. Красная Армия вышла победительницей из долгой, ожесточенной борьбы. Лондонские, парижские, амстердамские и уолл-стритовские банкиры были вынуждены ожидать «лучших дней».

Правда, они достигли большого успеха в подавлении вызванного войной революционного движения в других частях Европы. В Германии, Италии, Австрии и Венгрии рабочий класс готов был расправиться не только с марионетками — Габсбургами, Гогенцоллернами и Савойской династией, но и с господствующими классами, интересы которых представляли эти монархии. Международные тресты были крайне встревожены возможностью того, что рабочие Европы захватят банки и заводы и начнут

управлять ими на благо народа. Английские и французские армии организовали блокаду рабочего правительства Венгрии, которое в конце концов, было взято измором и уничтожено военной интервенцией при содействии «Комиссии помощи Европе», возглавляемой Гербертом Гувером. Когда свержение продажной Савойской династии в Италии и расправа со скрывавшейся за ней группой спекулянтов казались неминуемыми, дельцы лондонского Сити и Уолл-стрита поспешили им на выручку, дав средства на спасение «итальянской свободы» и «частной инициативы» при помощи чернорубашечников Муссолини. Изменническая политика правых социал-демократов во главе с Турати, предавших рабочий класс Италии, расчистила путь «походу на Рим» Муссолини и установлению в Италии фашистского режима

Но этого было недостаточно. Нью-йоркские, лондонские и парижские финансисты понимали, что им не устоять в решительной схватке между ослабевшим европейским капитализмом и растущим демократическим народным движением, если они не поддержат рурские монополии, этот оплот европейской реакции К 1918 г. в Германии назрели исторические условия для разгрома ее господствующего класса. Среди немецких рабочих и широких масс трудящихся нарастало озлобление против капиталистов-спекулянтов, наживавшихся на войне, двуличных политиканов Антанты и благодушной мелкобуржуазной интеллигенции, которая умела только говорить, но никогда не претворяла своих слов в дело. Германская реакция, поддерживаемая прямо и косвенно немощными веймарскими либералами и социал-демократами, в особенности Эбертом, Шейдеманом, Носке и другими правыми лидерами немецких социал-демократов,— разгромила революционные силы народных масс Германии.

В 1920 г. на совещании германских, английских и американских промышленников, происходившем в отеле «Кайзердорф» в Берлине, было собрано 500 млн. марок, «на истребление красных» в Германии. После этого начались налеты на собрания рабочих и демократических организаций под лозунгом борьбы с коммунизмом. Погибло много либеральных и прогрессивных деятелей: Рау-тенау, Эрцбергер, Роза Люксембург, Карл Либкнехт и другие. Позднее появились фашистские организации:

«Стальной шлем», «Легион ветеранов», «Черный рейхсвер» и, наконец, гитлеровские нацисты; всех их вооружала и финансировала германская и международная реакция. Установление гитлеровского режима в Германии и Европе было только завершающим эпизодом в длинном ряде организованных действий, направленных к тому, чтобы превратить Германию в антисоветский авангард мировой реакции.

Союзы, основанные на наживе и кровопролитии

Роль защитников и сподвижников европейской реакции как нельзя лучше совпадала с политическими и экономическими целями германских империалистов. Хозяева Германии — химические и металлургические магнаты Рурского бассейна и юнкерство — рассматривали свое поражение в 1918 г как временную неудачу. Для того чтобы возобновить свою борьбу за захват мирового господства, им необходимо было построить более совершенные заводы, развить и модернизировать свою и без того передовую технику с целью начать производство мощного вооружения для очередной бойни. Средства для восстановления военного потенциала Германии были быстро найдены. Без миллиардных кредитов, без санкции западных держав на нарушение Версальского договора и перевооружение германские планы натолкнулись бы на очень серьезные препятствия. Англо-американские капиталисты рассчитывали при помощи займов нажиться, участвуя в прибылях и частично контролируя германскую промышленность, и одновременно возвести укрепления против Советского Союза и растущего европейского прогрессивного и профсоюзного движения.

«Планы Маршалла» того времени назывались планами Дауэса и Юнга, по именам предложивших их банкиров. Тресты, находящиеся под контролем Моргана, — через банкира Чарлза Г. Дауэса и Герберта Гувера, — и концерн «Дженерл электрик» — через Оуэна Д. Юнга — устроили так, что в Германию хлынули миллиарды долларов из частных и общественных источников. Компаньон Моргана С. Паркер Джилберт был назначен генеральным агентом по репарациям в Германии. Герберт Гувер, Джон

Фостер Даллес, Аверелл Гарриман составили совместно с германским банкиром Яльмаром Шахтом проект плана Дауэса и предоставили Германии несколько американских займов. Кроме того, американские банкиры вложили 420 млн долл. в нефтяные, электрические, автомобильные и авиастроительные предприятия Германии, благодаря этому германским реакционерам, а позднее Гитлеру, досталась прекрасно оснащенная промышленность. Таким образом, за пять лет, начиная с 1924 г., Уолл-стрит переправил в Германию около 4 млрд. долл.

Главную роль в перекачивании американских капиталов в Германию сыграл нью-йоркский инвестиционный банк «Диллон, Рид энд Компани», возглавляемый Уильямом Дрейпером и Джеймсом Форрестолом (ставшими впоследствии руководящими политическими деятелями в правительстве Трумэна)¹. По просьбе Шахта они сумели всучить 7,5 млрд. обесцененных марок Рейхсбанка американским покупателям, убедив их в том, что это очень выгодное помещение денег. Как только «Диллон, Рид» избавился от этих марок, германское правительство объявило, что они обесценены. Выручку поделили между собой фирма «Диллон, Рид энд Компани» и Рейхсбанк.

Тем временем американские и германские монополии сливались и переплетались между собой. Финансовые группы Моргана, Рокфеллера и Дюпона вкладывали огромные суммы в военную промышленность Германии. Американские фирмы находились во владении германских картелей, а германские предприятия действовали в американских интересах «Дженерл моторс», «Анаконда», Дюпон, Форд, Кун Леб, Меллон установили тесную связь со своими германскими партнерами. Фирмы «Вестингауз», «Эллис Чалмерс» и «Дженерл электрик» заключили картельные соглашения с фирмой «Сименс унд Гальске», германской «АЭГ» и другими корпорациями. В 1927 г. оформился союз треста «Стандард ойл» с «И. Г. Фарбениндустри» и Карла Цейсса с фирмой «Бауш энд Ломб», а Крупп и авиационные фирмы Гер-

¹ Kilgors Hearings, Senate Sub-Committee on Military Affairs, 1945, p. 2058

мании стали филиалами американских фирм. Германские и американские тресты так тесно переплелись, что уже никто не мог бы сказать, где кончаются одни и начинаются другие.

Все эти соглашения между картелями и монополиями редко становились достоянием гласности. Все же одна из сделок, заключенных между «И. Г. Фарбениндустри» и «Стандард ойл», получила огласку во время второй мировой войны. В 1939 г. Франк Говард из «Стандард ойл» и представители «И. Г. Фарбениндустри» в Германии сговорились работать совместно и делить между собой определенные доходы во время войны. По условиям этого соглашения, «Стандард ойл» продолжала поставлять высокооктановый бензин гитлеровским фирмам в Южной Америке для переправки его в Италию и Германию. Позднее министерство юстиции США установило, что компания «Стандард ойл» намеренно скрывала от правительства США сведения, имеющие военное значение, — те самые сведения, которые она передала нацистам.

Главную роль в восстановлении военной машины Германии играл трест «И. Г. Фарбениндустри» — основное промышленное ядро гитлеровской Германии. Путем подкупа, шантажа и шпионажа этот картель приобрел власть над химическими предприятиями во всем мире. «Теснейшее экономическое объединение от Бордо до Одессы» — таков был его лозунг. «И. Г. Фарбениндустри» контролировал 380 германских фирм и 500 предприятий в 93 странах.

Английский химический трест «Импириал Кемикал индастриз» и Федерация британских промышленников были тесно связаны с «И. Г. Фарбениндустри». По утверждению Уенделла Берджа, бывшего помощника министра юстиции США, этот картель имел в Соединенных Штатах 162 дочерних предприятия. Как видно из данных, приведенных Ричардом Сесюли¹ и другими, именно «И. Г. Фарбениндустри», руководил подготовкой второй мировой войны. Этот трест имел активных сообщников среди крупных капиталистов всех тех стран, где находились его филиалы. Соглашения «И. Г. Фарбениндустри»

¹Р. Сесюли. «И. Г. Фарбениндустри», М, Издательство иностранной литературы, 1948 г.

охватывают «империю» Дюпона, «Алюминиевую корпорацию Америки» Меллона, фирмы «Дау кэмикал», «Уинтроп» и многие другие американские корпорации.

Сделки Даллеса

След гитлеровского «И. Г. Фарбениндустри» ведет и к Джону Фостеру Даллесу, главе нью-йоркской адвокатской конторы «Сэлливан энд Кромвелл», Уолл-стрит, 48. При посредстве Даллеса фирмы «Юнайтед Стейтс стил», «Алкоа» и трест Дюпона заключили картельные соглашения с «И. Г. Фарбениндустри» и «Ферейнигте шталь-верке». Заправила картеля щедро вознаградили за это Даллеса и его компаньонов. Неудивительно поэтому, что Даллес и его фирма поддерживали различные авантюры нацистов, включая и нападение на Испанскую народную республику. В довоенное время Даллес не скрывал своих профашистских, прогерманских симпатий. Когда один из представителей «И. Г. Фарбениндустри», путешествовавший по Соединенным Штатам, был разоблачен как нацистский агент, Даллес взял на себя его защиту.

В октябре 1944 г. сенатор Клод Пеппер из Флориды заявил, что Джон Фостер Даллес был одним из тех, кто помог Гитлеру прийти к власти, «ибо именно через фирму Даллес и банковскую корпорацию Шредера Гитлер получал деньги, необходимые ему для начала своей карьеры международного бандита». В настоящее время Даллес, ближайший сообщник «И. Г. Фарбениндустри» — треста, руководители которого просили Гимmlера организовать лагеря рабского труда, треста, который построил газовые печи в Освенциме, Тремблинке и Майданеке, и руководил их работой — является одним из главных руководителей двухпартийной внешней политики США.

«Трест» Даллеса был связан с гитлеровской Германией еще и другими узами. Аллен Даллес, брат Джона Фостера а Даллеса, был директором нью-йоркского отделения банковской корпорации Шредера, то есть немецкой фирмы. До войны этот банк, имевший также отделения в Англии и Швейцарии, был признанным финансовым агентом гитлеровского правительства. Он представлял также финансовые интересы «И. Г. Фарбениндустри» и

¹ А. Н о р д е н. Уроки германской истории, М., Госиноиздат, 1948

вместе с ним пытался завладеть химическими сырьевыми ресурсами Испании. Банк Шредера был также финансовым агентом «Ферейнигте штальверке», фирмы, которая наряду с «И. Г. Фарбениндустри» играла главную роль в гитлеровской программе перевооружения. Фирма Джона Фостера Даллеса представляла юридические интересы Шредера, «И. Г. Фарбениндустри», «Стандард ойл» и «Чейз нэйшнл бэнк» Американские капиталы, предназначенные для финансирования германских стальных трестов, шли не только через банк «Диллон, Рид», но и через банк Шредера.

Итак, американские банки и корпорации служили орудием восстановления реакции в Германии, а позднее фашизации страны. Гитлеровская армия двигалась на машинах «опель», выпускаемых «Дженерл моторс»; моторами этой компании пользовалась также германская легкая артиллерия и транспорт. Нацистские самолеты с моторами, поставляемыми американскими авиационными компаниями, разрушали европейские города и истребляли гражданское население.

2 июля 1940 г. полковник Франк Нокс, в то время министр военно-морского флота, подтвердил сенатской комиссии США, что «в 1934 и 1935 гг. Гитлеру поставлялись сотни первоклассных авиационных моторов, изготовляемых в США». Та же сенатская комиссия установила, что «американские промышленники с согласия правительства США свободно продавали германскому правительству патенты и права на конструирование моторов. . И потому мы не можем снять с себя ответственности за то, что авиация Гитлера превратилась в угрозу».

С помощью американских, британских и французских капиталов германская промышленность, оборудование которой изнашивалось или устарело в период первой мировой войны, была быстро восстановлена. К 1926 г. продукция Рура превысила свой довоенный уровень Американские капиталовложения привели к огромному увеличению мощности заводов и повышению их производительности За этим последовала концентрация германской промышленности в небывалых масштабах. Несколько монополий — в стальной, химической и электрической промышленности — все больше и больше завладевали шахтами и заводами Германии. Банки также были объединены в две

огромные корпорации — «Коммерц банк» и «Дейче банк», которые вскоре стали фактическими диктаторами германской экономики. Быстрое восстановление и возрождение германских финансовых и промышленных монополий англо-американскими трестами, их бывшими врагами, изумляло даже самих немцев. Подавление «красных», возведение в Центральной Европе бастиона против распространения «коммунизма» окупилось гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Германия почувствовала себя настолько уверенно, что, когда Яльмар Шахт в 1928 г. вел в Париже переговоры о «плане Юнга», он тайно предложил французским промышленникам — в целях разрешения их общих экономических проблем — «освободить» и поделить между собой Советский Союз.

Биржевой крах

В конце 20-х годов капиталистический мир был настроен оптимистически. США переживали «бум». Капиталисты всех стран стремились все более расширять свои промышленные предприятия и увеличивать производство, расширять торговлю на внутреннем рынке, увеличивать экспорт и международный обмен товаров, накапливая все возрастающие прибыли. Буржуазные экономисты не замечали непрочности своих расчетов. Напротив, они вместе с Гувером предсказывали наступление «благотельного царства свободного предпринимательства», уничтожающего войны и нищету.

Вместо наступления царства благоденствия разразился биржевой крах. В 11 часов утра 24 октября 1929 г. вера в непоколебимость системы свободного предпринимательства внезапно была потрясена до основания. Рухнули основы «новой эры» капитализма. Еще задолго до этого марксисты предупреждали о приближении кризиса. Они отмечали, что, в то время как прибыли и промышленное производство непрерывно возрастали (более чем на 50% за десятилетие 1919—1929 гг.), заработная плата большинства американских рабочих фактически оставалась без изменений. Они указывали на опасные симптомы, выражающиеся в непрерывном сокращении внутреннего рынка вследствие ограниченности покупательной способности масс.

В 1928—1929 гг. 36 тыс. богатейших семейств, то есть $\frac{1}{10}$ процента всех семейств США, получили 9,8 млрд. долл. дохода, в то время как 11,5 млн семейств, то есть 42% всего населения, получили 10 млрд.¹, то есть почти столько же, сколько верхушка, составляющая лишь $\frac{1}{10}$ процента. Это так называемое «просперити» способствовало концентрации и централизации крупного капитала. Мелкие предприятия были поглощены крупными монополиями. Технические усовершенствования, которые должны были бы стать благодеянием для фермеров, оказались для них проклятием. Они привели к сильному падению цен на сельскохозяйственные продукты, вовлекли фермеров в еще большие долги, что привело к массовому переходу земель в руки банков и корпораций. В 1929 г. более 48% фермеров в США получили менее 600 долл. дохода в год, 84% — менее чем 1500 долл. в год. Массовая безработица и накопление огромного количества непроданных товаров давали себя знать еще до начала финансового краха.

Кризис капитализма углублялся, проходя различные стадии; за ним следовал призрак новой войны. Этот призрак подчеркивал общий кризис мирового капитализма, обострял существующие классовые противоречия и способствовал еще большему усилению соперничества между империалистическими государствами. Корни второй мировой войны глубоко уходили в почву, породившую кризис.

Этот кризис после 1929 г. охватил весь капиталистический мир. Он не был похож ни на один из предшествующих кризисов. Он распространился на Германию, Францию, Англию, Японию — страны наиболее высокого капитализма. А главное, за ним не последовало, как в прежние времена, периода экономического оживления. За острым, судорожным периодом кризиса — с характерной для него потерей собственности по закладным, паникой, банковскими крахами, закрытием фабрик — последовала хроническая депрессия, хроническая безработица. «Вся королевская конница, вся королевская рать» — все капиталистические и либеральные панацеи, начиная от кейнсианской теории и кончая девальвацией валюты,,

¹ America's Capacity to Consume, Brookings Institute, 1929

все отчаянные попытки различных комиссий и всемирных экономических конференций не могли исцелить капитализм. В результате острых противоречий между богатством и нищетой, между бездействующими фабриками и неудовлетворенными потребностями людей, между огромными запасами продуктов питания и голодом масс — уродливо обнажались вся жестокость, хищничество и антиобщественный характер системы прибылей.

Англии, Франции, Голландии, Бельгии и Соединенным Штатам — так называемым «имущим» среди капиталистических стран, — хотя и сильно страдавшим от кризиса, все же удавалось кое-как продержаться. Первые четыре страны имели возможность эксплуатировать богатства и сырье своих колоний с 800-миллионным населением США обладали богатейшими естественными ресурсами на своей территории; кроме того, в их распоряжении были еще значительные пространства, благодаря установленному ими политическому и экономическому господству в Центральной и Южной Америке.

Располагая в колониях огромными резервами дешевой рабочей силы и сырья, дававшими им дополнительные источники сверхприбылей, английские, американские, голландские, французские и бельгийские капиталисты, активно поддерживая фашистское движение против растущей борьбы рабочего класса, были более или менее в состоянии управлять старыми методами.

Но в таких странах, как Германия, Италия, Япония, где капитализм развивался неравномерно, положение было иным. На эти страны также с полной силой обрушились жестокие удары острого кризиса, вызвавшего обнищание масс и обострение классовой борьбы. Но у них было меньше колоний для эксплуатации и вообще меньше резервов. Немецкие и итальянские монополисты сочли старые методы управления невыгодными. Поэтому они прибегли к методам открытой фашистской диктатуры над рабочим классом, усиливая эксплуатацию, чтобы сохранить сверхприбыли и подавить любые попытки посягнуть на их власть.

В начале 30-х годов, когда сгущались тучи мирового капиталистического кризиса, немецкая экономика приближалась к краху. 12 млн. рабочих были безработными; 412 юнкеров владели таким же количеством земли, как

миллион крестьян; мелкие крестьянские хозяйства находились под угрозой полного разорения. Чтобы поддержать свою экономику, немецкие монополисты выбросили огромное количество товаров на мировой рынок. Однако, несмотря на сильно сниженные цены, несмотря на демпинг, мировой рынок не мог поглотить всех товаров, от которых хотели избавиться монополисты. Германское правительство, возглавлявшееся социал-демократами, пыталось поднять экономику страны путем жилищного строительства. Оно выделило 55 млн. марок для этой цели, но германские цементные, стальные и лесные тресты установили высокие цены на строительные материалы. В результате жилища оказались недоступными для среднего немецкого рабочего.

Правящий класс, чтобы сохранить свои прибыли, не задумался принести в жертву интересы германских рабочих. Старые методы управления стали неэффективными. Монополисты прибегли к фашизму, надеясь найти в нем выход из своих неразрешимых противоречий. Люди, поддерживающие систему «свободного предпринимательства», приняли меры к тому, чтобы охранять интересы земельных и промышленных магнатов: они принялись расшатывать, затем уничтожать свободные профессиональные союзы, а в дальнейшем намеревались — путем войны и завоеваний — приобрести более обширное «жизненное пространство» на мировых рынках.

Борьба с коммунизмом прокладывает дорогу фашизму

Немецкие банкиры начали говорить таким языком, какой мы сейчас слышим от их американских коллег. Так, Зольмсен, председатель правления крупнейшего немецкого частного банка «Дейче банк», заявил 5 февраля 1930 г.. «Защита частной инициативы и свободного предпринимательства, личная ответственность являются сейчас насущной необходимостью для Европы... Опасность коммунизма гораздо больше, чем можно себе представить... его разрушительная воля направлена против цивилизации... Большие германские банки стоят в центре возникающих в связи с этим проблем»¹

¹ R. Braun, *Fascism, Make or Break*, 1935, p. 12

Во время выборов в Германии в июле и ноябре 1932 г. нацистская партия потеряла около 2 млн. голосов. Германские и международные финансовые и промышленные магнаты спешно бросились на помощь гитлеровской банде.

Барон фон Шредер, компаньон нью-йоркской фирмы «Шредер бэнкинг корпорэйшн» (тесно связанной с Уолл-стритом) встретился в Кёльне с фон Папеном и Гитлером, чтобы выработать план свержения правительства Шлейхера и поставить у власти нацистов¹.

Директоры «Дейче банк» — Крупп и Тиссен — предоставили свои огромные средства, прессу и радио в распоряжение Гитлера. Они начали гигантскую кампанию против «красной опасности» и пропаганду антисемитизма. Были пущены слухи о страшных «коммунистических и еврейских заговорах» против германской нации. Чтобы продемонстрировать свой патриотизм и преданность германскому государству, управляемому монополиями, большинство либералов и социал-демократов, а также некоторые еврейские реакционеры присоединились к травле коммунистов

Германские широкие массы не стали гитлеровцами в один день. Их обращение происходило постепенно. Ибо было явно невозможно впрячь народ, и особенно рабочий класс, в колесницу войны и фашизма, пока они могли отличать правду от лжи, видеть различие между своими подлинными интересами и обманом и демагогией правящего класса. Поэтому первой задачей реакции было расколоть профсоюзы и рабочий класс и изолировать их от наиболее сознательных и преданных руководителей, от бдительных прогрессивных деятелей и коммунистов. И для этой цели германская реакция использовала социал-демократов, правых профсоюзных лидеров, реакционных служителей церкви и троцкистов. Чтобы одурманить сознание рабочих и ввести их в заблуждение, идеологи фашизма использовали прессу, радио и другие каналы информации. Вновь и вновь они подчеркивали одну основную мысль, внедряли один и тот же лозунг «Коммунизм угрожает безопасности каждого человека», «Коммунисты намерены разрушить мир». Постепенно кругозор народа, его сознательность сузились до желаемого пре-

¹ *New Statesman and Nation*, July 7, 1934

дела. Когда внимание народных масс оказалось направленным на борьбу с воображаемым врагом, действительность ускользнула от их сознания, и они стали послушным орудием в руках монополистов. Антисоциалистическая кампания явилась поэтому основным и самым действенным орудием фашистов в их борьбе за власть.

Переход страны к фашизму произошел двумя стадиями: сначала коммунисты были объявлены «иностранными агентами», а коммунистическая литература — «подрывной» и «предательской». Любые антифашистские настроения именовались коммунистическими. Это вынуждало профсоюзные и либеральные группы либо проявить свою приверженность политике реакции, либо идти на то, чтобы их объявляли коммунистами. Под угрозой обвинения в подрывной деятельности по отношению к государству фашисты заставляли различные гражданские группы и организации исключать коммунистов из своей среды. Рабочим запрещалось общаться с «красными». Гитлер и Геббельс непрестанно кричали о том, что коммунизм означает измену государству. Терроризированные антикоммунистическими кампаниями и травлей «красных» народные массы строили для самих себя гильотины и камеры пыток.

После того как была закончена первая стадия фашистской кампании, после того как профсоюзные лидеры и некоторые либеральные группы были вовлечены в антикоммунистический поход, после того как массы народа были парализованы страхом перед воображаемой угрозой их существованию со стороны коммунизма внутри страны и за ее пределами, топор фашистского палача пришел в действие. И его удары обрушились одинаково безжалостно на коммунистов и некоммунистов.

Предварительная антикоммунистическая кампания служила только средством к достижению цели. А целью являлся разгром рабочих профсоюзов, истребление всех тех, кто боролся за народные права и за мирную внешнюю политику¹.

¹ Мы должны предостеречь, однако, от заключения, что тенденция к фашизации всегда характеризуется совершенно одинаковой стратегией и что при этом всегда происходит один и тот же процесс. Говоря словами Г. Димитрова: «Нельзя представлять себе приход фашизма к власти так упрощенно и гладко, будто какой-то комитет

Преступление предателей рабочего класса Германии

Фашизм не являлся неизбежностью ни в Германии, ни в других странах. Фашисты пришли к власти главным образом благодаря предательской политике социал-демократических партий. Если бы не предательство социал-демократов, то всех денег и оружия, которые Гитлер получил от своих германских и американских покровителей в течение 1923—1933 гг., оказалось бы недостаточно для совершения фашистского переворота.

В 1918 г., потерпев поражение в войне, германские реакционеры, монополисты Рура, юнкеры, банкиры и генералы были совершенно дискредитированы и охвачены паникой. «В первые недели и месяцы после германской революции история предоставила единственную

финансового капитала решает такого-то числа установить фашистскую диктатуру.. До установления фашистской диктатуры буржуазные правительства обычно проходят через ряд подготовительных этапов и осуществляют ряд реакционных мероприятий, помогающих непосредственно приходу фашизма к власти. Кто не борется на этих подготовительных этапах против реакционных мероприятий буржуазии и против нарастающего фашизма, *тот не в состоянии помешать, тот, наоборот, облегчает победу фашизма*» (Г. Димитров, «В борьбе за единый фронт против фашизма и войны», М, Партиздат, 1937, стр. 8)

Нужно также подчеркнуть тот факт, что фашистское движение приспосабливается к национальным чувствам и традициям различных народов. Поэтому в разных странах он появляется под различными масками. В зависимости от исторического и политического развития данной страны фашизм может рядиться борцом за народные свободы, защитником священных обычаев, конституции, закона, порядка, религии, он может даже принимать позу защитника интересов рабочего класса, покровительствуя профсоюзам, находящимся под руководством правых социал-демократов.

Например, в Соединенных Штатах, в стране, где среди народа еще живы традиции революции, положившей начало их существованию, и демократии раннего периода, те люди, которые толкают страну к фашизму, не устают громко заявлять о своей верности «свободе» и «демократии».

Однако в Германии, где ни в 1848 г, ни в 1918 г буржуазно-демократическая революция не была завершена, гитлеровский фашизм не нуждался в прикрытии демократическими лозунгами. Он использовал вместо этого антисемитизм и национал-шовинистические настроения, которые были вызваны Версальским мирным договором, навязанным англо-французскими монополистами германскому народу. (Прим автора)

в своем роде возможность уничтожить старый режим с минимальными жертвами»¹. Вместо этого Эберт, Шейдеман, Носке, Мюллер, Штампфер и другие правые социал-демократические лидеры объединились с Гинденбургом, Круппом, Тиссенем и Стиннесом. Они разоружили рабочих и оказывали покровительство вооруженным фашистским отрядам. Они распустили солдатские советы, восстановили монархистов и реакционеров у власти и, наконец, назначили на руководящие военные посты ультрареакционных офицеров, таких, как Герд фон Рунштедт, впоследствии ставший начальником штаба Гитлера. Они давали ему приказания, в результате которых тысячи немецких рабочих были уничтожены под лозунгом спасения Германии от коммунизма.

Немецкие социал-демократы давно отошли от марксизма. Они игнорировали предупреждения коммунистов о надвигающемся политическом и экономическом кризисе. Их рабочая аристократия присоединилась к монополистам. Их теоретик Рудольф Гильфердинг, следуя по стопам лжемарксиста Каутского, говорил о трестах как о форме организованного капитализма, способного осуществить социалистические принципы планового производства, о мирном развитии монополистического капитализма в социализм. Именно социал-демократы учили гитлеровскую национал-социалистскую партию, как обманывать и эксплуатировать массы при помощи социалистических лозунгов и одновременно ввергать их в фашистское рабство. Нацисты переняли и «усовершенствовали» тактику социал-демократа Носке. Его «летучие» отряды послужили образцом для нацистских мародеров-штрейкбрехеров.

Германские социал-демократы подавили стремление немецких трудящихся масс к социализму и повернули их на путь пассивности и подчинения рурской олигархии. С другой стороны, нацизм эксплуатировал чувства страха и безнадежности народа и одурманивал его словами «социализм», «план», «обеспечение работой», «безопасность» и «национальное единство, направленное к общей цели».

¹ Gerhart Eisler, Albert Norden and Albert Schreiner, *The Lesson of Germany*, New York, 1945, p. 76

Даже тогда, когда нацизм стал непосредственной угрозой, социал-демократы, внося раскол в ряды рабочего класса, показали себя больше антикоммунистами, чем антифашистами. Неоднократные призывы Эрнста Тельмана к единому фронту, к совместным действиям против поднимающейся волны фашизма пренебрежительно отвергались правыми лидерами профсоюзов. Более того, социал-демократ Герман Мюллер заключил союз с «германской народной партией» — политической опорой германского крупного капитала. Позже социал-демократы заявили о своей поддержке Генриха Брюнинга как «меньшего зла». Последний, в свою очередь, ускорил победу Гитлера. Наконец, социал-демократы Карл Зеверинг и Отто Браун добровольно отказались от власти в пользу фон Папена в июле 1932 г., когда объединенные голоса социал-демократов и коммунистов на ноябрьских выборах 1932 г., то есть за два месяца до прихода Гитлера к власти, составили 13 241 тыс., в то время как нацисты получили 11 729 тыс. голосов.

Так как воинствующие антифашисты и прогрессивные профсоюзы объединились вокруг коммунистической партии, германская реакция сначала лишила всех гражданских прав коммунистов и антифашистов, а затем уже принялась за разрешение более сложной задачи экономического и политического разгрома профсоюзов.

Но даже 31 января 1933 г., уже после того, как Гитлер стал канцлером, немецкий коммунист Эрнст Тельман предложил лидерам социал-демократов и руководимым ими профсоюзам объединиться и призвать рабочих к всеобщей забастовке, чтобы свергнуть режим Гитлера — Гинденбурга. Это предложение было отвергнуто под тем предлогом, что Гитлер законно пришел к власти и что такие меры могли бы быть приняты рабочим классом только в том случае, если бы Гитлер «преступил границы Веймарской конституции». Наконец, немецкие социал-демократы «пали до такой степени, что в 1933 г. призывали рабочих принять участие в праздновании Первого мая совместно с нацистами. Однако на следующий же день все помещения профсоюзных организаций были захвачены, и их имущество конфисковано»¹.

¹ Gerhart Eisler and others, *op. cit.*, pp. 105—106.

17 мая 1933 г. социал-демократические депутаты в рейхстаге единогласно выразили доверие гитлеровской «двухпартийной» «внешней политике как «соответствующей национальным интересам». Четыре недели спустя эти депутаты были разогнаны. Коалиция фон Папена — Гитлера объявила целью нового правительства не только «уничтожение коммунистов и евреев», но и социал-демократов 18 июня 1933 г. был издан приказ о проверке лояльности, вводящий контроль над мыслями и узаконивший разгон этих депутатов

Итак, социал-демократы и либералы, боровшиеся с коммунистами не менее ревностно, чем реакционеры, проснувшись в одно прекрасное утро, обнаружили, что они причислены к «тайным красным» «Очевидно, это ошибка», — бесстыдно протестовали они, и многие из них даже доказывали свою «расовую чистоту». Они были растеряны и удивлены, как могло случиться, что за нечаянно оброненное антифашистское замечание или слово, сказанное в пользу рабочих, они оказались заклеены кличкой «красные» Но их благочестивые клятвы в верности были встречены циничными улыбками нацистов.

Либералы, боровшиеся против коммунистов, также оказались творцами собственной судьбы. Их предупреждали заранее, что борьба с коммунизмом является смазкой для колес фашизма, преддверием к террору и насилию. Но даже самые здравомыслящие из них не понимали, что *любая форма борьбы против коммунизма по своим последствиям равна борьбе за фашизм.*

Кризис, вооружение и война

Фашистский режим обманул надежды не только оппортунистических правых рабочих лидеров, но и доверчиво настроенной мелкой буржуазии Представители последней строили свои надежды на обещаниях фашистов сокрушить международных банкиров, восстановить «достоинство» и прибыли мелких дельцов. Но, как только фашизм захватил власть, началось ускоренное поглощение мелких промышленников трестами. Вклады всех сберегательных касс уплыли в «Дейче банк» и «Коммерц банк», а оттуда к крупным промышленным трестам Экономическая база мелкой буржуазии постепенно

оскудевала. Большая часть ее обнищала и пополнила ряды безработных, готовых работать за любую плату. В то время как цена акций крупных германских корпораций повысилась вдвое, тысячи мелких капиталистов обанкротились.

Хотя фашистский режим был якобы установлен для того, чтобы снова сделать производство прибыльным, на самом деле он лишь обострил экономический кризис путем дальнейшего снижения заработной платы и снижения вследствие этого потребления масс. Так, индекс реальной заработной платы наиболее высоко оплачиваемых немецких рабочих упал с 93 в 1929 г. до 49 в 1933 г. Позднее, когда цены на продовольственные продукты повысились на 200%, реальная заработная плата снизилась на 50%. В то же время прибыли германских корпораций возросли с 5,5 млрд. в 1932 г. до 14,2 млрд. в 1934 г. Между 1933 и 1937 гг. общее число занятых немецких рабочих увеличилось с 12,5 млн. до 21 млн., но общая сумма заработной платы оставалась на уровне 1933 г.¹ Таким образом, немецкие монополисты фактически получили бесплатно труд почти 9 млн. рабочих. Это использование местного рабского труда (позднее сюда прибавилась эксплуатация огромного числа иностранных рабочих) было той прибылью, которую берлинские и рурские магнаты получили с капиталов, отданных ими на поддержку фашистского режима.

Немецкому фашизму — по существу, террористическому господству над нацией горстки сверхтрестов, главной целью которых было извлечение все больших прибылей,— были свойственны те же противоречия, что и капитализму в нефашистских странах, но лишь в еще большей степени. Фашизм не использовал огромных производственных возможностей для создания общественного богатства, для развития экономики изобилия на благо народа². Сначала фашисты просто перераспределили не-

¹ Jurgен Kuczynski, Germany: Labor and Economic Conditions under Fascism, New York, 1945.

² Несмотря на декларации некоторых отдельных капиталистов, сторонников прежнего метода буржуазно-демократического правления, монополистический капитализм в целом, в силу обострения его противоречий и общего загнивания, на определенной стадии своего развития неизбежно должен был скатиться к фашизму. Власть финансовых и промышленных трестов, их политика, нужды и инте-

которую часть доходов, лишив работы и конфисковав имущество антифашистов и «неполноценных людей» и предоставив фашистским главарям и наемникам фашистского крупного капитала неограниченные возможности для грабежа. Но подобный захват внутренней, так сказать, добычи, перераспределение имеющихся состояний не разрешили никаких экономических проблем. Более эффективных средств «разрешения» своих противоречий фашизм стал искать в присвоении богатств и рабочей силы соседних народов

Между тем, прежде чем достаточно расширилось производство вооружения, усилились экспорт и демпинг товаров на мировой рынок, то есть захват рынков, принадлежащих капиталистам других стран. Международное соперничество и трения увеличивались. Каждая группа монополистов стояла перед неразрешимой задачей, как реализовать свои прибыли, где продать оставшиеся 20 или 30% всей национальной продукции, в которых их собственный народ нуждался, но не был в состоянии покупать.

Не осуществив этой продажи, они, по существу, могли перестать быть капиталистами и признать свою систему обанкротившейся. Правящие классы капиталистических стран, как ястребы, точили свои когти, готовясь к захвату рынков и прибылей друг у друга.

Нацисты говорили немецкому народу, что ему угрожает окружение со стороны других народов, например, Чехословакии, Австрии, Польши. Этим они объясняли и оправдывали колоссальную программу вооружений. Германский монополистический капитал вступил теперь

рессы находятся в резком противоречии с интересами рабочего класса и всего народа, и наступает момент, когда они больше не могут удерживаться на своих позициях, не прибегая к открытому насилию. Следовательно, «фашизм есть *открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала*» (Г. Димитров, «В борьбе за единый фронт против фашизма и войны», М, Партиздат, 1937, стр. 6) Путем террора и запугивания мелкая буржуазия, мелкие торговцы и промышленники, люди свободных профессий, а более всего рабочий класс призываются к отказу от своих «узких материальных требований» ради так называемых «общих интересов». За этими «общими интересами» скрываются интересы объединенных трестов (Прим автора)

в период активной подготовки к войне. Он обнаружил «блага», скрытые в производстве современных орудий смерти. Огромный военный бюджет временно разрешил мучительные проблемы «свободного предпринимательства». Он гарантировал непрерывное производство, накопление сверхприбылей и их новое вложение в производство вооружения еще более крупного масштаба. Проблема капиталистического перепроизводства, характерная для мирного времени, «исчезла», так как танки, винтовки, снаряды, пушки и бомбардировщики изготавливаются не для покупки и потребления их массами. Напротив, вооружение жадно поглощало труд, а в конечном итоге стало уносить и жизни рабочих.

В то время как прибыли быстро росли, а заработная плата рабочих упала настолько, что они едва могли удовлетворять свои минимальные потребности, народу внушали необходимость еще больше сократить свое потребление, ввиду воображаемых опасностей. Однако все возрастающий государственный долг, бремя налогов, возложенное на народ, неуклонно снижавшийся уровень жизни широких масс создавали серьезные затруднения, нарушавшие это «счастливое» положение вещей. Правящий класс Германии уже не ставил перед собой вопроса: мир или война? Вопрос заключался только в том, когда и на кого напасть. Недовольство народа было теперь ловко направлено в единое русло ненависти к «врагу». Колеса гигантской военной машины были готовы к немедленному пуску в ход. Военщина, как бешеный пес, нетерпеливо рвалась к добыче. Народу еще раз были даны обещания компенсировать его огромные жертвы. Ему сулили завоевания и наживу в качестве гарантии лучшей жизни.

Глава II

ПРЕЛЮДИЯ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В 1927 г. Советский Союз через своего представителя Литвинова предложил европейским странам план немедленного и полного разоружения. В 1929 г. он снова предложил план — на этот раз постепенного разоружения. Оба предложения были отвергнуты. Несколько лет спустя, по свидетельству Корделла Хэлла, Рузвельт неоднократно пытался убедить Англию ввести ограничение и контроль над производством и торговлей вооружением. Лондон ответил, что это «нанесло бы ущерб интересам британской торговли вооружением»¹. Лондон страстно желал, чтобы Германия приступила к осуществлению своей программы вооружений. Это означало бы не только крупные заказы и прибыли для умирающей английской тяжелой промышленности, но также укрепление европейской реакции. Американские тресты, производящие вооружение, не отставали от своих английских конкурентов.

Германия начала вооружаться немедленно после роспуска Союзной контрольной комиссии в 1927 г. Она стала вооружаться усиленными темпами, после того как союзники закончили эвакуацию Рейнской области в 1930 г., — за пять лет до истечения срока по Версальскому договору. Но формально она еще была связана этим договором и не имела права проводить вооружение в широких масштабах. Согласно договору, нарушение этих условий автоматически влекло за собой наказание. Приходилось изыскивать способы предоставления Германии права на вооружение, особенно ввиду оппозиции со стороны Советского Союза, а в известный период и со стороны Франции. Так как буржуазные государственные деятели

¹ Cofrdell Hull, Memoirs, New York, 1948, p. 379.

часто ведут подготовку к войне под прикрытием мирных мероприятий, нацистской Германии было весьма хитроумно дано разрешение на вооружение на конференции, созванной для ограничения вооружений.

Итак, 2 февраля 1932 г. 57 стран собрались в Женеве на конференцию по разоружению. Пять тысяч слепых и искалеченных ветеранов первой мировой войны — на костылях и в передвижных креслах — организовали демонстрацию перед зданием, где происходила конференция. Однако интересы мощной Федерации британских промышленников, французского «Комитэ де форж» одержали верх. Английский социалист Алберт Томас, портфель которого был набит документами, разоблачающими систему подкупов и давления, пущенную в ход стальными и химическими трестами с целью срыва конференции по разоружению, был вскоре найден мертвым при таинственных обстоятельствах в одном из парижских кафе. Все предложения, внесенные на этой конференции, были сведены к нулю. «Не приходится сомневаться в правильности обвинения, что «Комитэ де форж», Вандели, Фриц Тиссен, представители германской сталелитейной промышленности и английские магнаты металлургии договорились между собой о том, что производительность и прибыли в период депрессии могут быть восстановлены путем гонки вооружений»¹.

1 февраля 1933 г. американец Феликс Дюпон подписал контракт с гитлеровским агентом Феликсом Бреннером на снабжение Германии оружием через Голландию при помощи филиалов «И. Г. Фарбениндустри» и Круппа. Этот окольный путь был избран с целью обойти положения Версальского договора. Вооружение Германии все еще несколько тормозилось из-за необходимости маскировки.

В мае 1933 г. Женевская конференция по разоружению собралась вновь. Поль Бонкур и дипломаты Малой Антанты согласились с советской программой, выдвинутой в феврале 1932 г. Однако представители Англии — сэр Джон Саймон и Антони Иден — совместно с делегатом Гитлера Надольным и делегатом Муссолини

¹ Frederick L. Schuman, *Europe on the Eve*, New York, 1939, p. 33.

Соранья утверждали, что советское предложение слишком категорично. По словам Идена, «правительство его величества» не могло согласиться на запрещение воздушных бомбардировок в отдаленных районах — своего основного метода «усмирения» бунтующих подданных в колониях. Германия угрожала покинуть конференцию, если ей не будет обеспечено равенство в вооружении, но якобы не для того, чтобы вооружаться, а лишь для того, как утверждали ее представители, чтобы иметь равные права в интересах всеобщего мира.

Сэр Джон Саймон ухватился за это и со свойственным ему цинизмом, выступая от имени Гитлера и «правительства его величества», доказывал следующее: так как принятие советского пакта коллективной безопасности помешало бы вооружению Германии и поэтому вынудило бы Германию покинуть конференцию, а без участия Германии конференция была бы сорвана, то нужно предоставить ей право на вооружение и тем самым спасти конференцию по разоружению и дело мира. Конференция была прервана. Поддержка Англии, защищавшей моральное право Гитлера на вооружение «в интересах мира», немедленно получила отражение в деятельности рурских заводов, начавших массовое производство орудий войны

Английские поджигатели войны

Не было ничего неясного или по существу нелогичного в политике и действиях английского правящего класса, который с «величественностью провидения», как выражались некоторые, толкал человечество к войне второй мировой войны. Дряхлеющий английский капитализм переходил из одного кризиса в другой. Несмотря на то, что Британская империя обладала богатейшими мировыми ресурсами и обширными территориями, Англия не могла как следует накормить и обеспечить жильем свой собственный народ. Рабочие и широкие трудящиеся массы настаивали на национализации угольной и других основных отраслей промышленности и на поднятии уровня жизни выше голодного пайка безработных. С другой стороны, английская финансовая олигархия стремилась сохранить уровень своих прибылей, не вводя никаких усовершенствований в промышленность.

Богатство и власть монополистов основывались на все возрастающей нищете английских трудящихся масс и на безжалостной эксплуатации рабского труда сотен миллионов людей в колониях. В то время как так называемые «неимущие» империалисты Германии, Японии и Италии стучались в ворота владений Англии, а ее колонии и зависимые территории были охвачены национально-освободительным движением,— что могло быть выгоднее для нее, чем содействие возникновению войны между Германией и Советским Союзом и между Соединенными Штатами и Японией?¹

Вероломный правящий класс Англии, непрерывно пуская в ход ложь и обман, устремился к достижению этой цели.

Между 1929 и 1939 гг. Лондон играл поэтому роль посредника и «биржевого центра» фашистских интриг. «Оппозиция Великобритании нацизму является нереалистической политикой, ибо она усилила бы коммунизм»,— убеждал Ллойд Джордж в 1933 г. «В скором времени,— заявил он в палате общин 28 ноября 1934 г.,— может быть, через год или два, консервативные элементы нашей страны будут рассматривать Германию как бастион против коммунизма в Европе. Мы будем приветствовать Германию как нашего друга...»²

В 1933 г сэр Артур Бальфур, председатель Бальфуровской стальной компании, заявлял. «Одной из серьезнейших угроз миру в настоящее время является то, что Германия совершенно не вооружена». Влиятельная газета лорда Ротермира «Дэйли мейл» заявляла: «Молодое крепкое нацистское государство — это защита Европы против коммунистической опасности... Как только Германия получит необходимые ей дополнительные территории

¹ В 1927 г в статье под названием «Заметки на современные темы» Сталин говорил «Английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций. Начиная с великой французской буржуазной революции конца XVIII века и кончая происходящей ныне китайской революцией, английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громиателей освободительного движения человечества. Но английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала вести войну чужими руками» (Прим автора.) (См. И. В. Сталин Сочинения, т. IX, стр. 324—325)

² R. Palme Dutte, World Politics, 1918—1936, New York, 1936, p. 261.

на западе России, ее потребность в экспансии будет удовлетворена»¹.

Маркиз Лондондерри добавлял: «Я не понимаю, почему мы не можем — в той или иной форме — объединиться с Германией для борьбы с коммунизмом»² Леополд С. Эймери заявлял в английском журнале «Форвард вью» (1935 г.): «Первое условие для европейского мира в настоящее время — это открытое признание того, что вопрос о вооружении Германии — ее личное дело и никого больше не касается... Теория о неизбежном распространении войны — сушая нелепость... Препятствовать японской экспансии в Сибири — не наше дело».

Уинстон Черчилль был в первых рядах поджигателей войны. Еще 20 января 1927 г. он заявил в Риме: «Я очарован мягкостью и простотой синьора Муссолини .. Я уверен, что, если бы я был итальянцем, я всем сердцем был бы с вами... Ваше движение оказало услугу всему миру.. Италия показала, что существует путь борьбы с разрушительными силами,— путь, на котором могут объединиться правильно руководимые массы народа, желающие защищать честь и прочность цивилизованного общества Она выработала противоядие против русского яда»³.

Семафор открыт перед Японией

В 1931 г, когда банки Центральной Европы терпели крах, а Соединенные Штаты находились в состоянии глубочайшего экономического кризиса, международная торговля почти совсем заглохла. Капиталисты каждой страны изолировали свой внутренний рынок от иностранных конкурентов. Клика богатейших японских семейств в Токио, контролировавшая японскую экономику, также оказалась перед лицом финансовых затруднений и недовольства широких народных масс. Надеясь разрешить стоявшие перед ней проблемы путем завоевания других стран, она развернула в своей прессе воинственную пропаганду, утверждая, что Китай якобы угрожает

¹ *London Daily Mail*, November 28, 1933.

² Marquess of Londonderry, *Ourselves and Germany*, London, 1936, p. 129

³ Frederick L. Schuman, *Soviet Politics at Home and Abroad*, 1946, p. 283.

существованию японской нации. 18 сентября 1931 г. японская императорская Квантунская армия оккупировала Южную Маньчжурию.

Лига наций пробормотала что-то в знак протеста, а затем назначила комиссию под председательством англичанина лорда Литтона. Немного позднее некоторые члены Лиги предложили применить санкции. Кроме того, государственный секретарь США Генри Стимсон предложил Лондону совместно с Вашингтоном ввести в действие пакт 9 держав, нарушенный нападением Японии на Китай. Однако английский министр иностранных дел сэр Джон Саймон, при поддержке социал-демократа Рамсея Макдоналда, отверг оба предложения. Англия уже получила обещание со стороны Токио не затрагивать английских торговых интересов в Южном Китае и уничтожить китайское народное движение, руководимое коммунистами. Что касается продвижения японцев в Маньчжурию, то их армия подошла к границе Сибири, и английские реакционеры с нетерпением ждали японско-советского столкновения.

30 января 1932 г. лондонская газета «Морнинг пост» писала: «Хотя мы не являемся сторонниками мира во что бы то ни стало, но мы ценим его в достаточной, мере, чтобы воздерживаться от участия в опасном деле ради сомнительной цели. Япония, вообще говоря, является единственной силой, способствующей порядку и правильному управлению на Дальнем Востоке». Английский посол в Токио сэр Лесли Крэйг заявил, что «правительство его величества и Япония стремятся к общей цели, а именно — к прочному миру и охране наших институтов от разрушительных влияний». Другие английские государственные деятели публично заверяли японцев, что Лондон не будет препятствовать планам Токио в Китае. Английский заговор, имевший целью помощь японской агрессии, привел к дальнейшему ослаблению Лиги наций и провалу дела коллективной безопасности.

Советский министр иностранных дел Литвинов следующим образом описывал лицемерие Лиги наций во главе с Англией: «Китай обращается за защитой в Лигу наций, ссылаясь на соответственные пункты устава Лиги. Лига создает комитет, комитет выделяет подкомитет, а последний выбирает редакционный комитет. Изготавливается бу-

мажка по адресу Японии: «Ваше наступление нами не одобряется, оно, вероятно, основано на недоразумении. Приезжайте подтвердить это, а чтобы вы не чувствовали себя среди нас одинокой, мы приглашаем вашего единомышленника и друга — Германию»¹.

Смысл вероломного поведения английских империалистов начал выявляться: проложить путь для антисоветской вооруженной агрессии, прикрываясь словами о мире; вызвать войну на Востоке под предлогом защиты мира на Западе.

Резня китайского народа была прелюдией ко второй мировой войне. Японские самолеты превращали в прах китайские города и деревни, убивали и калечили бесчисленное количество мужчин, женщин и детей. За исключением применения газовых камер, изготавливаемых «И. Г. Фарбениндустри», войска токийских капиталистов совершали в Китае все те зверства, которые впоследствии учиняли их немецкие коллеги в Европе. Китайцы обращались к Лондону и Вашингтону с просьбами прекратить или хотя бы умерить эту резню, лишив японскую армию горючего для их бомбардировщиков. Но американские монополисты и их верные агенты в государственном департаменте пришли к соглашению с Даунинг-стритом. Танкеры и грузовые пароходы, груженные горючим, сталью и металлическим ломом для снабжения токийских «фабрик смерти», по точному расписанию отправлялись из портов Западного побережья США. Американские либералы, прогрессивные деятели и коммунисты (которых газеты называли «иностранными агентами Москвы») организовывали уличные демонстрации; они предупреждали, что огонь японцев вскоре будет направлен против самих американцев. Их разгоняли полицейскими дубинками.

Путь „умиротворения“

Начиная с 1933 г. советские государственные деятели, как и все сторонники мира во всем мире, указывали на ряд чрезвычайно странных международных событий. Мощные государства, обычно крайне чувствительные к малейшему нарушению их так называемых национальных

¹ Frederick L. Schuman, *op cit.*, p. 250.

интересов, вдруг стали «великодушными» и «миролюбивыми». Япония отхватила для себя колонии в Азии, ликвидировав английскую и американскую торговлю во многих районах Китая, и, однако, она получила 80% требующихся ей военных материалов — так же как и иную помощь — от Соединенных Штатов и Англии. Германии — традиционному врагу Франции, ярому конкуренту Англии на мировых рынках — были предоставлены огромные займы на расширение производства вооружения, несмотря на ее требования передела английских колоний. Франция и Англия, так же как и США, казалось, не проявляли интереса к лихорадочным военным приготовлениям своих прежних противников.

В Женеве на каждой сессии и в каждой комиссии Лиги наций советские делегаты продолжали убеждать, доказывать, предупреждать другие государства о губительных последствиях их отказа от принципов коллективной безопасности. Советские предложения обуздать фашизм и прекратить пропаганду войны, провести разоружение и установить международное сотрудничество полностью игнорировались. Лига наций была как бы англо-французским частным клубом для дебатов. Коллективная безопасность означала мир и сотрудничество с Советским Союзом. Магнаты из Федерации британских промышленников вместе с магнатами «И. Г. Фарбениндустри» и германского Стального треста строили другие планы. Официально сэр Джон Саймон и Рамсей Макдоналд отправились к Муссолини 18 марта 1933 г. для обсуждения «пакта Келлога» о всеобщем мире. Неофициально они готовились к подписанию в Риме 7 июня 1933 г. так называемого «Пакта согласия и сотрудничества» между Англией, Германией, Италией и Францией. В то время как конференция по разоружению все еще обсуждала предложение СССР об определении агрессора, Лондон и Париж заключили «джентльменское» соглашение с главными европейскими агрессорами. Это и последовавшие затем другие двусторонние соглашения наглядно доказывали заинтересованность Англии в разжигании аппетитов гитлеровской Германии.

Шесть месяцев спустя крайне антисоветски настроенная польская шляхта по приказу Франции и Англии заключила с Германией договор о ненападении сроком

на 10 лет. Так началась преднамеренная изоляция Советского Союза, разрушение попыток создания коллективной безопасности и мира и первые приготовления к Мюнхену со стороны квартета Рим — Париж — Берлин — Лондон.

Книга Гитлера «Майн кампф» стала настольной книгой англо-французской олигархии. Последняя была в восторге от таких высказываний Гитлера, как: «взоры Германии обращены на Восток.. Когда мы сейчас в Европе говорим о новых землях, мы прежде всего должны иметь в виду Россию и соседние страны, находящиеся под ее влиянием. Само провидение указывает нам путь». Лондон неоднократно запрашивал, остается ли эта ориентация в силе. В конце 1934 г. Гитлер через Альфреда Гунгенберга представил английскому правительству германский меморандум о плане покорения СССР и избавления Европы от «коммунистической угрозы» на вечные времена.

Этот план предусматривал также ликвидацию всего прогрессивного и антифашистского движения в Центральной Европе, еще не попавшей в сети нацизма, — ликвидации даже венских социал-демократов, которые сотрудничали с реакцией и чей «марксизм» ограничивался требованием более высоких налогов на богатей. Все это игнорировала австрийская буржуазия, когда представители ее после краха австрийских банков в панике обратились за помощью к финансовому капиталу лондонского Сити и Уолл-стрита. Им было грубо приказано прежде всего произвести у себя политическую чистку. Для этого они использовали государственные войска и свою огромную частную армию — хеймвер, которая вместе с христианскими социалистами образовала центр контрреволюции. После этого рабочие кварталы Вены подверглись бомбардировке и пулеметному обстрелу, имущество рабочих организаций было конфисковано, а их руководители повешены или изгнаны. Ватикан и местные католические церковные власти, которые помогали установить клерикально-фашистский режим Дольфуса — Шушнига, сыграли в этом большую роль.

Между тем в Берлине, на Вильгельмштрассе, было воздвигнуто здание из 3 тысяч комнат для министерства военно-воздушных сил (Люфтваффе), возглавляемого Герингом. Небо Рура днем и ночью озарялось огнями домен-

ных печей. Возвращавшиеся из Рура американские промышленники приветствовали «чудо восстановления Германии». Лондонская газета «Таймс» утверждала, что вооружение нацистской Германии и военная мобилизация служат интересам мира

Тогда, как и теперь, общественное мнение всюду было за мир. Общественное мнение в Англии почти единогласно высказывалось в пользу коллективной безопасности. Но монополистическая пресса представляла военную политику своего правительства как политику мира

25 марта 1935 г, когда Лаваль и Муссолини составляли заговор против Абиссинии, сэр Джон Саймон и Антони Иден достигли соглашения с послом Гитлера фон Нейратом по следующим вопросам

- 1) мир для Западной Европы;
- 2) роль Германии как бастиона против коммунизма;
- 3) потребность Германии в экспансии на Восток

В соответствии с этим Англия заключила морское соглашение для содействия Германии в создании подводного флота, а также флота в Балтийском море. Лондонская «Таймс» приветствовала все это как «благоприятное начало в деле стабилизации и мира». Маркиз Лондондерри, который вел обширную переписку с Гитлером и был самым частым из его иностранных гостей, потребовал в палате лордов открытого англо-германского союза против коммунизма

Кровь и „святая вода

В 1935 г итальянский фашизм находился на грани гибели; фашизм высосал из страны все соки. Итальянские банкиры и промышленники держались благодаря займам, получаемым на Уолл-стрите и в Лондоне. Выплата процентов в сумме, исчисляемой миллионами, падала на плечи народа и увеличивала его лишения. Заработная плата рабочих упала до самого (низкого уровня). Напыщенные речи Муссолини не могли успокоить возраставшее недовольство масс. Необходима была какая-нибудь победоносная военная авантюра, для того чтобы остановить разложение и падение фашистского режима

Лондон и Париж через Хора и Лавалья вместе с Ватиканом поддерживали авантюру Муссолини в Абиссинии. По заявлению Муссолини, император Хайле Селасие

представлял собой зловещую угрозу для итальянских национальных интересов. А затем сюда было притянута и «дело божье».

«Я утверждаю,— заявил Вестминстерский католический архиепископ Хинсли 12 октября 1935 г.,— что фашистская власть предотвращает худшие несправедливости, и если фашизм, который в принципе я не одобряю, погибнет, ничто не сможет спасти страну от хаоса. С ним погибнет и дело божье»¹.

В принципе, то есть с чисто религиозно-теоретической точки зрения, папа Пий XI, возможно, считал неприемлемым массовое уничтожение абиссинского народа при помощи осколочных бомб и иприта. Но ни по этому поводу, ни по поводу других зверств, как, например, вспарывание животом женщин и детей солдатами марокканских легионов Франко в Испании, «его святейшество» не нашел возможности высказать свое негодование.

Так как Муссолини подписал Латеранское соглашение², Ватикан счел, что будет практично одобрить грабительскую кампанию Муссолини. Как сообщала газета «Пополо д'Италия», миланский кардинал Шустер сказал 28 октября 1935 г.: «На равнинах Абиссинии итальянское знамя победоносно несет вперед крест господен... он открывает путь миссионерам евангелия». Латино-американским католикам было предложено оказывать давление на свои правительства, чтобы они противились «варварским» санкциям Лиги наций.

Абиссинский народ был безоружен. Легионы Муссолини вторглись, вооруженные новейшей военной техникой. Нужно было чем-то заглушить просьбы о защите, направляемые абиссинским императором в Женеву. Абиссиния была членом Лиги наций, устав которой требовал защиты ее против неспровоцированной агрессии, объединенные действия членов Лиги наций могли бы остановить агрессора в один день.

¹ Frederick L. Schuman, *Europe on the Eve*, p. 177

² Латеранское соглашение, заключенное в 1929 г. между папой Пием XI и фашистским правительством Муссолини, было сговором между Ватиканом и фашистами о взаимной поддержке. Муссолини признавал суверенитет Ватикана, светскую власть папы и выплачивал Ватикану компенсацию в размере 1750 млн лир. Пий XI со своей стороны, обязывался всемерно поддерживать фашистский режим. (*Прим. ред.*).

Англия, опасаясь, что какая-нибудь страна может предоставить оружие Абиссинии, обследовала все свои архивы и вытащила на свет хитроумную формулу о невмешательстве (вскоре примененную в отношении республиканской Испании). Торжественно осудив всякую агрессию, она предложила наложить эмбарго на вывоз оружия как в Италию, так и в Абиссинию. В Лиге наций раздался только один голос, разоблачивший это лицемерие и требовавший коллективной защиты Абиссинии. Это был голос Советского Союза.

Тайный доклад Британской межминистерской комиссии, возглавлявшейся сэром Джоном Мэффи, от 18 июня 1935 г. гласил: «Нет необходимости протестовать против этого принципа [невмешательства]. Великобритания не имеет жизненных интересов в Абиссинии, которые заставили бы правительство его величества препятствовать завоеванию Абиссинии Италией»¹. Но публично 11 сентября 1935 г. на заседании Лиги наций сэр Сэмюэл Хор заявил: «Лига и вместе с ней моя страна стоят за коллективную поддержку устава во всей его целостности, и особенно за неуклонное коллективное сопротивление всякому акту неспровоцированной агрессии... Мы связаны солидарностью, которая указывает нам наш долг».

По окончании абиссинской кампании Муссолини получил поздравление от папы Пия XI. Лондонская газета «Таймс» писала, что английские наблюдатели не замечали, чтобы итальянцы применяли отравляющие газы, а Уинстон Черчилль потребовал отмены санкций против Италии. В Москве В. М. Молотов сделал следующее заявление: «Итало-абиссинская война показывает, что угроза мировой войны все больше нарастает, все больше захватывает Европу»².

Испания приносится в жертву

Дальше по расписанию Лондона — Берлина — Рима следовала ликвидация антивоенного, антифашистского движения Народного фронта в Западной Европе. Народ Испании только что избрал новое правительство, возглав-

¹ Arnaldo Cortesi, quoted in *the New York Times*, Febr. 20, 1936.

² Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М, Госполитиздат, 1948, стр. 16

ляемое буржуазными либералами, опиравшимися, однако, на единый фронт рабочих, крестьян и мелких торговцев, настроенных против помещиков-феодалов. Международная монополистическая пресса обвиняла это правительство в том, что оно находится под влиянием коммунистов. Финансируемая британскими шахтовладельцами, а также герцогом Альба и крупными испанскими землевладельцами, военная клика Франко подняла оружие против законно избранного правительства Испании. Одновременно пресса Херста — Бивербрука — Ротермира и католические издания объявили «крестовый поход» в целях «спасения Испании от коммунистов».

Сэр Оклэнд Геддес, председатель компании «Рио-Тинто», и Джон Фостер Даллес, в то время председатель «Интернэйшнл никел Компани», в один голос с нью-йоркскими банкирами вопили о «спасении христианской цивилизации».

«В день св. Патрика,— писал Фредерик Шуман,— германские и итальянские бомбардировщики сделали на Барселону 12 налетов в течение 24 часов; 512 мужчин, 245 женщин и 118 девушек, юношей и детей погибли. Изувеченные тела были сложены в моргах длинными рядами. Бледные и окровавленные лица детей застыли в ужасе и недоумении. В Нью-Йорке кардинал Хейс на пресс-конференции, созванной им впервые за последние семь лет, публично молился за победу Франко»¹.

Механизированные дивизии итальянских и немецких войск хлынули в Испанию. Немецкие «хейнкели» бомбардировали и сжигали с землей Гернику и другие испанские города. Однако в октябре 1936 г., несмотря на обширные документальные доказательства, представленные Советским Союзом, комитет по невмешательству, возглавляемый лордом Плимутом и Леоном Блюмом, вынес решение о том, что обвинение Германии и Италии в интервенции с целью оказания помощи Франко является необоснованным. 29 марта 1937 г. Лондон и Париж снова заявили, что никакого нарушения принципа невмешательства пока еще установлено не было. Все данные, представленные в комитет Плимута—Блюма, были признаны

¹ Frederick L. Shuman, *Europe on the Eve*, p. 177.

«недостаточно обоснованными». Блюм, как и его предшественники — «социалисты» Эберт, Носке, Шейдеман, Турати, Сноуден и Макдоналд,— действовал в качестве посредника европейских трестов.

Германия и Италия захватили контроль над Балеарскими островами. Франция была уже парализована. Ее тыл, так же как и коммуникации в Африке и Индо-Китае, источники сырья и рабочей силы, оказались под контролем ее врагов.

В США некоторые члены правительства Рузвельта были настроены в пользу республиканской Испании. Но, несмотря на призывы прогрессивных организаций и широких слоев общества, американское эмбарго, направленное против законного правительства Испании, не было отменено. Решающее влияние в этом вопросе оказала католическая церковная иерархия Соединенных Штатов.

С благословения католической церкви все западные государства вскоре заключили союз с франкистскими гангстерами. Чтобы спасти фашистский режим от краха и покрыть расходы германо-итальянской интервенции, лондонские банкиры выразили готовность предоставить мятежникам заем. Убийство около миллиона испанцев франкистами благоприятно отозвалось на биржах Лондона и Нью-Йорка. Цены на некоторые акции и закладные иностранного капитала, вложенного в испанские рудники, резко поднялись. Директора Французского банка, которые отказывались выдать испанские золотые запасы законному правительству, угодливо предложили их Франко. Они надеялись, что падение республиканской Испании повлечет за собой развал антифашистского фронта в самой Франции.

Заговор мировой реакции против Испанской республики мог бы быть подавлен, если бы силы рабочего класса, находившиеся в то время под влиянием правых социалистов или под влиянием II Интернационала, откликнулись на неустанные призывы коммунистов к объединенным действиям. Во время наступления Франко в Астурии, когда объединенные действия могли бы склонить чашу весов в пользу республиканцев, руководители II Интернационала решили отложить все решения на два месяца, до заседания их исполнительного

комитета. Когда, наконец, это заседание состоялось, «социалисты» его величества — моррисоны и бевины — помешали попыткам других секций II Интернационала организовать общий фронт борьбы. Социал-демократические лидеры II Интернационала боялись победы Народного фронта больше, чем победы фашизма.

После Испании

Нацистская свастика простерлась над Европой. Германия ускоренными темпами создавала свою военную машину, накапливала сталь и взрывчатые вещества в количествах, достаточных для того, чтобы разрушить города целого континента.

Но ни Англия, ни Франция, казалось, не заботились даже о собственной безопасности. Федерация британских промышленников, французские магнаты вооружения, владельцы военных заводов Шнейдер — Дрезе, члены нацистских картелей с Уолл-стрита знали, что Гитлер истребил коммунистов, прогрессивных деятелей, либералов и уничтожил рабочие союзы. Казалось, что как только нацистские легионы будут готовы, они двинутся к цели, которая, как они считали, уготована им историей — уничтожению первого социалистического государства.

19 ноября 1937 г. в беседе с Гитлером лорд Галифакс заявил, что «он [лорд Галифакс] и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что, в результате уничтожения коммунизма в своей стране, он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма»¹.

Говоря от имени премьер-министра Невилля Чемберлена, Галифакс уведомил тогда Гитлера, что Англия и Франция согласны присоединиться к «оси» Берлин — Рим и «совместно заложить основы для прочного мира в Европе». Так как Германия не могла начать нападения на Советский Союз, не став сначала хозяином Центральной Европы, Галифакс выразил готовность Англии

¹ Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М, Госполатиздат, 1948 г, стр. 23—24

удовлетворить Гитлера за счет других стран. Галифакс заявил: «Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны»¹.

15 декабря 1938 г. французский посол в Берлине Робер Кулондр сообщил французскому министру иностранных дел Жоржу Боннэ: «Стремление Третьего рейха к экспансии на Восток кажется мне таким же неоспоримым, как его намерение оставить — по крайней мере, на данное время — мысли о завоеваниях на Западе; одно исключает другое. Мне совершенно ясно, что Германия не имеет никаких притязаний по отношению к Франции... Движение Германии не будет задержано ни одним из этих препятствий [Кулондр упомянул Чехословакию, Венгрию, Польшу, Румынию], а в военных кругах уже поговаривают о Кавказе и Баку...»²

Польский посол в Лондоне Эдуард Рачинский 19 декабря 1938 г. докладывал своему правительству: «Раздор на востоке Европы, грозящий Германии и России вовлечением в него, в той или иной форме, несмотря на все декларации со стороны активных элементов оппозиции, *здесь повсеместно и подсознательно считается «меньшим злом», могущим отодвинуть на более длительный срок опасность от империи и ее заморских составных частей*»³.

Месяц спустя лондонская газета «Таймс» намекнула, что Австрия должна быть списана со счета. 20 февраля 1938 г. Гитлер успокоил Лондон относительно своих намерений, выступив в рейхстаге с речью, в которой метал громы и молнии по адресу Советского Союза.

¹ Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории» М, Госполитиздат, 1948 г., стр. 25

² French Yellow Book, Diplomatic Documents (1938—1939), New York, 1940.

³ Документы и материалы кануна второй мировой войны, М, Госполитиздат, 1948 г, т I, стр. 351—352

Для того чтобы еще больше подстрекнуть Гитлера, Чемберлен заявил в парламенте 21 февраля 1938 г.: «Мы не должны пытаться вводить себя в заблуждение и тем более мы не должны обманывать малые, слабые нации надеждами на то, что они получают от Лиги наций защиту против агрессии, и что можно будет соответственно действовать, раз мы знаем, что ничего подобного не может быть предпринято»¹.

3 марта 1938 г. сэр Невиль Гендерсон, английский посол в Германии, снова заверил Гитлера, что Великобритания не возражает против «объединения Европы без России» и согласна с теми территориальными изменениями, которые Германия намерена произвести в Европе, и что «целью английского предложения является участие в таком разумном урегулировании» «Поэтому Англия заявляет о своей готовности устранить все трудности и спрашивает Германию, готова ли она со своей стороны сделать то же самое»².

12 марта 1938 г. Гитлер вторгся в Австрию и аннексировал ее.

Чемберлен продолжал рассыпаться в любезностях перед Гитлером. Клайвденская клика чествовала Риббентропа; советских же представителей игнорировали. Либералы и другие специалисты в области политики писали, что, хотя Англии и трудно приходится в ее стараниях поддержать мир во всем мире и политика ее нечетка, она все же думает выпутаться. Финансовые тузы Парижа нашептывали Даладьё: «Лучше Гитлер, чем правительство Народного фронта». Американские монополии, в частности «Стандард ойл», передавали германским трестам некоторые изобретения и секретные химические патенты, которые впоследствии, когда Соединенные Штаты вступили в войну, они отказались передать в распоряжение правительства США. Международный алюминевый картель отдавал большую часть производимого им металла на расширение геринговского воздушного флота. Англичане предпочитали поставлять Германии медь из испанских рудников «Рио-Тинто» в кредит, хотя другие страны предлагали оплату наличными.

¹ Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М, Госполитиздат, 1948 г., стр. 26

² Там же, стр. 27.

Глава III

БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА МИР

Советский Союз слышал, как государственные деятели западных держав произносили торжественные речи о мире, морали и идеалах «западной цивилизации». Но в то же время все советские предложения о совместных действиях против угрозы войны отвергались под тем циничным предлогом, что такие меры были бы преждевременными.

Неоднократные предупреждения советского правительства о приближении кровавой бойни, его неустанные требования немедленных коллективных действий встречали в Лиге наций одни насмешки. Тогда Советский Союз предложил Польше и Румынии заключить пакт о взаимной помощи в целях защиты от немецкой агрессии. Но правители этих стран предпочитали скорее стать вассалами Германии, чем принять советскую помощь. Лаваль свел на нет заключенный в 1935 г. франко-советский пакт о взаимной помощи, заявив министру иностранных дел Польши Беку, что цель этого пакта заключалась не в обеспечении помощи в случае нападения Германии, а в том, чтобы воспрепятствовать германо-советскому сближению.

За этим последовала декларация Риббентропа — Боннэ от 6 декабря 1938 г. В этот день Франция заключила и подписала пакт с Гитлером. Он был аналогичен англо-германскому пакту, подписанному 30 сентября 1938 г. Пакт призывал к установлению тесного контакта по всем вопросам, касающимся обеих стран, и поддержанию мирных отношений между ними, *«не касаясь их особых отношений с третьими державами»* (курсив автора). Разъясняя смысл этого пакта, Боннэ заявил тогда, что «в основе итало-германской политической концепции лежит в первую очередь борьба против большевизма»¹.

¹ French Yellow Book, loc cit.

Таким образом, Польша, Англия и Франция заключили с гитлеровской Германией пакты, направленные не на поддержание мира, а на развязывание войны с третьей державой.

17 марта 1938 г. Советский Союз сделал предупреждение о готовящейся агрессии со стороны Германии против Чехословакии. Он предложил созвать конференцию совместно с Англией, Францией и США для обсуждения вопроса о немедленных коллективных действиях, направленных на предотвращение второй мировой войны. В предложении говорилось о необходимости «приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер», которые «имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни»¹. 24 марта Лондон отклонил предложение Москвы под фальшивым предлогом, что конференция для принятия «согласованных действий против агрессии не обязательно окажет, по мнению правительства его величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира»². В длинной речи, произнесенной в парламенте в тот же день, Чемберлен дал фактически понять Гитлеру, что ни Англия, ни Франция не будут препятствовать экспансии Германии в Юго-Восточную Европу. «Правительство его величества,— сказал он в заключение,— готово во всякое время оказать любую помощь, которая будет в его силах, для разрешения вопросов, которые могли бы создать трудности между правительствами Германии и Чехословакии. Пока же нет нужды прибегать к силе и даже говорить об этом».

Видя решимость, с которой Англия и Франция помогали Гитлеру в осуществлении его военных планов, Советский Союз обратился к США, желая наладить сотрудничество в целях поддержания мира. Но правительство Рузвельта, однако, не шло тогда дальше общих фраз об осуждении фашизма и войны. Американские тресты и католическая иерархия, с которыми Рузвельт никогда не осмеливался порывать, были настроены в то время в такой же степени антисоветски и профашистски,

¹ Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М, Госполитиздат, 1948 г, стр. 28.

² Там же

как и теперь. Этим силам совместно с Лондоном удалось не давать хода неоднократным предложениям Москвы о созыве конференции с участием США и СССР для обсуждения вопроса о действиях, направленных на предотвращение дальнейшего развертывания германской агрессии. Корделл Хэлл сообщал, что Рузвельт пригласил Чемберлена приехать в Вашингтон для обсуждения совместных мероприятий в целях предотвращения угрозы войны. Чемберлен, с такой готовностью принимавший приглашения, исходившие от Гитлера, ответил, что «он должен отказаться от мысли встретиться с президентом.. Он полагает, что время для этого еще не созрело .»¹ Фашисты еще не успели закончить своих приготовлений; последний, завершающий удар — Мюнхен — был еще впереди

Мюнхенский заговор

Англия Чемберлена была уже безусловным политическим союзником Гитлера. Документы, захваченные после разгрома Германии, и показания свидетелей на Нюрнбергском процессе германских военных преступников подтверждают, что Чемберлен торопился с заключением мюнхенской сделки, чтобы спасти гитлеровский режим от краха.

К тому времени конфликт между Гитлером и генералами рейхсвера (чьи военные планы и стратегия, направленные на достижение мирового господства, отличались от планов и установок Гитлера) достиг наивысшего напряжения. Предводительствуемые Гальдером генералы решили арестовать Гитлера тотчас же по его возвращении в Берлин. Гальдер показал в Нюрнберге: «Мы решили избавиться от Гитлера .. Зачинщиком заговора был генерал Бек... Мы все еще совещались, когда радио принесло весть о том, что Чемберлен попросил встречи с Гитлером и уже летел в Берхтесгаден. Эта новость разрушила наши планы.. Нам было бы легко взять под стражу человека, который очертя голову рвался к войне, но арестовать человека, который вел переговоры о мире — было невозможно... Престиж Гитлера, выросший благо-

¹ Cordell Hull, The Memoirs of Cordell Hull, New York, 1948, p. 379

даря Мюнхену, укрепил его положение»¹. Имеющиеся данные говорят о том, что, вылетая в Мюнхен, Чемберлен знал о готовящемся аресте Гитлера. Генералы поддерживали связь с английским посольством и сообщили послу Гендерсону о заговоре, а Гендерсон передал эту информацию Чемберлену.

План мюнхенского предательства нуждался в тщательной маскировке. Перед лондонскими и парижскими поджигателями войны стояла тактическая проблема: как отдать чехословацкий народ Гитлеру, продолжая сохранять позу защитников мира.

Решение вопроса предстояло найти Чемберлену, лорду Галифаксу, сэру Александру Кадогану, лорду Рэнсимену, Невиллю Гендерсону — представителям Англии, — и Жоржу Боннэ и Эдуарду Даладье, представлявшим Францию. В течение почти восьми месяцев — до лета 1938 г. — они вели секретные переговоры с Гитлером, Риббентропом, Видеманом и Эрнстом фон Вейцзекером. Их роли в предстоящей драме распределялись, повидимому, следующим образом. Сначала Гитлер должен был потребовать у чехов Судетскую область. Когда Прага обратилась бы за помощью, западные державы должны были выразить свое удивление и возмущение действиями Гитлера и свои симпатии по отношению к чехам. Это усилило бы сопротивление Праги. Тогда Германия должна была обрушиться на «упрямых чехов» и на их «западных покровителей», угрожая пустить в ход оружие и начать войну против Запада. Лондон и Париж должны были создать военную панику, объявить частичную мобилизацию, раздать противогазы гражданскому населению и отдать распоряжение о рытье траншей в лондонском Гайд-парке якобы для бомбоубежищ. Пресса должна была, обращаясь к населению, вопрошать, не следовало ли бы отказаться от «далекой Судетской области», чтобы избежать войны. И тогда всеобщий страх и беспокойство должны были уступить место облегчению и благодарности за любое «мирное решение».

Эта хитроумная и лживая игра была успешно проведена, каждый актер исполнил свою роль умело и с

¹ См. С. Dzelepy, The Truth About Munich, L'Europe, № 22, Paris, 1947

чувством. Нацисты заранее сообщили количество дивизий, которые они двинули к чехословацкой границе; Галифакс и Чемберлен намекнули, что они поддержат Прагу; Невиль Гендерсон слал тревожные сообщения из Берлина; Гитлер неистово вопил о том, что московские и чешские коммунисты угрожают безопасности Германии и что Прагой управляют «марксистские террористы»; Даладье стремглав кинулся в Лондон; были созваны совещания с участием генералов с целью разжечь военный психоз. Лорд Рэнсимен был послан в Чехословакию как «честный маклер»; консервативная печать спрашивала у терроризованного населения, «стоила ли, в конце концов, Чехословакия жизни хоть одного английского солдата»? А Чемберлен обещал «применить абсолютно все средства для сохранения мира».

Четыре дня спустя после свидания Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене Лондон и Париж предписали Праге уступить Судетскую область Германии. Чтобы обмануть чешский народ, они пообещали взамен «гарантировать» неприкосновенность пересмотренной границы Чехословакии.

Между тем «И. Г. Фарбениндустри», Крупп и «Ферейнигте шталшерке» представили Гитлеру сведения об общем числе чешских заводов и подневольных рабочих, которые должны были перейти к Германии; «Дейче банк» заприходовал в своих бухгалтерских книгах чешский золотой запас и другие реализуемые денежные активы. Эсэсовские банды Гимmlера с большим рвением составляли планы истязаний и убийства сорока тысяч чехов, значившихся в их списках. А монополизированная пресса Запада называла все это превосходной сделкой.

Касаясь той роли, которую играли США в мюнхенском военном заговоре, президент Чехословакии Эдуард Бенеш писал: «Посол [Соединенных Штатов] в Англии Джоозеф Кэннеди открыто и последовательно защищал линию Чемберлена, и Чемберлен неоднократно опирался на его поддержку. Американский посол в Берлине Хью Вилсон в августе 1938 г. твердо верил, что ориентация немецкой политики на мир не была невозможной...» Что же касается американского посла в Париже Уильяма С. Буллита, то «Даладье ясно указывал, что его мюнхенская политика полностью соответствовала точке зрения аме-

риканского посла и, тем самым, позиции Соединенных Штатов».

«Нью-Йорк таймс» в передовой статье писала: «Ни один человек, если только он заглянет в свою душу, не сможет сказать, что мир в Европе был куплен слишком дорогой ценой... Никто не сможет сказать, что лучше было бы оказать сопротивление и бороться с этим сейчас, чем позже..»

Вслед за приговором Чехословакии последовал мюнхенский «мир». В течение 29 и 30 сентября 1938 г. Гитлер, Чемберлен, Даладье и Муссолини достигли соглашения об изоляции СССР и поощрении германской экспансии на Восток. Четыре человека, уверенные в том, что они роют могилу Советскому Союзу, сеяли семена страданий и смерти для своих собственных народов и для всего человечества

Гитлер и Чемберлен выражали друг другу взаимное доверие и благожелательность «Я всегда думал,— говорил Чемберлен в Мюнхене,— что если бы нам удалось найти мирное решение чехословацкого вопроса, это могло бы открыть путь для умиротворения Европы» Лидер французских социалистов Леон Блюм на следующий день после мюнхенского предательства писал в «Попюлер»: «Жизнь снова вошла в свою колею Мы можем снова возобновить свою работу и снова спать спокойно. Мы можем любоваться красотой осеннего заката». Одураченные толпы народа в Лондоне и Париже приветствовали возвращение «миротворцев».

Ответ Советского Союза

Когда тень Мюнхена легла на Европу, советский корреспондент Илья Эренбург телеграфировал из Парижа 29 сентября 1938 г. газете «Известия»¹.

«Третьего дня парижские маклера соблюдали «минуту молчания»: на ступенях биржи они молились за четырех «миротворцев». А помолившись, они снова завопили: «Ройял датч», «Рио Тинто». Организованы парадные встречи «миротворцев»... Народ Франции неповинен ни

¹ Корреспонденция И. Эренбурга напечатана в газете «Известия» 2 октября 1938 г. (Прим. ред)

в разделе Чехословакии, ни в этом трагическом воле-виле... Гитлеровские банды занимают сейчас города и села Чехословакии. С какой гордостью я в это время думаю: я—советский гражданин. Нет народа, который больше любил бы мир, чем мой народ; он знает, что такое родина, верность, честь.. Помимо четырех «миротворцев», есть еще на свете Красная Армия».

Гордость советского корреспондента понятна. Только Советский Союз был готов соблюдать принятые им на себя в 1938 г. обязательства защищать независимость Чехословакии. В сентябре СССР неоднократно обращался к Англии и Франции с призывом подписать совместную декларацию о защите Чехословакии от агрессии. Англия и Франция даже не ответили на эти предложения. Советское правительство сообщило тогда в Прагу президенту Бенешу, что Советский Союз будет сражаться вместе с чехами за независимость Чехословакии даже в том случае, если Англия и Франция отказались бы от своих обязательств. Узнав об этом, английский и французский послы в Праге пригрозили Чехословакии военными мерами, если только она согласится принять помощь Советского Союза. Фашисты внутри страны, руководимые Рудольфом Бераном, членом реакционной чешской аграрной партии, также угрожали гражданской войной.

Газета «Известия» в номере от 4 октября 1938 г. следующим образом определяла позиции Советского Союза:

«Официальные круги Англии и Франции пытаются сейчас бурным ликованием по поводу достигнутого «мирного успеха» замаскировать подлинный характер мюнхенской сделки. Однако иллюзии проходят, а факты остаются. Останется очевидным, прозаическим фактом то, что капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, по видимости отдалив войну, в действительности ее приближает и притом в неизмеримо худших для Англии и Франции условиях...

Советский Союз занимает ясную и четкую позицию. Ему абсолютно чужда политика премирования агрессора, которую правящие круги Англии и Франции пытаются протасить под ярлычком «консолидации европейского мира».. Мюнхенская конференция, приведшая к расчленению и ограблению Чехословакии, бросила яркий свет

на политику теперешних правящих кругов Англии и Франции, пошедших на поводу фашистских агрессоров»¹.

В Мюнхене западноевропейская реакция и фашизм достигли соглашения на основе совместного заговора против мира и против рабочего движения во всех странах. Вынудив Прагу капитулировать, мюнхенцы поспешили завершить уничтожение Испанской республики. Англо-французская интервенция быстро стала явной и открытой; Англия и Франция стали на сторону Франко и итало-германских фашистов.

После Мюнхена в Европе установилась самая черная реакция. Германия спешно заканчивала последние приготовления к войне. Правительство Даладье стало загонять в подполье прогрессивное движение французского рабочего класса. От Бухареста до Варшавы и от Мадрида до Хельсинки раздавались вопли о «спасении Европы от коммунизма». Чарлз А. Линдберг (награжденный впоследствии за свою службу гитлеровской Германии орденом германского орла) поспешил обратно в США, чтобы после неофициального осмотра европейской военной авиации оклеветать Советский Союз, представив его слабым и ненадежным союзником.

«В мире четвероногих,— писал тогда И. Эренбург, — ягнята блеют, а львы рыкают. Джентльмены убеждены, что это относится и к людям: миролюбие Советского Союза они приняли за слабость. Они создали миф о «колоссе на глиняных ногах» и, как это часто бывает с лжецами, сами уверовали в свою глупую выдумку»².

Из Берлина в Закарпатскую Украину был направлен украинский белогвардеец — гетман Скоропадский, получивший предписание создавать фашистские банды для участия в будущей войне против СССР. Продолжая поставлять вооружение Японии, Италии и Германии, США до последнего дня оставляли в силе эмбарго на отправку оружия испанским республиканцам. Международная клика заговорщиков, от банкиров Уолл-стрита и лондонского Сити до троцкистов и нацистов, с нетерпением ожидала нападения германской армии на «изолированный» Советский Союз.

¹ «Известия», 4 октября 1938 г.

² «Новое время» № 8, 1948 г., стр. 4

Стремилась ли «свободная» и «хорошо осведомленная» пресса Соединенных Штатов разоблачать мюнхенский военный заговор? Как раз наоборот. За исключением коммунистических и незначительного числа либеральных изданий, американская печать, покровительствовавшая европейскому фашизму, продолжала свое дело, оставаясь глухой к критике и разоблачениям. Тогда, как и теперь, органы «общественной информации» тщательно скрывали правду от американского народа.

Под видом объективной информации по радио и в газетах распространялась профашистская и военная пропаганда. Все газеты заполнялись насквозь лживыми сообщениями о Советском Союзе и выдержками из погромных речей Гитлера и Геббельса. Это была свистопляска реакционеров, неудержимое словоблудие бесчисленных шарлатанов.

Маститые экономисты были наняты для «доказательства» того, что фашизм — не инструмент в руках крупного капитала, а одна из форм... антикапитализма! Трактаты, доказывавшие, что нацизм был подготовлен всей немецкой философией, музыкой, индивидуальной и массовой психологией, сыпались один за другим. Другие специалисты цитировали подряд Ницше, Юнга, Платона, Тацита, «Кольцо нибелунгов». Это была лавина сочинений, спекулировавших на «теории» упадка «европейского сознания», на «теории» больной психики Гитлера.

Эти «объяснения» скрывали истинных виновников военного заговора. Народу не говорили, что Гитлер оказался у власти только потому, что его безумие вполне гармонировало с безумными планами международных картелей и трестов. Эти «мыслители» не желали связать вопросы войны и мира с проблемой рынков, прибылей и капиталовложений финансовых олигархий и монополий. Судороги капитализма представлялись ими в виде «духовного недомогания», избавление от которого должно было наступить в результате душевного кризиса. На почве этих вздорных разговоров пустомели вроде Жюля Ромена, болтающие об абстрактной «доброй воле», отправлялись в страну нацизма с «духовной миссией» — уговаривать Гитлера не ввергать мир в войну¹.

¹ *Saturday Evening Post*, October 5, 19, 1940

Подобной свободы — свободы дезориентировать и одурманивать народ — действительно не существовало в Советском Союзе. Там никому не разрешалось славословить фашизм и идеалы системы «свободного предпринимательства» «Диллон, Рид» — «И. Г. Фарбениндустри»

Накануне заключения пакта

15 марта 1939 г Германия поглотила то, что оставалось еще от Чехословакии. Англия и Франция, гарантировавшие независимость расчлененной Чехословакии, не проронили ни слова. Первую добычу Гитлера в Чехословакии составили 1500 самолетов, 500 зенитных орудий, 500 танков, 2000 артиллерийских орудий, миллион винтовок, миллиард патронов и, кроме того, громадные военные заводы Шкода, так же как и многочисленные заводы меньшего размера. «Естественно,— говорил Чемберлен в парламенте,— что я глубоко огорчен тем, что произошло. Но нам не следует в связи с этим отклоняться от нашего курса».

На следующий день Федерация британских промышленников заключила картельное соглашение с Имперским объединением германских промышленников. 23 мая 1939 г. Англия выдала гитлеровскому правительству 30 млн. долл. чешского золотого запаса, хранившегося в Лондоне. Это произошло четыре дня спустя после того, как Чемберлен сказал, что слух об этом — ложь и что это несовместимо с «честью Великобритании». Между тем американские финансисты продолжали вкладывать капиталы в германскую тяжелую промышленность, способствуя дальнейшему росту немецкого военного потенциала.

Даже перед лицом таких фактов руководители советского правительства решили, тем не менее, испробовать все возможности для предупреждения мировой войны. 18 марта 1939 г. они снова обратились к Англии и Франции с предложением созвать совещание с участием других государств, чтобы пресечь дальнейшую германскую агрессию. Лондон дал негласные инструкции Варшаве, чтобы она отклонила советское предложение; немедленно после этого Париж и Лондон также отказались от советского приглашения, мотивируя свой отказ тем, что они якобы ничего не могут поделать с поляками,

которые не желают, чтобы их защищала Красная Армия. Англия сформулировала тогда нарочито туманное предложение о том, что в случае нападения Германии Красная Армия не должна выступать до тех пор, пока немецкие вооруженные силы не достигнут границ СССР.

17 апреля 1939 г. СССР снова предложил Франции и Англии заключить трехсторонний пакт, направленный против агрессии. Английское правительство не дало никакого ответа. В мае того же года Советский Союз снова предложил — на этот раз только Англии¹ — заключить пакт о взаимной помощи, согласно которому каждая из сторон обязывалась оказывать помощь другой стороне в случае нападения. Англия поставила условием, чтобы из статей пакта исключили вопрос о Прибалтийских государствах, находящихся на подступах к Советскому Союзу. В ответ на это Советский Союз заявил, что он примет участие в обороне государств, расположенных между Германией, Францией и Англией, если последние возьмут на себя аналогичные обязательства в отношении государств, находящихся между СССР и Германией. Чемберлен снова ответил отказом, заявив, что он не может «жертвовать» честью и свободой малых, но независимых Прибалтийских государств, предусмотрительно «забыв» о том, что он только что отдал Чехословакию Гитлеру.

Чемберлен отправил в Советский Союз мюнхенца Уильяма Стрэнга с предложением «консультироваться» с СССР в случае нападения Германии на Прибалтийские государства. В случае же, если бы Англия и Франция оказались втянутыми в войну, СССР должен был прийти им на помощь, а также помогать Бельгии, Польше, Румынии, Греции и Турции. Однако в отношении Прибалтики и других пограничных с СССР государств Англия не брала на себя подобных обязательств. Другими словами, нацистам открыто предлагалось двинуть свои войска на Восток, так как английское предложение было, по существу, равносильно обещанию Англии и Франции соблюдать нейтралитет по отношению к Германии.

¹ В изложении хода переговоров автор допускает некоторую неточность. См Историческую справку Совинформбюро «Фальсификаторы истории». (*Прим ред*)

Затягивая переговоры с Москвой, Чемберлен в то же самое время поспешно предложил широкую финансовую помощь Берлину. В июле 1939 г. Роберт Хадсон, сэр Мон-тэрю Норман, управляющий Английским банком, и сэр Гораций Вилсон предложили советнику Гитлера по экономическим вопросам Гельмуту Вольтату заем в 5 млрд. долл. Путем таких сделок англичане стремились добиться окончательного урегулирования англо-германских взаимоотношений, раздела рынков и сфер влияния и распределения «жизненного пространства» между Англией и Германией. Лондон выразил готовность отказаться от гарантий, которые он только что предложил Польше, равно как и от любых других международных обязательств, которые могли бы послужить причиной конфликта с Германией.

Даже Ллойд Джордж считал необходимым заявить летом 1939 г., что «Невиль Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не желают никакого соглашения с Россией»¹. В изданной в СССР брошюре «Фальсификаторы истории», в которой приводятся эти слова, говорится: «Разумеется, то, что было ясно Ллойд Джорджу, было не менее ясно заправилам гитлеровской Германии... К тому же западные державы без конца затягивали переговоры с Советским Союзом, пытаясь утопить существенные вопросы в тине мелких поправок... обставляя свои предложения такими оговорками, которые делали их заведомо неприемлемыми для Советского Союза»². Причины такой затяжки переговоров англичанами выболтала лондонская газета «Таймс», которая писала: «Быстрый и решительный союз с Россией мог бы помешать другим переговорам»³.

Когда тучи на горизонте спустились до такой степени, что война могла разразиться каждую минуту, Англия и Франция послали 31 июля военную миссию в Советский Союз. Она состояла из людей, отличительной чертой которых было то, что они никому не были известны. Это были адмирал сэр Реджиналд Планкет-Эрнл-Эрл-Дракс и генерал Жозеф Думенк. То обстоятельство, что миссия отправилась не на самолете, а на небольшом пароходе, которому потребовалось около двух недель, чтобы достичь

¹ Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М., Госполитиздат, 1948 г, стр. 45

² Там же, стр. 45—46

³ Там же, стр. 46

берегов Советского Союза, показывает, как Чемберлен «горел желанием» заключить союз с СССР. Когда англо-французская миссия встретилась с представителями СССР во главе с Ворошиловым, Шапошниковым и Кузнецовым, выяснилось, что английское и французское правительства не дали ей полномочий для подписания соглашения.

Во время этих переговоров руководители Советского Союза заявили «о своей готовности выставить на фронт против агрессора 136 дивизий, 5 тысяч средних и тяжелых орудий, до 10 тысяч танков и танкеток, свыше 5 тысяч боевых самолетов и т. д.»¹ Англичане же предложили пять пехотных и одну механизированную дивизии. Единственно возможное объяснение посылки английской миссии состоит в том, что это была просто уловка, прикрывавшая другие, закулисные переговоры с Германией.

Даже такой закоренелый враг Советского Союза, как Уинстон Черчилль, писал в своих мемуарах о «терпении и настойчивости, проявленных СССР» в его усилиях предотвратить вторую мировую войну. По словам Черчилля, несмотря на категорические отказы, полученные Советским Союзом, последний выдвинул еще одно, последнее предложение: «Они сделали,— пишет Черчилль,— официальное предложение о создании единого фронта взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР...» «Этот союз,— отмечает Черчилль,— сильно обеспокоил бы Германию в 1939 г., и никто не может доказать, что даже тогда нельзя было бы избежать войну». Стратегический план, предложенный Советским Союзом, был направлен на предотвращение второй мировой войны путем создания прочной антивоенной коалиции между Востоком и Западом.

Предостережение Сталина

Советский Союз много раз на протяжении нескольких месяцев предупреждал западные державы, что при отсутствии прочных гарантий коллективной безопасности он будет вынужден пойти на улучшение отношений с Германией. В докладе, сделанном 10 марта 1939 г. на

¹ Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М, Госполитиздат, 1948 г, стр. 48

XVIII съезде Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Сталин ясно указывал, что западные державы идут к катастрофе:

«...на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних.

Невероятно, но факт.

...политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны,— следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,— выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!

...а потом стали крикливо лгать в печати о «слабости русской армии», о «разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо...

Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смиренных рубах для таких сумасшедших...

Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по

белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»¹.

Те, кто готовил ловушку, попались в нее сами

В своих официальных декларациях западные державы и страны «оси» также говорили о мире. Разница между их концепцией поддержания мира и точкой зрения Советского Союза заключалась в слове *коллективный*, которое подразумевает мир для всех. На это не соглашались ни фашисты, ни «демократические» капиталисты. Принятие советского плана означало бы, по мнению западных империалистов, ущемление их коренных классовых интересов. Во-первых, это связало бы их с государством, которое они стремились стереть с лица земли. Самые успехи советской социалистической[^] системы вызывали ненависть и страх в среде мировой буржуазии. Целью всех маневров и устремлений империалистов, по существу, был захват и раздел советской земли. Во-вторых, принятие советского плана значило бы окружение цитадели европейского фашизма, который не мог существовать без постоянной агрессии и войны. Советский план коллективной безопасности поэтому привел бы, в конечном счете, к краху фашизма в Центральной Европе и к обра-

¹ И В Сталин Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 570—572.

зованию народно-демократических правительств. Для финансовых магнатов Запада это была пагубная перспектива.

Большинство находившихся за пределами СССР людей, которых буржуазная печать намеренно дезинформировала и сбивала с толку, не подозревало о том, как велики были усилия Советского Союза, в течение целых десяти лет направленные на сохранение и поддержание мира во всем мире. Только коммунистическая пресса выступала против гнусного заговора монополий, стремившихся направить нацистскую агрессию против Советского Союза. И слишком мало было людей, которые могли бы разобраться в хитроумных и сложных приемах, применяемых западными державами в достижении ими своей цели.

Как отвести объединенный удар мирового империализма и фашизма, как оградить завоевания народа от бешеного натиска контрреволюционных сил — вот в чем состояла задача, которую предстояло решить советскому руководству. Ответ был найден в результате марксистско-ленинского анализа противоречий между фашистскими и империалистическими поджигателями войны.

Было ясно, что в лагере международных империалистов, временно объединившихся для подавления народного движения в Китае, Испании и Франции и для продолжения той борьбы против Советского Союза, которая была начата в 1919 г., существовали серьезные противоречия. Войны ведутся капитализмом не во имя идей. Безудержное стремление германских картелей и монополий к захвату мировых рынков, нашедшее свое отражение в гитлеровской истерии, требовало экспансии в любом направлении, захвата богатств, принадлежащих кому угодно, будь то коммунисты, капиталисты, Франция, Балканы, Англия, Италия или Советский Союз. Антисоветизм служил им прикрытием, служил не только оружием против самого заклятого врага фашизма — против Советского Союза, но также и средством ослабления национальной обороны западных держав и разоружения их в целях устранения препятствий на пути германских империалистов, стремившихся к мировому господству.

Временное объединение международных монополистов в целях ликвидации Советского Союза и упрочения мирового фашизма таило в себе еще одно противоречие. Такое объединение предполагало строжайшее соблюдение соглашений, заключенных между неравно вооруженными международными гангстерами, — весьма мало вероятное предположение. Ибо англо-французские империалисты — в отличие от немецких, чьи планы завоевания мира включали и Восток и Запад, — жаждали только войны особого рода — войны против СССР.

В то же время Советский Союз в своей внешней политике обладал полнейшей свободой действий, ибо — не зная никаких внутренних противоречий экономического порядка — Советский Союз не нуждался ни в какой войне и мог поставить свою дипломатию на службу интересам мира¹.

Решение наиболее важной из всех задач, с которыми до сих пор приходилось сталкиваться Советскому Союзу, было найдено. Поскольку все предложения СССР, направленные на создание системы коллективной безопасности, были отвергнуты, единственный выход, который оставался у него, состоял в том, чтобы обуздать существующую *de facto* фашистско-капиталистическую коалицию, сорвать ее планы распространения фашизма на весь мир, вбив в эту коалицию мощный клин в виде

¹ Стремление Советского Союза к миру вытекает из его социально-экономической структуры. Социалистическая экономика не знает вопиющих экономических противоречий, которые приводят к империалистическим войнам. Несмотря на быстроту, с которой растет ее промышленность, социалистическая экономика никогда не страдает от «перепроизводства». Размеры производства и капиталовложений в новые предприятия соответствуют потребностям всей страны в целом. Поскольку потребности населения растут по мере развития промышленности и техники, внутренний рынок страны социализма безграничен. В противоположность этому, производство при капитализме не может перерасти железные преграды, воздвигаемые жадой прибыли, оно нуждается во внешних рынках и сферах приложения капитала, чтобы избавиться от излишка товаров и капиталов, и только война, в конечном счете, может предоставить капитализму временную передышку. Таким образом, в то время как длительный мир несовместим с существованием монополистического капитала, он отвечает самым насущным интересам социалистической экономики. Этим и объясняется, почему только социалистическое государство может быть истинным и последовательным поборником мира (*Прим автора.*)

пакта о ненападении с головным отрядом шайки агрессоров.

19 августа 1939 г. СССР подписал с Германией торговое соглашение, а четыре дня спустя — пакт о ненападении сроком на десять лет. 31 августа 1939 г. этот пакт был ратифицирован Верховным Советом СССР. В этот день Молотов, между прочим, сказал: «. Где же корень этих противоречий в позиции Англии и Франции?.. С одной стороны, английское и французское правительства боятся агрессии и ввиду этого хотели бы иметь пакт взаимопомощи с Советским Союзом, поскольку это усиливает их самих... Но, с другой стороны, английское и французское правительства имеют опасения, что заключение серьезного пакта взаимопомощи с СССР может усилить нашу страну, может усилить Советский Союз, что, оказывается, не отвечает их позиции» .. В силу советско-германского договора . «СССР не обязан втягиваться в войну ни на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии...»¹.

Советско-германский пакт о ненападении — сильнейший ответный удар по империалистам, замышлявшим войну,— произвел на капиталистический мир впечатление разорвавшейся бомбы.

¹ «Правда», 1 сентября 1939 г.

Глава IV

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Гитлеровские генералы начали наступление на Польшу 5 сентября 1939 г., через двенадцать дней после подписания пакта о ненападении между Германией и СССР. Утверждая, что *post hoc ergo propter hoc*¹, мировая реакция начала распространять клеветнические измышления, будто этот пакт послужил толчком для развязывания второй мировой войны. Факты, однако, показывали обратное. В гитлеровском генеральном штабе вопрос о нападении на Польшу был решен еще за четыре месяца до заключения пакта. Именно это решение, ставшее известным Советскому Союзу, побудило его к быстрым действиям. Документы, предъявленные обвинением на Нюрнбергском процессе, свидетельствуют о том, что адъютант Гитлера генерал Вильгельм Кейтель еще 3 апреля 1939 г. разработал план и издал приказ о наступлении на Польшу, которое должно было начаться 1 сентября 1939 г. или вскоре после этого². Робер Кулондр, французский посол в Берлине, 9 и 22 мая 1939 г. также предупреждал Париж о ведущейся немцами подготовке к нападению на Польшу.

Советско-германский пакт о ненападении был заключен потому, что англо-французская и нацистская политика уже сделали войну неизбежной. Предшествовавшее заключению пакта решение Гитлера о нападении на Польшу было причиной, а не следствием пакта. Фредерик Л. Шуман писал: «Дневники Чиано опровергают широко распространенное среди критиков советской политики мнение, что Берлин решил вторгнуться в Польшу после того, как Москва договором от 23 августа обяза-

¹ «После этого значит вследствие этого» (лат.) (*Прим. ред.*)

² Peter De Mendelssohn, *Design for Aggression*, New York, 1946.

лась сохранять нейтралитет. На самом деле Москва заключила этот договор именно потому, что Берлин уже решил захватить Польшу, и потому, что Париж и Лондон, полностью отдавая себе отчет в угрозе, нависшей над Польшей, все же отказывались принять советские предложения о заключении союза... Некоторые предлагали покинуть Польшу на произвол судьбы, другие предпочитали сделать широкий жест и объявить войну. Но все предпочитали гибель Польши защите Польши Советским Союзом. И все надеялись, что результатом будет война между Германией и СССР»¹.

Даже опубликованные государственным департаментом гитлеровские документы показывают, что у Советского Союза никогда не было общих политических интересов с Германией. Немецкие дипломаты пытались подкупить СССР, предлагая ему разделить мир на сферы влияния. Однако советские руководители немедленно отвергли эти предложения. Они никогда не забывали об опасности, которой грозил фашизм, и никогда не принимали нацистских предложений.

Так, например, 30 марта 1940 г. немецкий посол в Москве фон Шуленбург сообщил Риббентропу: «Все наши наблюдения здесь, а в особенности речь Молотова от 29 марта, свидетельствуют о твердой решимости советского правительства придерживаться нейтралитета и по возможности избегать всего, что могло бы привести к конфликту с западными державами». Под западными державами, понятно, подразумевались Англия и Франция.

Трагедия Польши

Польский народ был предан в первую очередь его собственным правительством. Естественно, что польская феодальная аристократия, обуреваемая империалистическими мечтами, нашла общий язык с нацистами. В течение многих лет, во всяком случае с 1919 г., реакционные правители Польши строили планы создания «Великой Польши» за счет Советской России и охотно играли роль

¹ Frederick L. Schuman, *Soviet Politics at Home and Abroad*, p. 376

связующего звена в «санитарном кордоне», созданном западными союзниками против Страны Советов. В мае и июне 1919 г. армия Пилсудского, оснащенная французским вооружением, оккупировала Восточную Галицию. Подстрекаемый Парижем и Лондоном, Пилсудский, в ответ на предложение Ленина об установлении дружественных отношений, начал военные действия, согласованные с наступлением белогвардейского атамана Петлюры. В мае 1920 г. поляки заняли Киев. Они аннексировали советские районы, лежащие к востоку от «линии Керзона», — территории, принадлежащие Западной Украине и Западной Белоруссии, население которых на 70% состояло не из поляков. Находясь в трудном положении в связи с наступлением врангелевских армий, Советская Россия была вынуждена уступить эти территории полякам по Рижскому договору¹.

В 1932 г. польский министр иностранных дел Бек и Пилсудский протестовали против принятия СССР в члены Лиги наций. В том же году они помогли сорвать соглашение Литвинова с Барту (французским министром иностранных дел) о Восточном Локарно. Впоследствии Варшава отвергала каждое советское предложение о том, чтобы страны Восточной Европы изолировали германских агрессоров. Вместо этого Бек заключил соглашение с Германией, надеясь таким путем получить Литву и часть Чехословакии. Даже 21 марта 1939 г. польское правительство отклонило все предложения о созыве конференции совместно с СССР. До последнего момента оно надеялось принять участие в военном походе Гитлера против Советского Союза, рассчитывая получить в качестве военного трофея Советскую Украину.

Польский народ был также предан мюнхенскими «миротворцами». Англия поставила Польшу в совершенно безвыходное положение, дав ей ряд обещаний, которые она не собиралась выполнять. Это стало совершенно очевидным, когда — вскоре после того, как «во имя сохранения мира» Чехословакия была отдана нацистам — государственные мужи в Уайт-холле внезапно проявили необычайную заботу по поводу Данцига и Польского кори-

¹ Н. W. V. Temperley, History of the Peace Conference of Paris, Oxford, 1924, Vol. VI, p. 278, 322

дора и стали поощрять авантюристические замыслы польской военщины, обещая оказать ей помощь в борьбе против германской агрессии. Но неопровержимые доказательства говорят о том, что Англия помогла организовать нападение нацистов на Польшу, рассчитывая тем самым направить гитлеровские армии против Советского Союза.

Советский Союз не питал никаких иллюзий относительно конечных планов Германии. Он в такой же мере верил обещаниям Гитлера и Риббентропа, как и обещаниям Чемберлена и Галифакса. Позволить нацистским войскам пересечь «линию Керзона» и оккупировать Западную Украину или Западную Белоруссию (территории, украденные Пилсудским у Советского Союза в 1920 г.) означало бы серьезную угрозу для безопасности Советской страны. Сэр Бернард Пэйрс писал: «Если бы Германия полностью захватила Польшу, она присоединила бы к себе население, принадлежащее России»¹.

Занятие Советским Союзом Западной Белоруссии и Западной Украины помешало Гитлеру продвинуть свои пушки через всю Польшу и Прибалтийские государства непосредственно к советской границе. Благодаря этому были нарушены планы нацистов и была спасена значительная часть польской армии, которая позднее, заново вооруженная, сражалась совместно с Советской Армией против нацистов. Кроме того, миллионы людей были спасены от уничтожения их фашистами.

Черчилль быстрее других консерваторов сообразил, каковы могут быть последствия провала чемберленовской политики для Англии, и заявил 1 октября 1939 г.: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы...»². Американцы прогитлеровской ориентации были очень недовольны тем, что Советская Армия помешала немецким войскам подойти к линии Нарва — Минск — Киев, то есть на 250 километров ближе к Москве. Они рассматривали оккупацию советскими войсками территории, лежащей к востоку от «линии Керзона», как «акт агрессии».

¹ Bernard Pares, Russia, New York, 1940, p. 242.

² Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М., Госполитиздат, 1948 г., стр. 58.

Злоба, усугубленная невежеством

После заключения советско-германского пакта о ненападении западные державы не могли открыто обвинить Гитлера в том, что он их предал, не обнаружив тем самым своего собственного двуличия. Поэтому они продолжали обманывать мир, громко вопя о «предательстве СССР». Лондон и Париж, делавшие ставку на войну между Германией и Советским Союзом и проигравшие игру, делали вид, что их «застали врасплох». Подобно многим фальшивомонетчикам, пойманным с поличным, Лондон уверял, что им руководили самые благородные намерения. В Лондоне вопили, что все дело в недостатке доверия со стороны Москвы, в «славянской подозрительности»; от этих обвинений ловко перешли к обвинениям в «коммунистических махинациях», которые якобы «ускорили войну».

Очень трудно было опровергать эти истерические вопли при помощи одних только спокойных, логических доводов. Обычно какая-либо сильная эмоция может быть вытеснена лишь другой сильной эмоцией. Преобладающей эмоцией были антифашистские настроения, и этим настроениям соответствовал факт объявления Англией и Францией войны фашистской Германии. В силу этого даже многим друзьям Советского Союза понадобилось много времени, чтобы понять значение пакта, заключенного им с Германией.

Теперь мы знаем, перед какой альтернативой стоял СССР в роковое лето 1939 г. *Если бы он отказался от предложения Германии заключить пакт о ненападении, то он немедленно оказался бы изолированным объектом нацистской агрессии, о чем мечтала и к чему стремилась вся мировая реакция.* В этих условиях советское правительство было вынуждено сделать единственно возможный для него выбор и принять предложение Германии о заключении пакта о ненападении. «Этот выбор явился дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке. Этот шаг Советского Правительства в огромной степени предопределил благоприятный для Советского Союза и для всех свободлюбивых народов исход второй мировой войны»¹

¹ Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М, Госполитиздат, 1948 г., стр. 53

Благодаря этому пакту Советский Союз выиграл почти два года для подготовки своей обороны против фашистского нападения, которое, как он знал, должно было последовать. Но это был не единственный результат пакта. Этот пакт усилил и обострил противоречия внутри империалистического лагеря и показал несостоятельность попыток капиталистов отрицать национальные интересы. Этот пакт помешал тому, чтобы народы западных стран были проданы фашизму. *Разбуженные ревом фашистских самолетов, народные массы Европы и Азии повернулись против фашистов и предателей внутри своих стран. Срывав планы капиталистов, стремившихся к поражению Советского Союза, этот пакт предотвратил победу фашизма во всем мире.*

Франция. Война во время войны

Когда правящие классы Англии и Франции вынуждены были 3 сентября 1939 г. формально объявить войну Германии, выяснилось, серьезно ли они хотели воевать с ней. Они не мобилизовали даже части имевшихся ресурсов своих обширных империй. Парижский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» писал 20 сентября 1939 г.: «Трудно обнаружить какие-либо признаки военных приготовлений». Французские монополисты и их ставленники в министерстве иностранных дел — те, кого хорошо информированный французский журналист Пертинакс назвал впоследствии «могильщиками Франции», — не имели желания вести войну против нацистской Германии.

Крупные капиталистические предприятия Франции отстали от своих соперников по ту сторону Рейна и уже в течение многих лет играли роль «младших партнеров» крупных германских картелей. Многие французские тресты были тесно связаны с немецкими трестами. Простая угроза со стороны Круппа или «Ферейнигте штальверке» прекратить закупку французской железной руды или бокситов вызвала бы крах на парижской бирже. Немцы часто пользовались этим экономическим оружием, чтобы влиять на французскую политику. До самых последних дней перед объявлением войны «Комитэ де форж» продолжал поставлять гитлеровским военным заводам миллионы тонн стали, в которой остро нуждалась сама Франция.

Имелись сведения, что даже после объявления войны руда из шахт Нормандии и Лотарингии продолжала поступать через Бельгию в Рур. Эдмонд Тэйлор пишет, что один английский журналист в разговоре с ним «покаялся, что сам видел [зимой 1940 г.], как французская руда перегружалась на границе Лотарингии — причем на люксембургской стороне границы — в товарные вагоны государственной немецкой железной дороги». Этот журналист сказал Тэйлору: «До того как я побывал в Люксембурге, я готов был вступить в армию. Теперь я собираюсь не придавать этой войне серьезного значения. Мне отнюдь не хочется умирать за Круппа или Ванделя»¹.

Большую часть своих доходов французские рантье получали от государственных облигаций, долгосрочных обязательств и акций уже существующих промышленных предприятий и шахт. Таким образом, они не были заинтересованы в дальнейшем расширении промышленности в крупных масштабах. В начале войны французский премьер Даладье хвастался, что Франция выиграет войну, так как она «имеет больше золота». Но когда правительство предложило использовать имеющиеся капиталы, для того чтобы модернизировать тяжелую промышленность, французское золото утекло в Форт Нокс² (штат Кентукки).

Вследствие того, что французские рабочие действовали более сознательно и энергично, французские монополисты готовы были пойти на соглашение с Гитлером на значительно менее выгодных условиях, чем те, на которые соглашалась Англия. Призраки народных восстаний 1793, 1848 и 1871 гг. все еще преследовали французскую олигархию. Она боялась, что рабочий класс Франции снова использует обстановку военного разгрома для того, чтобы поднять революционное восстание масс. Правящие круги Франции рассчитывали, что фашизм сможет полностью уничтожить профсоюзное движение и коммунистическую партию. Чтобы сохранить свою власть, «200 семейств» Франции предпочли предать всю французскую нацию ее давнишнему врагу. В некотором смысле Париж был оккупирован немцами еще за год или больше до того, как нацистские армии прошли под Триумфальной аркой.

¹ Edmond Tailor, *The Strategy of Terror*, Boston, 1940, p. 181.

² Здание, в котором хранится золотой запас США (*Прим. ред.*)

Даже в самый разгар войны французские правящие классы уделяли главное внимание преследованию антифашистов. В то время когда «Комитэ де форж» брался с германским Стальным трестом, Даладье, следуя указаниям гитлеровцев Абеца и Риббентропа, заключил в концентрационные лагеря десятки тысяч испытанных антифашистов, спасшихся из франкистской Испании. В документе № 149 французской «Желтой книги» приводятся, например, следующие слова министра иностранных дел Франции Жоржа Боннэ: «Наконец, я заверил германского посла, что... выборы будут отсрочены, публичные собрания запрещены, всякие попытки какой бы то ни было иностранной пропаганды будут подавляться, а коммунисты будут образумлены». Даладье вскоре выполнил данные гитлеровцам обещания, объявив войну рабочему классу Франции, войну, в которой французская олигархия была действительно заинтересована. Именно эта война, продолжавшаяся и во время войны с Германией, привела к тому, что Франция была разгромлена через шесть недель.

Подоплека стратегии „зицкрига“¹

Хотя Англия и Франция объявили войну Гитлеру, они не собирались сражаться с нацизмом; их стратегия заключалась в том, чтобы заручиться американской помощью, держать армии в укреплениях «линии Мажино» и путем политики отсиживания привести события к мертвой точке, чтобы таким образом вынудить нацистские легионы вернуться к своей первоначальной цели на Востоке. Первая стадия войны должна была быть стадией «зицкрига». Это была не война против фашизма, а война между империалистическими державами. Целью одной стороны было разграбление в первую очередь западных стран. Другая сторона стремилась заставить взбунтовавшегося Франкенштейна² разграбить Советский Союз. Ни одна из сторон не стремилась к миру, и первая стадия второй мировой войны представляла собой поединок империалистов.

¹ «Зицкриг» (нем.) — буквально «сидячая война». (Прим. ред.)

² Персонаж из фантастического романа Мэри Шелли «Франкенштейн», написанного ею совместно с Перси Б. Шелли и Байроном в 1818 г., — искусственно созданный человек, взбунтовавшийся против своих создателей и всего мира (Прим. ред.)

В период «зицкрига» западные державы продолжали свою мюнхенскую политику. Эдуард Бенеш писал в своих воспоминаниях: «6 октября 1939 г. я выехал в Париж. В этот период Даладье отказался от проекта создания чехословацкого правительства и протестовал против моего личного участия в войне в какой бы то ни было форме. Я просил его принять меня, но получил отказ... Не оставалось и тени сомнения в том, что они фактически продолжали проводить мюнхенскую политику. Вынужденные против своей воли прийти на помощь Польше., они готовы были принести Польшу в жертву путем какого-либо нового «Мюнхена» и готовы были вторично пожертвовать Чехословакией»¹. По словам Бенеша, Даладье предполагал еще в декабре 1939 г. «вывести Францию из войны против Германии. После того как Германия заключила бы мир с западными державами, ее вынудили бы напасть на Советский Союз». Правящие круги Англии надеялись, что США дадут свои деньги, Россия — свою кровь, а Англия будет поставлять образцы ораторского искусства и давать советы. Они судорожно цеплялись за свое добро, накопленное в течение сотен лет грабежа колоний. Играя роль посредника, Англия «щедро» раздавала товары, полученные по американскому ленд-лизу, зависимым от нее странам. Даже в самый разгар войны Англия нередко продавала на мировом рынке материалы, полученные по ленд-лизу, тем, кто давал самую высокую цену. Англия всеми силами стремилась к тому, чтобы Соединенные Штаты возможно скорее и в полной мере включились в войну, с тем чтобы она сама имела возможность воевать по рецепту Чемберлена — заняв позицию благожелательного нейтралитета и морального сочувствия, ежедневно публиковать эффектные сообщения о числе советских бойцов, павших на Восточном фронте.

Эпизод с „маленькой Финляндией“

Советский Союз не строил себе никаких иллюзий относительно намерений правящих классов Англии и Франции. Он отлично понимал, что при первом удобном случае они снова попытаются достигнуть соглашения с наци-

¹ Eduard Benes, The Memoirs of Eduard Benes, *Nation*, July 3, 10, 1948

стами. Такой случай представился в 1939 г., когда прогермански настроенные правящие круги Финляндии, получив значительное количество вооружения, а также обещания помощи от Англии и Франции, отказались произвести с СССР обмен территориями, который должен был заключаться в том, что значительный участок советской территории, не имеющей стратегического значения, отошел бы к Финляндии, а Советский Союз получил бы небольшую полосу финляндской земли, граничащую с Ленинградом и имеющую для него важное оборонное значение.

Финская армия под командованием прогитлеровских генералов, тесно связанных с военными кругами Германии, стояла примерно в 30 км от Ленинграда. Начальник немецкого генерального штаба Гальдер посетил Финляндию в 1939 г. для участия в совещании с руководителями финской армии. Немецкие офицеры и техники принимали участие в маневрах финской армии. Поощряемое немцами профашистское финское правительство отвергло все советские предложения о совместном обсуждении мер взаимной безопасности. Англо-французские и нацистские опекуны внушили «маленькой Финляндии», что ей лучше начать войну, чем пойти на соглашение. Финское правительство отказалось также заключить с Советским Союзом договор о дружбе и взаимопомощи, потому что правящая клика Финляндии уже дала согласие на то, чтобы превратить свою страну в трамплин для наступления на Ленинград. Враждебная позиция, занятая Финляндией, привела к советско-финской войне.

Лига наций, в которой руководящую роль играли англичане и французы, была слепа и глуха, когда к ней взывали Китай, Абиссиния, Испания и Чехословакия, но тут она внезапно вышла из своего летаргического состояния, подняла шум о «красной агрессии» и на этом основании исключила Советский Союз из членов Лиги.

Пресса капиталистических стран надрывалась от крика о «преступлении России». Совершенно игнорировались такие ясные факты, как то, что Финляндия служила плацдармом для нацистов, что Ленинград находился в пределах досягаемости финской артиллерии, что СССР готов был отдать вдвое большую территорию за необходимый ему, стратегически важный участок территории. Франция

и Англия отгружали в Финляндию вооружение, хотя считалось, что они в нем нуждаются сами. 19 марта 1940 г. правительства Чемберлена и Даладье заявили, что они отправили в Финляндию 296 самолетов, свыше 700 орудий, более 5 тысяч пулеметов, около 2 млн. снарядов, а также ручные гранаты, авиабомбы, противотанковые мины и прочие виды вооружений.

Но это было не все. Еще 2 марта 1940 г. Чемберлен объявил, что Франция и Англия направляют в Финляндию через Нарвик армию в 150 тыс. человек, «за два месяца до того срока, к которому Маннергейм просил прислать ее». Лондон обратился к Стокгольму и Осло с требованием пропустить эти войска через Швецию и Норвегию. (Да, когда дело шло о втором фронте *против* Советского Союза, то тут никаких проволочек не было!) Но все это составляло только часть более обширного плана. По словам шведского министра иностранных дел Гюнтера и французского депутата и публициста Анри де Кериллиса, в январе 1940 г. де Голль, Гамелен, Даладье и генерал Вейган разработали план, согласно которому они не только предполагали начать наступление на Ленинград, но собирались также бомбардировать Баку и оккупировать Кавказ со стороны Турции¹.

В США также были собраны средства и материалы для Финляндии. Идея «крестового похода» против России уже носилась в воздухе. Американские монополисты разделяли стремление Англии и Франции окончить «зицкриг» против Германии и выступить единым фронтом с германским фашизмом против Советского Союза. За несколько месяцев до этого журналист Уолтер Липпман, выражая чаяния американских монополистов, писал: «Вопрос заключается не в том, каковы будут границы Германии, Польши или Чехословакии, а в том, где будет проходить граница между Европой и коммунизмом. Главная проблема войны заключается в том, вернется ли Германия в ряды западных держав как защитница Запада». Обращаясь к нацистским военным руководителям, Липпман продолжал: «Несомненно, в германской армии, как и всюду, есть люди, которые отлично понимают, что буду-

¹ Henri de Kerillis, *De Gaulle, Dictateur*, Montreal, 1945, p. 363—364, and the White Paper of Swedish Ministry of Foreign Affairs, Stockholm, 1947, p. 119

щее указывает им два пути: либо продолжать войну, которая может привести к революции, либо возможно скорее заключить мир, с тем чтобы объединить силы, противостоящие и войне, и коммунизму»¹.

Однако противоречия, присущие лагерю монополистов, как и противоречия в самой международной ситуации, вызвали в США раскол между капиталистами по вопросу о том, оказывать или не оказывать Англии помощь. Меньшая часть, настроенная изоляционистски и возражавшая против оказания помощи Англии, в основном состояла из представителей среднезападных штатов; они прямо высказывались за соглашение с Круппом и «И. Г. Фарбениндустри». Большая часть монополистов из восточных и южных штатов, чьи интересы были связаны с внешней торговлей и иностранными капиталовложениями, заботясь о собственном кармане, «патриотически» высказывались за сотрудничество с Федерацией британских промышленников, с тем чтобы сокрушить своих общих соперников — германских империалистов. Первые осуждали самоубийственную войну Англии и Франции против необходимого в будущем союзника — нацистской Германии. Вторые обвиняли Гитлера в том, что он нарушил мюнхенский «мирный договор». Первые опасались, что если США окажут помощь Англии, они тем самым будут окончательно втянуты в подлинную войну с Германией; вторые опасались, что если они откажут Англии в помощи, то это усилит Германию, и с ней будет труднее сладить при последующих переговорах. Нечего и говорить, что ни те, ни другие не предлагали создать американо-советско-англо-французскую коалицию, с тем чтобы покончить и с войной, и с фашизмом, как это требовали коммунисты и другие прогрессивные элементы.

Промышленные магнаты США сгруппировались вокруг организации «Америка прежде всего», соперничая с Чемберленом, выступавшим в свое время в роли ангела-миротворца. Сьюэлл Эйвери, Генри Форд, Лессинг Розенвальд, генерал Роберт Вуд и другие лица, ярые противники рабочего движения, обращались с душераздирающими призывами к американским рабочим предотвратить вмешательство США в войну, так как в противном случае

¹ Walter Lippman, *New York Herald Tribune*, Oct. 12, 1939.

все достижения рабочих, завоеванные с таким трудом, будут утрачены одно за другим». Ведя пропаганду против войны с Германией, они часто прибегали к «социалистической» фразеологии Нормана Томаса. Они проливали слезы над «европейской цивилизацией», предостерегая, что в результате войны она будет разрушена и уничтожена.

В 1940 г. эти люди готовы были ради интересов «мира» передать Британскую империю в руки Гитлера (понятно, рассчитывая при этом урвать и свою долю). «Наши сердца разрываются при виде Британской империи, сражающейся за свою жизнь,— писала в одной из своих брошюр организация «Америка прежде всего».— Но мы не согласны с теми, кто полагает, что падение Британской империи будет означать конец американской цивилизации».

Расчеты нацистов

Вся стратегия и все расчеты германских монополистов являлись выражением неразрешимых противоречий отживающего общественного строя. Умиравший монополистический капитализм, перейдя к террористическим методам борьбы за власть, уже не мог больше руководствоваться в своих действиях логикой.

Тем не менее шайка нацистских безумцев могла найти ответы на многие вопросы. Так, например, она знала, почему западные капиталистические «демократии» возносят ей хвалу как «чуду XX века», оказывают ей помощь и предоставляют займы. Нацисты знали, кто и почему привел их к власти над всей Центральной Европой. Они понимали, что французские рантье боятся потерять свои капиталы, что англо-американских консерваторов охватывает ужас при мысли о подлинно демократической Германии или Италии, что банкиры исполнены страха перед профсоюзами. Нацисты знали, до каких пределов безумия может довести правящие классы ненависть к русским. Именно сознание всего этого явилось источником силы нацистов, их наглости и самоуверенности.

Их план был весьма прост: добиться мирового господства тем же путем, используя то же оружие, с помощью которого они захватили власть в Германии. Они рассчитывали, что западные державы не будут предприни-

мать никаких шагов для того, чтобы уничтожить дело рук своих. Они были уверены, что капиталистические страны никогда не объединятся с Советским Союзом.

Чтобы добиться мирового господства, они прежде всего стремились представить идею национального суверенитета как отжившую и устаревшую. Нацисты утверждали об «объединенной Европе». В своих бредовых мечтах они представляли себе уже не столкновение одной нации с другой, а столкновение «европейской цивилизации» с коммунизмом. Не было ни одной речи Гитлера, ни одной статьи или радиопередачи Геббельса, где бы не подчеркивалась эта мысль. В переводе на «деловой» язык это означало: зачем сражаться за национальные символы, когда вы можете присоединиться к нашим трестам, и мы обеспечим вам ваши прибыли и защитим ваши капиталовложения? Вы понимаете, так же как и мы, что, в конечном счете, вы придете к фашизму. Так почему же не сделать этого сейчас?

Перед тем как напасть на Советский Союз, нацистам необходимо было сконцентрировать все силы, им нужны были люди и техника Франции, Бельгии, Голландии и остальной Европы. Советский Союз был на чеку, и по крайней мере некоторые из гитлеровских генералов понимали, что им не приходится рассчитывать там на легкую победу. Им также было ясно, что в Советском Союзе уже больше нет квислингов, которые могли бы предать свою страну и открыть для захватчиков ворота изнутри.

Кроме того, нацисты не хотели, чтобы антикоммунистическое оружие «износилось» раньше времени, прежде чем оно сослужит свою службу. В случае необходимости всегда можно было использовать проектируемое наступление на Восток как приманку для достижения соглашения с западными державами. До последнего времени с помощью этой приманки немцам удалось, не пролив ни капли крови, завоевать десяток стран, и у них не было оснований полагать, что Франция и Англия представят исключение. В отношении Франции план удался. В отношении Англии он сорвался, несмотря на старания последователей Чемберлена и миссию Рудольфа Гесса. (Правящий класс Англии при виде агрессивности созданного им же механического чудовища—фашизма, забил тревогу, в особенности после того, как в результате (воздушных

налетов на Лондон необычайно усилились антифашистские настроения английского народа и укрепились его воля к сопротивлению). Нацисты должны были выбирать между решительным наступлением на Англию и наступлением на Советский Союз. Наступление на Советский Союз казалось более выгодным, так как Запад в этом случае мог забыть и простить все и принять участие в руководимой нацистами антисоветской коалиции. Во всяком случае, нацисты были уверены, что в случае решительного наступления на СССР им не будет угрожать второй фронт на Западе.

Расчеты немецких фашистов были почти правильными. То обстоятельство, что история все же показала их несостоятельность, объясняется основными, неразрешимыми противоречиями капиталистической системы, усилившимися при фашизме, силой единодушного народного протеста, безрассудством империалистических притязаний и, в первую очередь, могуществом Советского Союза. Такова судьба, постигающая контрреволюционные замыслы. Вынужденные вести борьбу за свои классовые интересы, господствующие классы тем самым одновременно порождают силы, ниспровергающие их.

Глава V

НАЧИНАЕТСЯ НАСТОЯЩАЯ ВОЙНА

Утром 22 июня 1941 г. Гитлер направил против Советского Союза почти всю военную мощь Европейского континента. Десять лет неустанных усилий поджигателей войны не пропали даром. Та настоящая война, которую замыслили на Кэ д'Орсэ и в Уайт-холле,— война, имеющая целью разгром СССР,— началась. Но не совсем так, как было задумано ими. Англия и несколько месяцев спустя и Соединенные Штаты должны были объединиться с Советским Союзом, несмотря на враждебность, которую питали к нему их правящие классы.

Все же нацисты, напав на Советский Союз, располагали ресурсами девятнадцати стран и использовали производственные мощности Германии, Австрии, Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Франции, Чехословакии, Польши, Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании, Югославии и Греции, а также промышленность «нейтральных» стран — Турции, Испании, Швейцарии и Швеции. Роль Японии сводилась к тому, чтобы при помощи антисоветских угроз «всего лишь» сковывать на Дальнем Востоке крупные советские силы.

Фашистская Германия была введена в заблуждение своими собственными измышлениями о слабости Советского Союза; большинство ее генералов были уверены в превосходстве германского оружия. Поэтому Германия рассчитывала сравнительно быстро завладеть богатыми ресурсами Советского Союза. Однако главное стратегическое соображение для нападения на Советский Союз заключалось в боязни Германии увязнуть на Западе и решении предпринять попытку покорения Востока, пока он не слишком окреп.

Германская армия и ее генеральный штаб начали активную подготовку к нападению на Советский Союз в

августе 1940 г., после того как гитлеровское министерство иностранных дел потерпело крах в попытках уговорить или вынудить СССР вступить в союз, направленный против Западной Европы. Германские документы из числа опубликованных государственным департаментом (датированные 17 января, 27 февраля, 1 марта, 6 и 13 апреля 1940 г.) убедительно показывают, что Советский Союз настаивал на соблюдении им самим и Германией всех условий их договора о ненападении, отказывался от всех «выгодных предложений» Гитлера вступить с ним в империалистические сделки за счет других стран (Ирана, Индии и др.)» не поддавался на нацистские запугивания и провокации и до последней минуты придерживался мирной политики.

В то утро, когда было совершено нападение, Молотов заявил: «Сегодня, в 4 часа утра, без объявления войны... Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и... тем самым фашистская Германия является нападающей стороной... ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта... Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу»¹.

Империалистическая война превращается в свою противоположность

День 22 июня 1941 г., казалось, был днем большого торжества для тех, кто при помощи мюнхенского заговора подготовил почву для второй мировой войны и для германского похода на Восток.

Друзья гитлеровской Германии, руссофобы, троцкисты и мюнхенцы в восторге потирали руки. Одни открыто, дру-

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», М, Госполитиздат, 1946 г., т. I, стр. 127, 128, 129

гие тайно мечтали о быстрой победе Германии. Третьи, вроде сенатора Гарри Трумэна из штата Миссури, «просто-напросто» заявляли: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше»¹. Тогдашний английский министр авиационной промышленности Мур Брабазон также молился об «обоюдном истощении Германии и СССР», рассчитывая, что, истощив свои силы, обе страны станут зависимыми от Англии. Государственные деятели империалистических держав, лицемерно выражавшие восхищение борьбой советского народа, питали надежду, что Советский Союз будет ослаблен, истощен и низведен до положения второразрядной державы. Все спрашивали: «Устоит ли Россия?». Левый лейборист Д. Н. Притт ответил консерваторам, сделавшим запрос в палате общин: «Да, они спасут вашу кожу; вы этого не заслуживаете, но они это сделают».

Буржуазия Западной Европы не верила в способности генералов, ученых, рабочих, инженеров и солдат рабочего государства. Все сообщения о том, что социалистическое планирование и подлинная свобода развития промышленности, принадлежащей народу, превратили Россию из задушенной и ослабленной царизмом страны в перворазрядную мировую державу, отметались как «коммунистическая пропаганда». В связи с этим Гитлер и многие другие вновь и вновь выражали свое недоумение. Геббельс писал в своем дневнике: «Он, Гитлер, совершенно не представлял себе советского военного потенциала. То и дело он в отчаянии спрашивал, где же все-таки большевики берут свое оружие и своих солдат?»

Будучи застигнут врасплох внезапным нападением в разгаре своих мирных трудов, советский (народ оказался перед необходимостью решения колоссальных задач. Однако в результате дальновидной политики индустриализации, проводившейся под сталинским руководством, благодаря единству и социалистическому духу народа, советская промышленность выдержала это испытание. Производительность промышленности возросла, несмотря

¹ Историческая справка, Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М, Госполитиздат, 1948 г., стр. 67—68.

на временную утрату западных районов СССР, откуда поступало больше трети всей советской продукции и больше двух третей некоторых наиболее дефицитных видов сырья. Советская промышленность дала свыше 90% всех танков, самолетов, орудий и другого военного снаряжения, с помощью которого была разгромлена гитлеровская Германия. Советский Союз получил в три раза меньше поставок по ленд-лизу, чем Англия, которая скрывала всего несколько германских дивизий. Вся помощь союзников Советскому Союзу, оказанная по ленд-лизу, равнялось лишь 4% общего объема советского военного производства.

С большой неохотой и только ради своих собственных империалистических выгод правящие круги Англии и США стали помогать Советскому Союзу. Заклятый враг Советского Союза Уинстон Черчилль лицемерно заявил, что «опасность для России является нашей опасностью и опасностью Соединенных Штатов»¹ и что «Англия готова сражаться бок о бок с советским народом против общего врага». Позднее были даны торжественные обещания открыть второй фронт, с тем чтобы «облегчить колоссальные трудности нашего славного союзника».

Официальное признание западными державами советского принципа (от которого они впоследствии отреклись) о том, что германский фашизм, как таковой, а не только германская военная машина, должен быть уничтожен начисто, ясно показало, что война превратилась в нечто противоположное тому, что замыслили поджигатели войны. *Советский Союз, заключив пакт о ненападении с Германией, разоблачив подлинные цели мирового фашизма, превратил войну в коалиционную войну против фашизма, в народную освободительную войну.* Возникло нечто совершенно «новое. Это новое положение, в котором содержались многие элементы старого, временно и частично разрешило прежние противоречия, и борьба вступила в более высокую стадию.

В частности, после поражения Франции миллионные народные массы, находившиеся под пятой своих собст-

¹ Историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», М, Госполитиздат, 1948, стр. 68.

венных и иностранных фашистов, начали понимать, что теперь уже война перестала быть только войной между отдельными странами, а стала также гражданской войной между антифашистским подпольем, рабочим классом и народными патриотами, с одной стороны, и прислужниками внутренней и чужеземной реакции — с другой, борьбой не на жизнь, а на смерть против нацистских гарнизонов и их квислинговской агентуры. Национальные и классовые интересы совпадали в период борьбы чешского подполья, партизан Югославии, Италии, Франции и Греции. И в этих, и в других странах чувства национальной гордости и патриотизма перестали быть орудием в руках монополистов, как это было прежде, и превратились в свою противоположность — в оружие народа в его борьбе за освобождение.

Цели Англии и США в войне

Чтобы внушить народу мысль о необходимости долго-терпения и жертв, правящие классы Запада разглагольствовали о необходимости «раздавить гидру фашизма». Однако господствующие силы в англо-американском лагере боялись народной освободительной войны и не стремились к полному разгрому фашизма. Их главной целью в войне было устранить опасных для них империалистических соперников в лице Германии и Японии, в то же время избегая причинить вред своим партнерам по картелям из Берлина и Токио.

Как добиться того, чтобы фашистская Германия перестала представлять для них опасность и в то же время не была ослаблена как сила, борющаяся с рабочими организациями и угрожающая Советскому Союзу,— вот что больше всего занимало западные державы. Эти противоречивые тенденции определяли их поведение и их военную стратегию.

Отказ Англии и Соединенных Штатов по-настоящему вооружить народные силы Франции, Италии и Югославии, их предательская политика в отношении народов Китая, Греции и Испании, тот факт, что, в то время как их авиация бомбила жилые кварталы в городах Германии, промышленные объекты, снабжавшие нацистскую

военную машину, часто оставались нетронутыми, и — самое главное — срыв открытия ими второго фронта в условленные сроки (что повлекло за собой потерю еще миллионов жизней), — все это носило на себе отпечаток мюнхенского десятилетия и предопределило характер послевоенной политики англо-американского блока.

«Не раскроете ли вы нам, какие цели вы преследуете, ведя эту войну?» — спрашивали либералы на протяжении всей войны тех, кто определял политику Лондона и Вашингтона. Правдивый ответ, который гласил бы, что американский правящий класс склонен спасти капиталистов Рура от обуявшего их безумия и что английские правители борются за сохранение ежегодной ренты своих рантье, — поставил бы их в неловкое положение. Они отвечали поэтому туманными рассуждениями о «четырех свободах». Вскоре эти рассуждения были облечены в форму империалистической «теории» об «американском веке».

«А каковы *ваши* цели войны?» — спрашивали некоторые Советский Союз. Ответ был прям и прост: завершить войну, снабдить народ оружием для полного уничтожения фашизма, установить подлинно демократические народные правительства и добиться как можно более быстрого и полного поражения фашистского агрессора. Но именно этого и хотели избежать Черчилль и его клика. Сила обстоятельств заставила их сражаться в одном лагере с Советским Союзом, но это не превратило их, как по мановению волшебной палочки, в друзей прогресса и демократии.

Мобилизацию военных сил англо-американского блока тормозили и затрудняли бюрократизм, бессмысленная, напрасная трата ресурсов, взяточничество, параллелизм и несогласованность в действиях. «Демократические страны тяжелы на подъем», — такова была стандартная отговорка. К тому же вначале монополии отказывались расширять свои предприятия по производству вооружения без гарантий в отношении прибылей¹. Впрочем, основной

¹ См. книгу Кэттона «Военные магнаты Вашингтона» (Bruce Catto, The War Lords of Washington, New York, 1948), где изложена плачевная история американского военного производства. (Прим. автора.)

причиной было желание правящих классов Запада, и особенно правящих кругов Англии, усложнить и затянуть войну. Их целью было выждать, пока Советский Союз не истощит своих сил настолько, чтобы беспрекословно подчиниться приказаниям Лондона и Вашингтона, а народы Европы не придут в полное отчаяние и не согласятся на возвращение своих прежних господ.

Англо-американская военная политика преследовала одну цель: избежать исторически неизбежных последствий войны — падения европейских олигархий. Поэтому английский и американский правящие классы делали все, чтобы избежать полного уничтожения нацистской военной машины, подавить народную антифашистскую борьбу и удушить те новые демократические элементы, которые зарождались в этом кровопролитии.

Американских солдат не учили ненавидеть фашизм, им не раскрывали его подлинной сущности. В лучшем случае в этом направлении делались самые слабые попытки. Война нередко изображалась как беспорядочная драка, как борьба против какого-то абстрактного зла, воплощенного в образах Гитлера, Хирохито и Муссолини, или как война против «немчуры», «япошек» и «итальяшек». Солдат держали в полном неведении, скрывая от них истинные причины возникновения фашизма и войны. Воспитательную работу среди солдат вели преимущественно реакционно настроенные офицеры. Солдатами-неграми нередко командовали люди расистских взглядов, жестоко обращавшиеся с ними. Для огромной массы солдат война была не чем иным, как личным несчастьем или лишь авантюрой, не имевшей никакого иного, более широкого смысла¹. Время шло, и настроения горечи, цинизма и разочарования среди американских солдат все усиливались. Многие из них убедились в лживости англо-американских обещаний. В то же время в наиболее фешенебельных отелях и коктейль-холлах между директорами корпораций и представителями армии, которые ведали закупкой материалов и распоряжались правительственными ассигнованиями, достигавшими 250 млрд. долл., велись секретные переговоры, в результате которых американские монополисты успешно добивались осуществления своих целей.

¹ *The Infantry Journal*, December, 1943.

Предательство по отношению к движению сопротивления

Несколько примеров убедительно покажут читателю странный способ ведения войны англо-американским блоком, тщательно продуманные акты предательства народных интересов во имя интересов международных трестов.

Вскоре после высадки американских и союзнических войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. Роберт Мэрфи и его единомышленники из государственного департамента спокойно передали управление Французской Северной Африкой вишистам — союзникам Гитлера, — заключив сделку с адмиралом Дарланом. Французских антифашистов, часть которых была лишь незадолго до того выпущена из германских тюрем, приближенные Мэрфи пытались заставить молчать, угрожая им снова тюрьмой. Армия Роммеля все еще стояла в Киренаике и Тунисе. Среди французского населения Северной Африки и арабов нашлось немало охотников добровольно сражаться против нацистов. Американские власти долго тянули с разрешением этого вопроса, а затем отказали им в их просьбе. Они опасались, как бы кровь, пролитую североафриканскими и французскими антифашистами, не пришлось оплачивать расширением демократических прав народа.

Тем не менее народ продолжал настаивать на создании собственной армии. Чтобы отвлечь его внимание, была разыграна замысловатая комедия с участием Дарлана, Пейрутона, Жиро и де Голля. Позднее были созданы местные вооруженные силы, которые англо-американские власти не сумели как следует экипировать. Специальным решением союзнических властей офицерский состав этих вооруженных сил был ограничен вишистскими коллаборационистами, заявившими о «перемене своих убеждений». На карту было поставлено сохранение колониальной эксплуатации и феодализма в Северной Африке от Касабланки до Суэца. Решался вопрос и о власти англо-французских монополий в Северной Африке и об их выгодных сделках с нацистами.

«Оружия! Оружия!» — таков был постоянный призыв французского подполья. Движение сопротивления насчитывало миллионы французских патриотов. Но их героические подвиги игнорировались военщиной и сообщения

о них не пропускались в печать английской цензурой, хотя за период, предшествовавший высадке союзников в Нормандии, это движение понесло не меньше жертв, чем английская и американская армии вместе взятые. «Я имел конфиденциальную беседу с одним бежавшим крупным французским деятелем,— телеграфировал корреспондент «Нью-Йорк таймс» Гаролд Каллендер 10 июня 1944 г.— Он заявил: «Тот факт, что в движении сопротивления принимают участие коммунисты,— недостаточное основание для того, чтобы не посылать участникам движения оружия. Во Франции сегодня есть только патриоты».

Лондон деятельно разжигал восстание против французского господства в Ливане, стремясь использовать в своих интересах ослабление французской империи на Ближнем Востоке. Лондон предпочитал вооружать польские войска реакционного генерала Андерса, а не группы сопротивления, и в частности французского движения сопротивления, которое располагало достаточными силами, чтобы — при наличии оружия — завершить в основном освобождение Франции. Но Лондон рассчитывал сохранить за собой контроль над французскими финансами и правительственной политикой, который он осуществлял до войны. Поэтому французское движение сопротивления получало от западных союзников лишь символическую помощь.

Была, однако, и другая, более важная причина этой двуличной политики. В тот момент германские силы во Франции состояли всего из нескольких второсортных дивизий. Будь французские партизаны как следует вооружены — они смогли бы освободить какую-то часть побережья Франции. Это привело бы к созданию второго фронта за много месяцев до высадки союзников в Нормандии. Между тем планы Черчилля предусматривали удар по «мягкому подбрюшью» Европы, который не мог не отсрочить поражения немцев.

В течение столетий народы Балкан находились под экономическим и социальным гнетом. Естественные ресурсы Балкан, их рабочая сила и благожелательность продажных балканских королей являлись предметом спекуляций на биржах Берлина, Лондона и Парижа. В целях сохранения системы эксплуатации всячески разжигалась национальная вражда. Теперь же антифашистская освободительная война ликвидировала искусственно

созданные противоречия на Балканах и выявила коррупцию местных и иноземных эксплуататоров. Для капиталистов-эксплуататоров это была угроза более страшная, чем нацистская оккупация. Объединение прогрессивно настроенных народов Балкан угрожало ликвидацией сверхприбылей, извлекаемых из капиталовложений на Балканах и на Дунае.

Буржуазия и многие представители католической иерархии Югославии сотрудничали с немцами. Югославские рабочие и крестьяне организовали движение сопротивления. Во все растущей армии партизан были женщины, старики и дети. В скалистых горах Югославии гибли тысячи партизан, сражаясь в крупнейших в истории Югославии боях. Они истребляли нацистов, подрывали их силы. Так как все это делалось без санкции Лондона, этого официального маклера в области балканских дел, истребление нацистов и оковывание большего числа дивизий, чем это могла сделать хваленая империя Черчилля, рассматривалось как нечто незаконное или во всяком случае неоправданное.

Тысячи раненых партизан Югославии гибли из-за отсутствия медикаментов. Неподалеку, в Северной Африке и в Южной Италии, склады союзников буквально ломились от медикаментов. (Кстати сказать, большая их часть впоследствии попала на итальянский «черный рынок».) Лондон, как правило, придерживал эти медикаменты, так же как и продукты питания; задерживал он и югославское золото и торговый флот. Он всячески старался воспрепятствовать тому, чтобы они попали в распоряжение тех сил, которые благодаря собственным усилиям и благодаря тому, что Советская Армия отвлекала основные германские силы от Балкан, уже освободили половину Югославии¹.

¹ Стремясь воспрепятствовать развитию партизанского движения в Югославии, англо-американские империалисты опирались на подлых предателей югославского народа — Тито, Ранковича, Джигласа, Карделя и других, — которые (как это теперь документально доказано) еще в годы второй мировой войны стали платными агентами английской и американской разведок. Выполняя задания своих иностранных хозяев, клика Тито предавала югославских партизан, боровшихся за освобождение своей страны. Стремительное наступление Советской Армии сорвало захватнические планы англо-американских империалистов и их югославских пособников. (*Прим. ред.*)

Даже реакционный журналист К. Л. Сульцбергер признал в «Нью-Йорк таймс» от 15 апреля 1944 г., что «...за три года борьбы югославских партизан с десятками германских дивизий западные державы доставили в Югославию товаров вдвое меньше, чем могло бы поместиться в трюмах одного судна типа «Либерти». Он писал также: «Хотя в Сардинии и скопились сейчас тысячи снарядов из Итальянской Истрии, союзники не разрешают вывозить их на том основании, что это вызвало бы дипломатические осложнения». Иными словами это означало, что помощь югославским партизанам в момент, когда они в ней особенно нуждались, обидела бы сторонников короля Петра, а также фашиста Михайловича, с которым Лондон, в конечном итоге, не посчитался, когда он перестал быть ему нужен.

Поражение в Италии и Греции

Итальянская кампания англо-американской армии была направлена в такой же мере против итальянского народа, как и против двадцати двух нацистских дивизий генерала Кессельринга. Лондон и Вашингтон через свою разведку знали о настроениях итальянского народа. После двадцати лет войны и фашизма итальянские рабочие и крестьяне жаждали очищающей волны революционных действий. Повсюду — особенно на севере — многие итальянцы присоединились к партизанам и были готовы к всеобщему восстанию. Если бы Соединенные Штаты, вопреки «вето» Черчилля, передали итальянским партизанам винтовки и пулеметы хотя бы лишь на несколько миллионов долларов, американские войска понесли бы в Италии вдвое меньше потерь. Но они все еще возлагали надежды на то, что Италии удастся навязать какого-нибудь дряхлого фашистского короля и реакционное правительство.

После англо-американской оккупации Южной Италии итальянцы, желавшие присоединиться к сражающимся силам союзников, были разоружены. Все требования лидеров итальянского национально-освободительного движения о мобилизации народа на выполнение важных конструктивных задач отклонялись. Американские военные власти сеяли своей тактикой замешательство и апатию и деморализовали народ. В сообщении, помещенном в

«Нью-Йорк таймс» 18 июня 1944 г., говорилось: «В течение девяти месяцев гитлеровского террора участники итальянского движения сопротивления сражались и действовали мужественно... Они рассчитывали на признание и на привлечение их к делу восстановления Италии. Но до сих пор мало что указывает на возможность этого... Те, кто тесно сотрудничал с немецкими и итальянскими фашистами, получают от союзников помощь и благословение, в то время как антифашистов преследуют или игнорируют... Все, кто стремится сражаться с немцами, возмущены нежеланием союзников организовать итальянские вооруженные силы». Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» от того же числа сообщала о «принудительном разоружении и арестах партизан, всех тех, кто сражался и пережил фашистский террор и помогал нашим войскам; между тем все, кто сотрудничал с немцами, находятся на свободе».

Нет ничего удивительного в том, что итальянская кампания под руководством «главного постановщика», лондонского генерала Александра, превратилась в нескончаемую и незначительную по масштабам, хотя и кровопролитную операцию. Спешить было не к чему: чем дольше тянулось освобождение Италии, тем правдоподобнее звучали английские отговорки по поводу невозможности открыть второй фронт. Несколько измотанных нацистских дивизий каким-то образом ухитрялись «сдерживать» объединенные военные силы двух мощных западных держав в течение почти двух лет.

В период нацистской оккупации Греции греки делились на тех, кто сотрудничал с фашизмом, и на тех, кто присоединился к народным партизанским силам в горах. Эта народная армия парализовала несколько германских дивизий и наносила им тяжелые удары,— опять-таки без одобрения со стороны Лондона или короля Георга И, которого Англия пестовала в Каире. Когда греческая народная армия открыто высказалась против монархии за демократическую республику, Черчилль направил против нее английские карательные отряды, ничем не отличавшиеся от гитлеровских.

Несколько демократических партий объединились и организовали Комитет освобождения Греции в целях со-

здания общенационального коалиционного правительства. В это правительство, выступавшее против восстановления монархии, входил всего один коммунист. Тем не менее Черчилль, используя старый гитлеровский прием, объявил весь комитет коммунистическим. После этого он организовал кампанию «антикоммунистического» террора против всех либерально настроенных антироялистских греческих солдат и офицеров, находившихся в Египте. Четыре тысячи из них были схвачены и брошены в концентрационные лагеря. «Люди арестовывались без предъявления ордера на арест, без уведомления родственников арестованных и бесследно исчезали»¹.

В ответ на протест греческих солдат и моряков в Египте против этих политических гонений Черчилль отдал приказ командирам греческой армии казнить их. Греческие солдаты отказались расстреливать своих товарищей по оружию. Даже английский агент Софокл Венизелос предпочел выйти из состава каирского эмигрантского правительства, чем выполнять это распоряжение. Тогда, отбросив все общепринятые дипломатические нормы и приличия, Черчилль приказал английским карательным отрядам произвести расстрел греческих солдат и матросов, сражавшихся против нацистов. Так был спасен король Георг II, крестный отец короля Петра. В самый разгар войны, в 1943 г., Лондон разрешил гитлеровским коллаборационистам в Афинах продолжать уничтожение греческих демократов и антифашистов.

Американские суда подвергались бомбежкам и торпедированию у берегов Испании. Испанские пароходы и франкистские учреждения в Танжере служили сигнальными станциями для нацистских подводных лодок и бомбардировщиков. Вокруг Бильбао, Сантандера и других испанских городов были расположены немецкие базы. Так франкистская Испания помогала отправлять американских летчиков и моряков на дно Атлантического океана. Кроме того, франкистские суда беспрепятственно перевозили производимый концерном «Стандард ойл» высокооктановый бензин и другие военные материалы из Южной Америки в Германию. Франкистские армии вместе

¹ *The Nation*, May 13, 1944.

с гитлеровскими отправлялись на Восточный фронт. Франко был верным союзником Гитлера на протяжении всей войны.

К июню 1944 г. поражение германского фашизма стало очевидным; казался обреченным и испанский фашизм. Ибо за одно только поведение во время войны Франко заслуживал того, чтобы быть повешенным на одной виселице с другими фашистскими военными преступниками. Но 20 июня 1944 г. Черчилль объявил: «Испания оказала помощь союзникам уже тем, что не объявила им войны. Мы рассчитываем на еще более тесную дружбу с Франко». «Гуманный» кардинал Спеллман, вернувшись из Испании, заявил: «Франко — богобоязненный, серьезный и умный человек... Мы легко поняли друг друга... Он улыбнулся несколько раз во время нашей беседы... Его письменный стол напомнил мне мой»¹.

¹ *Chicago Daily News*, January, 18, 1944.

Глава VI

В КАМУН ПОБЕДЫ

Говорят, что сначала советский народ ждал открытия второго фронта с нетерпением, потом с надеждой, а позднее стал относиться к этому вопросу скептически. Независимо от наличия второго фронта, советские люди никогда не сомневались в своей конечной победе над фашистской Германией. Но необходимо было сократить сроки окончания войны, количество жертв, размеры разрушений. Пока Советская Армия оборонялась, западные державы находились в более выгодном положении. Они могли настаивать на своих условиях и методах ведения войны против Германии. Их государственные деятели держались в отношении СССР «дружественно», их пресса с «сочувствием» писала о «нашем благородном страждущем союзнике». Они помогали американскими мясными консервами, яичным порошком, грузовиками и амуницией,— но борьба попрежнему велась на советской территории, и в жертву приносились жизни советских людей.

Советское правительство предлагало, чтобы его «верные союзники» прекратили поставки по ленд-лизу и лучше вместо этого открыли бы на Западе второй фронт. Военные эксперты признавали, что германское сопротивление было бы сломлено, если бы немцам пришлось начать боевые действия на Западе, хотя бы против самых незначительных вооруженных сил. Но, как и в период Мюнхена, в ход были пущены различные отговорки вроде: «еще слишком рано», «еще преждевременно», чтобы только избежать открытия второго фронта.

Возникает вопрос, какую роль играл президент Рузвельт — либерал, ненавидевший фашизм,— в этой трагической затяжке. Впрочем — ни субъективно, ни объективно — Рузвельт не смог бы выйти за рамки тех условий, которые ограничивали его прогрессивные устремления.

Его происхождение, образование, а также социальные и экономические связи были таковы, что он не мог понять непримиримого антагонизма, существующего между классовыми интересами. Как и все либералы, он воображал, что стоит над классами и пытался примирить, согласовать и увязать интересы всех «заинтересованных сторон».

Каждому мероприятию, проводимому им для удовлетворения требований народа, избравшего его, обычно сопутствовала равноценная или даже большая уступка монополистам. Так, в качестве компенсации за введение законов о минимальном уровне заработной платы и контроле над ценами была разрешена еще большая концентрация монополий. «Гармония» во взаимоотношениях с трестами, достигнутая по таким вопросам, как реконструкция долины р. Теннесси и права нефтяников, покупалась путем получения для них выгодных концессий в Южной Африке и на Ближнем Востоке. «Доброй воли» изоляционистов Рузвельт (из опасения, что его постигнет судьба Вильсона) добивался путем назначения на ответственные посты реакционеров, которым он поручал проведение своей внешней политики (и которые оказались не исполнителями, а палачами его внешней политики). Расположение католической иерархии обеспечивалось путем сохранения эмбарго на вывоз оружия в Испанию. Аналогичные уступки приходилось делать в отношении Черчилля. Сотрудничество Англии в войне против Японии оплачивалось поддержкой, оказываемой лондонским и амстердамским эксплуататорам в их борьбе против индонезийского народа. Рузвельт не мог, особенно в военное время, обойтись без сотрудничества с правящим классом, не рискуя потерять его поддержку. Должный размах военного производства приходилось обеспечивать путем предоставления крупному капиталу возможности получения колоссальных прибылей.

Поэтому объективно исполнительная власть Рузвельта и его внутренняя и внешняя политика строго ограничивались наличием неприкосновенной капиталистической собственности и капиталистических производственных отношений. Он не мог нарушить ни одного из основных прав собственности крупного капитала, не вызвав тем самым бешеной ярости конгресса, какофонии клеветы

в прессе и саботажа со стороны многих своих политических помощников. Поэтому его оппозиция трестам выражалась не в попытках ликвидировать их, а в том, чтобы убедить их пойти на уступки и разрешить проведение некоторых весьма запоздалых реформ во имя их же интересов. И все это оплачивалось дорогой ценой!

Несмотря на свои недостатки и довольно частые колебания, Рузвельт принадлежал к тем весьма немногочисленным лидерам капиталистического мира, которые смело объявляли германский фашизм врагом человечества и призывали к его ликвидации. Он принадлежал к тем немногим буржуазным политическим деятелям, которые искали путей — вначале не без колебаний — к сотрудничеству с Советским Союзом в целях сохранения мира. Разумеется, его лозунг о «четырех свободах» и прочие гуманистические лозунги служили также ширмой для защиты интересов американского империализма. Но Рузвельт не удовлетворял полностью монополистов, и они злобно нападали на него за то, что он делал уступки не только им, но и народу и шел навстречу прогрессивным устремлениям последнего. Не будь Рузвельта и не пользуйся он поддержкой рабочего движения и его союзников, англо-американская реакция могла бы совершить еще более серьезные предательские акты во время войны. Он поднимал свой голос — хотя и не всегда эффективно — против полной узурпации Соединенных Штатов монополистами.

Сталинград — поворотный пункт

В 1942 г. фашистское наступление достигло своего зенита. Советский писатель Василий Гроссман охарактеризовал это время так: «То была поистине грозная пора пора тяжкого и кровавого рабства Европы..., когда коричневые полчища гитлеризма торжествовали победу на материках и океанах земного шара. В тот год миллионы честных сердец леденели от ужаса при мысли о нависшей над человечеством смертельной опасности; в ту пору зловонная, чадная тьма окутала просторы мира и матери проклинали день рождения своих детей, обреченных на фашистское рабство... Могучий огонь сталинградской артиллерии в годину тьмы был единственным светом

человечества... Это была битва за свободу, единоборство советского народа с мировыми силами социального зла»¹.

Сталинград, этот поворотный пункт во второй мировой войне, стал также поворотным пунктом в отношениях англо-американского блока к Советскому Союзу. Когда Советская Армия разгромила гитлеровцев, генералы Лондона и Вашингтона разинули рты от изумления и не знали, радоваться им или огорчаться. Хотя победа под Сталинградом означала спасение бесчисленного количества жизней американских и английских солдат, одна мысль об усилении советского влияния приводила их в мрачное уныние. В боях за Сталинград Советская Армия разрушила также и английские планы относительно народов Балкан. Англо-американские монополисты были близки к панике, когда они стали представлять себе последствия огромного роста советского престижа на международной арене. Эмиссары самых высоких рангов кинулись в Москву. «Неофициальные» посредники из английского министерства иностранных дел были откомандированы в Испанию, Португалию и Швейцарию в ответ на настоятельные мольбы и предложения о мире не на шутку встревоженных промышленников Рура.

Когда отступление нацистов приняло характер беспорядочного бегства, Черчилль и его генералы, которые до тех пор относились к войне как к игре в крикет, решили срочно перестроиться и перестать затягивать открытие второго фронта. Премьер-министр рассчитал, что английским дивизиям придется спешно двигаться в Берлин, чтобы теперь уж явно неизбежная победа не разрушила всех его планов относительно будущего Европы. Впрочем, публично Черчилль счел благоразумным заявить, что Англия не намерена вмешиваться в урегулирование вопроса о советской восточной границе. Польская фашистская клика в Лондоне обвинила его в измене. Герцог Бедфордский жаловался, что «чем ближе Объединенные нации к победе, тем очевиднее, что они потерпят поражение в осуществлении ряда самых важных, самых существенных целей войны». История не следовала логике герцога

¹ «Новое время» № 6, 1948 г., стр. 3—4.

Приближающееся поражение европейского фашизма, казалось, предвещало также гибель европейского монополистического капитализма. Поэтому англо-американские магнаты старались нащупать компромиссный путь как способ разрешения сложной «дилеммы» победы. В различные периоды войны, как показывают документы, захваченные советскими войсками в Германии, представители крупного капитала на Западе вели переговоры с нацистскими агентами о сепаратном мире с Германией¹. Брат Джона Фостера Даллеса, Аллен Даллес, офицер американской разведки, встретился в феврале 1943 г. в Женеве с представителем Гитлера князем Гогенлоэ. Документы показывают, что Аллен Даллес одобрил заявление Германии о том, что «сильная федеративная великая Германия является лучшим оплотом против большевизма и панславизма», и признал необходимость сохранения за германской промышленностью ведущей роли в Европе².

Позднее была выработана новая линия пропаганды, согласно которой всякое продвижение советских войск квалифицировалось как «советская экспансия». Даже наличие на польской территории советских освободительных армий — армий, направлявшихся в Берлин, — рассматривалось правящими кругами в Лондоне и Вашингтоне, вкупе с польским эмигрантским правительством, как своего рода «советская агрессия».

Вашингтон и Лондон взяли на себя роль опекунов над странами, граничащими с Советским Союзом. Они пытались вновь пустить в ход старые «гарантии» Чемберлена. Их соображения были кратко сформулированы редактором английского журнала «Найнтинс сенчэри энд афтер», который в сентябре 1944 г. писал: «Господствовать над Восточной Европой — значит господствовать над всей Европой. Если бы Англии пришлось отказаться от Восточной Европы, ей пришлось бы отказаться от всей Европы. Такая политика привела бы к изоляции Англии, она разрушила бы английскую власть на Ближнем и

¹ Уже в сентябре 1941 г. лорд Эйткен, сын лорда Бивербрука, вел переговоры в Лиссабоне с Густавом фон Кевером относительно сепаратного англо-германского мира (*Прим автора*)

² Testimony by Frances Biddle to the Senate Judiciary Committee on May 17, 1945.

Среднем Востоке; если бы в результате этой политики Балканы и Проливы оказались в одних руках, настал бы конец господству Англии в Средиземном море. Эта политика изолировала бы Турцию и ликвидировала бы английское влияние в Ираке и Иране, а также поставила бы под угрозу безопасность Индии и Персидского залива. Она вынудила бы Англию пересмотреть свою позицию в отношении Германии».

Начало „холодной войны

Ввиду всего этого спасение фашистских польских и русыньских помещиков стало непосредственной целью Вашингтона и Лондона. Для ее осуществления необходимо было возродить довоенную политику правящего класса Польши, основанную на ненависти к Советскому Союзу. По мере того как война близилась к концу, Лондон, который все время поддерживал эту ненависть, опекая реакционное эмигрантское польское правительство, теперь стал усиленно разжигать ее. Типичным примером может служить потворство англичан провокации в Катынском лесу, явившейся делом рук Геббельса.

В Катынском лесу осенью 1941 г. германская оккупационная армия учинила одну из своих зверских массовых расправ, расстреляв 12 тыс. пленных польских офицеров, содержащихся в трех лагерях к западу от Смоленска. Это было впоследствии установлено показаниями свыше сотни свидетелей, а также благодаря вещественным доказательствам, обнаруженным в могилах. В 1943 г., ввиду пошатнувшегося военного положения Германии, Берлин стремился разжечь антисоветские настроения и спровоцировать раскол в лагере союзников. Геббельс опубликовал заявление, в котором обвинял Советский Союз в совершении этого злодеяния. Польское эмигрантское правительство в Лондоне и английская реакционная печать при попустительстве английского министерства иностранных дел считали, что любое заявление всемирно известного лжеца заслуживает доверия постольку, поскольку оно носит антисоветский характер. Они потребовали «международного расследования». Геббельс торжествовал. Он записал в своем дневнике 29 апреля 1943 г.: «Польский конфликт все еще находится в центре

внимания... Признают, что мне удалось внести глубокий раскол в ряды противника». Впрочем, 8 мая он записал: «К сожалению, в могилах в Катынском лесу было обнаружено германское снаряжение... Крайне важно, чтобы это осталось в полной тайне. Если бы это дошло до сведения противника, от всего катынского дела пришлось бы отказаться».

Но польские реакционеры при благосклонном согласии своих английских хозяев потребовали расследования, которое проводилось бы под контролем нацистов. Советскому правительству ничего не оставалось, как порвать дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне, которое объединилось с гитлеровским правительством в своей кампании против СССР.

Советский Союз признал Национальный совет Польши [Крайова рада народов], в который вошли поляки, активно участвовавшие в освобождении Польши. Позднее, 11 января 1944 г., Советский Союз опубликовал обращение к западным державам о том, чтобы они признали границу, установленную в 1919 г. союзнической комиссией под руководством лорда Керзона и называемую «линией Керзона». Эта граница была признана правильной этнической советско-польской границей, потому что 70% населения к востоку от этой линии составляли белоруссы и украинцы. Англия заявила, что она «в принципе не возражает против стремления Советского Союза обезопасить свои западные границы». Однако втайне она поддерживала польское эмигрантское правительство, отклонившее советские предложения, и поощряла попытки этих эмигрантов добиться поддержки Вашингтона.

Английские реакционеры прекрасно сознавали, что абсурдные притязания и требования дискредитированного польского эмигрантского правительства обречены на провал. Но поддержка их помогала сохранять в Польше фашистское подполье для нарушения советских коммуникаций и задержки продвижения советских войск к Германии. Это стимулировало сопротивление немцев и возбуждало у них надежды на спасение. Это способствовало также усилению фашистской деятельности армии генерала Андерса и польского офицерства в Англии и Западной Германии, готовившихся к военно-политическому маршу против новой Польши. Но прежде всего это было

необходимо Лондону для достижения основной цели его послевоенной внешней политики — разжечь трения между Востоком и Западом и любой ценой помешать установлению контакта между Советским Союзом и Соединенными Штатами, который автоматически сорвал бы английские раскольнические планы.

Таким образом, польский вопрос, раздуваемый Лондоном, оказался одним из основных конфликтов в отношениях Востока и Запада. На протяжении войны были также и другие конфликты, ведшие к разладу между участниками «Большой тройки». С приближением конца войны антисоветские элементы в Соединенных Штатах, действовавшие в разгар войны более осторожно, становились все смелее. Никто из них, однако, не обладал достаточной властью, чтобы создать серьезную брешь в американо-советских отношениях.

12 апреля 1945 г. умер Рузвельт. В связи с этим для Гитлера и Геббельса блеснул последний, слабый проблеск надежды. В это время они прятались в своем берлинском подземном убежище. Все их единомышленники и антисоветски настроенные сообщники в Соединенных Штатах увидели в смерти Рузвельта неповторимый шанс на возвращение к власти. Они ликовали по поводу его смерти, не скрывая своей радости и удовлетворения.

Слабовольный и реакционный преемник Рузвельта перешел бразды правления в руки военной верхушки в лице адмирала Леги, Джеймса Форрестала и генерала Маршалла. Первый представлял реакционные силы, группировавшиеся вокруг Ватикана; второй — промышленников и финансистов Уолл-стрита; третий же — реакционное офицерство. Впервые со времен Гувера крупный капитал снова приобрел неограниченную, решающую власть над внутренней и внешней политикой США.

Вашингтон превращался в центр мировой реакции¹.

В апреле 1945 г. Объединенные нации собрались на свою первую конференцию в Сан-Франциско. Англия с самого начала создала раскол, выступив против допуска на конференцию Польши, а государственный департамент

¹ Впоследствии Генри Уоллес характеризовал новое правительство США, состоящее из миллионеров и служащее им как правительство, «ратующее за ограничение гражданских свобод, прав рабочего класса и за безудержную подготовку к войне...» «Мы нахо-

настаивал на принятии фашистской Аргентины в эту мирную организацию.

По мере того как военные действия в Европе приближались к концу, представители англо-американского правящего класса сбрасывали свои плохо сидящие антифашистские маски. Они вновь стали разговаривать и действовать в обычной для них манере, постепенно отбрасывая такие навязанные войной выражения, как «единство», «англо-американо-советская дружба», «мир», «антифашизм» и пр. Черчиллевская клика почуяла свободу, подобную той, которую ощутил Гитлер, нарушив пакт о ненападении с Советским Союзом.

Империалистическая „совесть“

Ко дню победы над Германией в Европе царил голод; повсюду встречались калеки, видны были братские могилы, груды развалин, крематории, еще не остывшие от вчерашней топки. Миллионы людей разыскивали останки своих близких. Народ был измучен и истощен.

Все эти бедствия пошли на пользу германским монополистам и их англо-американским партнерам. Рурский металл истребил миллионы людей и опустошил территорию целого материка, но прибыли, извлеченные из этой бойни, были надежно припрятаны в сейфах Мадрида,

дим в составе правительства,— продолжал Уоллес,— заместителя государственного секретаря Роберта Ловетта, бывшего компаньона банковской фирмы «Браун бразерс энд Гарриман», помощника государственного секретаря Чарлза Залцмана, бывшего вице-президента Нью-Йоркской фондовой биржи, в роли посла в Англии — Льюиса Дугласа, председателя правления мощной страховой компании «Мьючуал лайф иншуарэнс Компани». Кроме того, в состав правительства входят министр обороны Джеймс Форрестол, директор в отставке банковской фирмы «Диллон, Рид энд Компани», министр торговли Аверелл Гарриман — председатель фирмы «Браун бразерс энд Гарриман» и министр финансов Джон Снайдер, банкир из Сан-Луи. Еще один выходец из фирмы «Диллон, Рид» генерал-майор Уильям Дрейпер только что возвратился из Германии и получил назначение на пост помощника военного министра. Даже директор «Международного банка реконструкции и развития» Джон Мак-клой — адвокат с Уолл-стрит При республиканцах Уолл-стрит правил Соединенными Штатами; при нынешнем правительстве Уолл-стрит намерен править миром» (Речь Генри Уоллеса от 12 сентября 1947 г. Цитируется по «Нью-Йорк таймс» от того же числа). (Прим. автора)

Буэнос-Айреса, Женева и Уолл-стрита. Золотые коронки миллионов жертв, загубленных в камерах, построенных «И. Г. Фарбениндустри», были давно переплавлены в слитки и укрыты в подвалах швейцарских банков. Помещики Запада чувствовали себя преспокойно в своих поместьях; военщину обеспечивали награбленное добро и пенсии; рурских торговцев — узаконенная деятельность их предприятий. Они превосходно сознавали, что защита капиталистической собственности, независимо от ее происхождения, является незыблемой основой капиталистической морали. Весь европейский сброд бросился на Запад, к «англо-американским освободителям». Эти подонки знали, что не только Черчилли и Трумэны, но и лица, подобные Элеоноре Рузвельт, питают уважение к таким «политическим беженцам».

Народы всего мира были убеждены в том, что только люди, потерявшие совесть, могут выступить против наказания нацистских военных преступников. Но монополисты, тесно связанные между собой, выработали весьма своеобразные нормы «морали» и «совести». В этом отношении бевини, гитлеры, геринги и Чемберлены, грисуолды, генералы скоби, финансисты Лондона, Берлина и Уолл-стрита ничем не отличаются друг от друга. И вот в 1945 г. Лондон опубликовал декларацию, что он протестует против «решительных советских требований» наказать всех нацистских военных преступников, поскольку это противоречит англо-саксонским принципам морали.

«Нью-Йорк таймс» от 15 января 1945 г. писала, что «лорд Саймон . не мог устоять против соблазна привести свое настоящее в соответствие со своим прошлым, когда он выступал в роли миротворца по отношению ко всем этим людям», и что лондонские политические деятели опасались, как бы во время «организованного по всем правилам судебного процесса не прозвучали их прежние гимны фашизму и слова ободрения фашистским фюрерам». Лондон и Вашингтон пренебрегли гневом миллионов жертв нацизма, обесчестив память своих соотечественников, павших в двух мировых войнах, и превратили обещанную программу денацификации в фарс. Десятки тысяч известных военных преступников получили свободу и были даже приняты на службу в английские учреждения, в то время как сотни тысяч евреев, оставшихся в жи-

вых после гитлеровских лагерей смерти, вновь подверглись гонениям¹.

Германские военные предприятия продолжали работать, а рурские военные заводы были возвращены германским монополистам. Странам, разоренным Германией, было сказано, что репарации должны быть сокращены, а затем и вовсе отменены, потому что восстановление Германии было делом первоочередной важности.

Тегеран, Ялта и Потсдам

Тотчас же вслед за победой над Германией англо-американские реакционеры с удвоенной энергией принялись за дело, направляя все свои усилия на обострение отношений между США и СССР. Так, например, в Ялте было достигнуто соглашение о том, что сектор Эльбы в восточной зоне Германии будет передан Советскому Союзу немедленно после капитуляции Германии. Как свидетельствует Ральф Ингерсолл, «по личным уговорам Черчилля, мы чуть ли не два месяца гремели перед русскими саблей с другого берега Эльбы, прежде чем отошли на свою территорию...»

Затем последовала длинная серия злобных англо-американских угроз и провокаций против советского «вмешательства во внутренние дела» стран Восточной Европы. Арест каждого балканского фашиста или военного преступника повергал западных дипломатов в ярость, причем пресса каждый раз также впадала в истерику, пытаясь создать «международный кризис». Вашингтон и Лондон явно перестали сохранять даже видимость того, что они придерживаются договорных обязательств, подписанных в Тегеране, Ялте, Москве и Потсдаме.

¹ Они были помещены в новые немецкие концентрационные лагеря, и англичане использовали их в качестве «угрозы» по отношению к арабскому народу, который они хотели натравить на евреев в Палестине, так был еще раз продемонстрирован принцип «разделяй и властвуй», при помощи которого империализм сохраняет свое колониальное владычество. Англо-американские нефтяные компании наживались на этих «перемещенных лицах». В то время как «перемещенные лица» — евреи — содержались в лагерях, англичане и американцы освобождали арабских коллаборационистов, снабжая их деньгами и оружием для организации арабского фашистского движения (*Прим. автора*)

В Ялте 13 февраля 1945 г. Сталин, Рузвельт и Черчилль поставили свои подписи под соглашением, которое содержало, помимо прочего, следующую декларацию:

«Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы; раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа...

Мы обсудили вопрос об ущербе, причиненном в этой войне Германией союзным странам, и признали справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере...

Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору»¹.

За Ялтинской конференцией последовала в июле — августе 1945 г. Потсдамская конференция, на которой президент Трумэн, премьер-министр Эттли и генералиссимус Сталин заключили соглашение о выполнении Крымской декларации о Германии. С тех пор западные державы нарушили 86 из 95 содержащихся в Потсдамском до-

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», М., Госполитиздат, 1947 г., т. 3, стр. 102—103, 105.

говоре пунктов, касающихся побежденной Германии и Европы в целом.

Пока у власти стоял президент Рузвельт, США избегали бряцания оружием по адресу Советского Союза. Рузвельт признавал, что СССР — мировая держава, что положение ее прочно и устойчиво, что ни твяканье Черчилля, ни яростная ненависть его прихвостней не способны остановить роста и развития Советского Союза.

В период Тегерана и Ялты Рузвельт признавал, что советский народ заслужил право не допускать образования фашистских правительств вдоль границ своей истерзанной войной родины. Ненавидя фашизм, Рузвельт признавал справедливость советских требований о денацификации Германии и наказании немецких военных преступников. Рузвельт знал, что Советский Союз превыше всего желает мира и дружбы между народами. Единство «Большой тройки» и обращение с СССР как с равным партнером были поэтому руководящими принципами его борьбы за длительный мир

Не мщение, а демократический мир

Мысль о Тегеране и Ялте, о единстве «Большой тройки», и в первую очередь о сотрудничестве между Соединенными Штатами и Советским Союзом, согревала сердца миллионных народных масс. Советский народ надеялся на период взаимного доверия и дружбы. После ликвидации двух очагов мирового фашизма и мировой агрессии по окончании войны с Японией Сталин заявил в обращении к народу 2 сентября 1945 г: «Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны»¹. Корреспонденты из Москвы и других советских городов сообщали о «всеобщем выражении дружбы и верности нашим западным союзникам»².

Отсутствие сотрудничества между союзниками после войны представлялось советскому народу непостижимым. Он верил торжественным декларациям, подписанным

¹ И. В Сталин О Великой Отечественной войне Советского Союза, М, Госполитиздат, 1950 г, изд. 5-е, стр. 365

² Ralph Parker, *New York Times*, May 26, 1944

Соединенными Штатами и Англией (равно как и СССР) во время — как ему казалось — общей борьбы против врага всего человечества. Но, даже оставив в стороне официальные декларации, мог ли любой народ, испытавший все ужасы фашистских зверств, представить себе, что в США или Англии найдутся люди, которые захотят восстановить власть тех, кто хладнокровно приказал убить 1 400 000 детей в возрасте от года до двенадцати лет, тех, кто изготавливал мыло из человеческого жира?

Огромному большинству советских людей такая возможность казалась просто невероятной. Несмотря на зверства и жестокости, которым подвергали их нацистские садисты, советские люди не утратили веры в человека. Настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон однажды заметил, что «решающим моментом при определении сущности того или иного социального строя служит та личность, которую он порождает». Советский народ вышел победителем не только в борьбе с вооруженными силами нацистов, но и с моральной низостью и бесчеловечностью, которую захватчики пытались ему привить. Несмотря на все зверства, совершенные над их матерями, отцами, женами и детьми, бойцы Советской Армии, победив фашистских зверей, подавили в себе жажду мщения. «Советский гражданин не должен поддаваться слепой, безрассудной ненависти к какому бы то ни было народу», — предостерегали красноармейцев перед тем, как они перешли границу Германии. Распоясавшиеся фашисты и монополисты вытравили всякое проявление человечности у немецкого народа. В Советской Армии учили подходить к немецкому народу с разбором и ставить своей задачей ликвидацию преступных хозяев и перевоспитание жертв их растлевающего влияния.

Великодушие проявилось также и в условиях мирных договоров, предложенных Советским Союзом сателлитам Гитлера.

Финляндия, например, была виновата, пожалуй, больше всех. Ее правящий класс кичился тем, что первым начал атаку против СССР с севера. Своим участием в жестокой осаде Ленинграда Финляндия способствовала страшным разрушениям города и голодной смерти около полумиллиона его жителей. В виде возмещения убытков Советский Союз потребовал всего-навсего 300 млн. долл.

(впоследствии эта сумма была сокращена вдвое) в форме поставок леса и целлюлозы. Кроме того, «были предъявлены требования о предоставлении морской базы близ Порккалы, о роспуске гитлеровских организаций, о предании суду и наказании военных преступников, о восстановлении мирного договора 1940 г. и, наконец, о разоружении и интернировании германских вооруженных сил в Финляндии. Однако не успел Советский Союз объявить своих мирных условий, как англо-американская печать начала выражать свое сочувствие «бедной, маленькой Финляндии». Влиятельные американские еженедельники угрожающе заявляли Советскому Союзу, чтобы «он не думал, что находится в безвоздушном пространстве», и призывали Вашингтон «не приносить в жертву финскую цивилизацию во имя соображений военного характера». Пресса Уолл-стрит возмущалась не только потерей богатых никелевых рудников близ Петсамо, но и утратой Финляндии как военной базы для будущих антисоветских операций.

По окончании войны все заботы капиталистического мира сконцентрировались, как бы притянутые магнитом, вокруг стран, граничащих с Советским Союзом. Капиталистическая пресса утверждала, что в Индии, Палестине, Италии, Греции, Южной Америке, да и во всех странах, где господствовали англичане и американцы, царили свобода и согласие. Собственные внутренние проблемы Соединенных Штатов были будто бы полностью разрешены, и американцы якобы зажили полной и зажиточной жизнью. Поэтому все силы должны были быть направлены на то, чтобы вытеснить «советское влияние» в Румынии, спасти Петкова в Болгарии, Надь Ференца в Венгрии, Миколайчика в Польше. Вашингтон объявил поход против балканских государств, а Лондон послал в Польшу фабриканта мыла из фирмы «Левен бразерс» Кавендиш-Бентинка в качестве посла, с заданием установить там тайные связи с фашистским подпольем. После провала своих попыток путем угроз, интриг и подкупа сокрушить страны народной демократии государственный департамент прибегнул к пропаганде, основанной на измышлении Геббельса — Черчилля о «железном занавесе», и к экономическому бойкоту.

Не прошло и полугода со дня победы, как принадлежащая монополистам-миллионерам американская пресса стала представлять вчерашнего союзника — СССР — врагом. Американские политические деятели начали говорить о необходимости создания по всему свету морских, военных и авиационных баз, чтобы включить в сферу досягаемости атомной бомбы жизненные центры Советского Союза,— и все это под прикрытием фраз о «свободе, демократии и вечных ценностях» западной монополистической «цивилизации».

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ НОВОГО АНТИСОВЕТСКОГО „КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Со времен войны за независимость против Англии Соединенные Штаты ни разу не испытали иноземного вторжения, но, несмотря на это, еще в 1823 г. они сочли необходимым провозгласить «доктрину Монро», превратив в зону своей обороны все Западное полушарие. Два океана оберегали страну от нападения врага. Во второй мировой войне США не понесли никакого материального ущерба и фактически удвоили свою производственную мощность. Усиливаясь, они упрочивали свой контроль над морями и свое влияние на другие государства. Американские войска несли гарнизонную службу в базах, отстоявших на шесть и более тысяч миль от границ США. После окончания войны Уолл-стрит внезапно сделал «открытие», что границы Соединенных Штатов протянулись по ту сторону Атлантики и Тихого океана, за Рейном и Японией; они передвинулись к Амуру, Синьцзяну, Афганистану, Ирану, к Дарданеллам, Висле, Шпицбергену и за Северный полюс, почти к самым границам и стратегическим коммуникациям Советского Союза.

В результате второй мировой войны СССР установил новые, дружественные отношения с десятью государствами, и все они, за исключением Албании и Югославии, были расположены вдоль его границ. У Советского Союза не было ни гарнизонов, ни военных баз, которые отстояли бы от советской границы дальше чем на несколько сот километров.

«Вопрос о том, кто сумел проникнуть дальше всего от своих границ, чьи вооруженные силы ближе всего подошли к границам другого государства,— заявил сенатор Глен Тэйлор,— может быть легко разрешен с помощью рулетки и глобуса. Нужно только измерить расстояния от границ Соединенных Штатов и СССР до самых отдален-

ных районов расположения их оккупационных войск или распространения их влияния. Несмотря на наши заверения, будто мы не стремимся к захвату чужих территорий, мы без чьего-либо согласия завладели целым рядом тихоокеанских островов, ограничившись уведомлением Объединенных наций о том, что мы собираемся это сделать.

Мы прочно обосновались на Окинаве. Япония, безусловно, под нашим влиянием. Мы оккупировали половину Кореи; под нашим господством в значительной мере находится и Турция. Мы посылаем в Грецию вооружение, наши вооруженные силы там все возрастают. Мы добываем нефть в Иране и содержим в этой стране военную, а также крупную экономическую миссию. Мы до сих пор находимся в Гренландии, несмотря на энергичные протесты датчан.

Мы строим авиабазы в Северной Африке. Аравия, несомненно, должна быть отнесена к странам, находящимся в сфере нашего влияния. Мы подстрекали Голландию и поддерживали ее гнусное покушение на свободу Индонезии, и мы же предоставили военное снаряжение Франции, что дало ей возможность вернуться в Индо-Китай»¹.

За время всего лишь с 1917 г. советский народ выдержал три крупных неспровоцированных нападения. Он потерял убитыми и ранеными в двадцать девять раз больше людей и понес в тысячу раз больший материальный ущерб, чем английский и американский народы за обе мировые войны. Со стороны советских руководителей было совершенно естественным настаивать на том, чтобы в странах, которые служили воротами для этих прошлых вторжений, были созданы дружественные по отношению к СССР правительства.

Тем не менее на Советский Союз были возведены обвинения в «преувеличенной настороженности» и «недостатке доверия», ибо Лондон неоднократно предлагал ему заверенный Даунинг-стритом документ, гарантирующий безопасность восточных границ СССР. Черчилль, а позднее Бевин, готовы были поручиться в этом «честью Англии». Советские руководители, страдающие «славянской подозрительностью», проявили странное равнодушие к

¹ *New York Times*, March 11, 1948

достопочтенным «гарантиям» империалистов; они вежливо отказались, памятуя, без сомнения, историю прежних английских обязательств.

В конце 1945 г. государственный секретарь США Бирнс предложил созвать в Москве совещание трех министров иностранных дел. Московская сессия, начавшаяся 16 декабря 1945 г., увенчалась успехом. И советские, и американские представители пошли на уступки. Казалось, было положено начало американо-советскому соглашению.

Англо-американскую реакцию охватила тревога. Лондонская «Таймс» поспешила выразить серьезные опасения по поводу «возможного компромисса между Бирнсом и Молотовым за счет Британской империи». Через несколько недель после открытия Московской сессии Уинстон Черчилль выехал в «отпуск» во Флориду. Немедленно по прибытии в США, 14 января 1946 г., он совещался с Трумэном, Барухом, Леги и Ванденбергом. Помимо других вопросов, они обсудили текст речи, которую Черчилль готовился произнести в Фултоне (штат Миссури). Эта речь содержала призыв к созданию анти-советского англо-американского «братского союза христианских народов», поддержанного штабелями атомных бомб.

Сталин расценил речь Черчилля в Фултоне, как «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество... По сути дела г. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны... Несомненно', что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР»¹.

16 июня 1946 г в передаче Колумбийской радиокорпорации из Лондона корреспондент этой корпорации Говард К. Смит заявил: «У обозревателя, знакомого с положением дел в Европе, неизбежно возникает впечатление, что здесь существуют сильные группировки, не заинтересованные в соглашении с Россией. Они даже не предоставляют событиям идти своим чередом, а ведут

¹ И. В. Сталин Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля 13 марта 1946 г, М, Госполитиздат, 1946 г, стр. 3, 4, 5.

активную, лихорадочную кампанию с целью предотвратить соглашение,— и ведут ее небезуспешно.

У вас создается это впечатление здесь, в Лондоне, в палате общин, где консерваторы — люди, владеющие 75 процентами богатств Англии и определяющие ее политику,— открыто ликуют по поводу каждого признака разногласий между великими державами, о котором докладывает министр иностранных дел Бевин.

За год неистовой кампании влиятельным кругам обеих стран удастся добиться своей цели — убедить общественное мнение в том, что соглашение невозможно. » Далее Смит показывает, как Англия и США нарушали все торжественные соглашения относительно Германии, тогда как Советский Союз честно выполнял обязательства, взятые им на себя в Ялте и Потсдаме.

По словам Вильяма Ширера, по возвращении Бирнса после успешной московской сессии в Вашингтон адмирал Леги и президент Трумэн предъявили ему ультиматум: или перейти к «жесткой» политике, или выйти в отставку¹. Бирнс остался на своем посту и присоединился к фултонскому лагерю. Впрочем, сам Бирнс впоследствии утверждал, что он был одним из инициаторов «жесткой» политики по отношению к СССР. Как сообщал корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс Джон М. Хайтауер, «официальные лица считают, что государственный секретарь Бирнс согласен пойти на самый глубокий раскол в англо-американо-русском союзе», а Артур Крок из «Нью-Йорк таймс» заметил, что Бирнс завоевал себе «новое положение в Вашингтоне»².

С того времени попытки достижения любого соглашения с Советским Союзом квалифицировались как политика «умиротворения». С того времени все виды дипломатического фиглярства и лживых антисоветских обвинений использовались для ведения «холодной войны» против СССР.

Адьютант Уолл-стрита

В те дни, когда тысячи раненых возвращались домой, крупные американские бизнесмены — в качестве военных или в качестве дипломатов — устремились в

¹ *New York Herald Tribune*, April 14, 1946

² *New York Times*, April 14, 1946.

Лондон за военной добычей. Предстояло разрешить ряд вопросов: какая компания монополизировала мировые воздушные пути — «Пан-америки» или «Оверсис, Лимитед»? Кто будет шелкать бичом над народами желтой и черной рас и накапливать дивиденды от их эксплуатации? Кому удастся подкупить феодальных арабских князьков, выжидающих, кто больше заплатит? Побежденная экономически, английская олигархия была вынуждена уступить Уолл-стриту стратегические империалистические позиции на Дальнем и Ближнем Востоке и в Средиземноморье, как уступила она различные базы на территории Британской империи, в Ньюфаундленде, в Вест-Индии, на Бермудских островах и в других местах.

Американские монополии проникали в такие прежние сокровищницы Англии, как Малайя, Сиам, Южная Африка и Индонезия, и занимали там преобладающее положение.

Английская финансовая олигархия вышла из войны чрезвычайно ослабленной. Английские капиталисты с ужасом наблюдали, как тают их заморские доходы и капиталовложения и как вообще падает мощь Англии в сравнении с двумя великими мировыми державами. С одной стороны, крупных английских финансистов и купцов пугали безграничные, все возрастающие послевоенные аппетиты северо-американских монополистов. Они боялись, что их империя может скоро превратиться в такую же фикцию, как власть их короля или «социализм» Бевина и Эттли. В самом деле, они чувствовали, что теперь американские тресты угрожают им гораздо больше, чем германские. Правящие классы в английских доминионах и колониях тяготели к Уолл-стриту в погоне за спасительными долларами и военной защитой их общественного строя.

Часть правящего класса Англии устами лейбористского депутата Майкла Фута спрашивала: «Что толку для нас в том, что мы в Уайт-холле завоевали весь мир, если мы снова теряем его на Уолл-стрите?» Между тем другая часть, представленная правительством Эттли — Бевина, понимая, что Англия слаба для ведения независимой, самостоятельной политики, решила избрать для нее роль «младшего партнера» американских трестов. Эти люди надеялись, что выступая в качестве агента американских

монополий, Англия сумеет вернуть себе главенство в Западной Европе или на Балканах. Они понимали также, что без американских денег и американского оружия английские вооруженные силы быстро потерпят поражение в борьбе с распространившимся по всей империи национально-освободительным движением.

Английский правящий класс понимал, что стремление американских империалистов к мировому господству идет вразрез с интересами Англии и других государств. Американская реакция уже не действовала по указке Англии, и государственный департамент уже не был «инструментом» Даунинг-стрита. Они поменялись ролями.

Тем не менее английский империализм, безнадежно ослабленный и ставший вассалом американского империализма, все же представлял собой еще значительную силу в лагере международной реакции.

Как и в прежние времена, он старался разжечь пламя конфликта. Реакционное правительство Эттли — Бевина жаждало сотрудничать с США в «холодной войне» против Советского Союза. Страх перед американским колоссом, существующие противоречия и соперничество внутри англо-американского блока безусловно побуждали правителей Англии и других западноевропейских стран искать выхода из своих затруднений за счет Советского Союза; они основывались при этом на предположении, что конфликт между США и СССР может, в конечном счете, оказаться для них выгодным.

Британская олигархия снова применяла стратегию, весьма сходную с той, которой она придерживалась в годы Мюнхена. Она пыталась занять довольно опасное балансирующее положение между СССР и США, главным образом путем разжигания между ними антагонизма, вплоть до открытого столкновения. Она шла к своей цели, пользуясь обычными для нее иезуитскими дипломатическими методами.

Прежде всего Англия заверила все фашистские силы в Европе, выжидающие удобного случая для возвращения к власти, в своей преданности их делу. Феодалным правителям доказывали, что Англия является более надежным защитником правящих классов, чем зачастую грубые и менее опытные американцы. Англия также пре-

тендовала на руководящую роль в западном антисоветском блоке и на право представлять общие интересы стран этого блока. Это было нетрудно, потому что интересы монополистов разоренных войной стран Западной Европы и Германии совпадали с интересами английских монополистов, поскольку это касалось их требований и надежд на получение помощи от Соединенных Штатов. У них была общая цель — направить экспансионистские устремления США в другую сторону и таким образом уберечь свою торговлю и рынки от опасности быть поглощенными прожорливым Уолл-стритом. И рурские гитлеровцы, и правительство Эттли — Бевина мечтали об одном и том же: в результате американо-советского конфликта восстановить свою довоенную экономическую и политическую власть.

Английская олигархия рассчитывала, что в случае американо-советской войны оба противника погибнут или будут крайне истощены. Подобно стервятнику, она надеялась полакомиться мертвечиной.

Таким образом, правящие классы Англии надеялись на возникновение войны между США и СССР в ближайшее десятилетие. Чтобы добиться этой цели, Англия вместе с некоторыми другими западноевропейскими странами была готова играть роль антисоветского авангарда Уолл-стрита; пугая крахом и хаосом, требовать все возрастающей американской военной помощи Европе, чтобы сдержать «советскую агрессию»; помогать Америке в ее попытках провоцировать антисоветские инциденты; действуя в качестве агента Вашингтона, разжигать гражданские войны и создавать фашистские заговоры в районах, граничащих с СССР, добиться ввода американских войск в эти районы, с тем, чтобы присоединить их к так называемому Северо-атлантическому пакту; делать все, чтобы уменьшить расстояние между американскими и советскими военными силами.

И чем глубже США увязали в своей стратегии «холодной войны» против Советского Союза, тем более необходимым и выгодным становилось Лондону служить Соединенным Штатам в качестве их вездесущего адъютанта, особенно для поддержки планов Уолл-стрита в отношении Западной Европы и Германии.

Что делать с Германией?

Советский народ, больше всех других народов пострадавший от нацистского варварства, тем не менее никогда не выдвигал идеи уничтожения германского народа. И никогда он не занимался абстрактным осуждением германизма. Быстро и не делая из этого сенсации, Советский Союз вынес приговор всем арестованным им фашистским преступникам; вместе со стоявшими за их спиной германскими финансистами они понесли заслуженное наказание. Основой советского плана для Германии была ликвидация германского монополистического капитализма, полное удаление этой злокачественной опухоли, самое существование которой было связано с шовинизмом, фашизмом и войной. Германские магнаты из угольных, стальных и химических трестов и землевладельцы-юнкеры должны были быть лишены всякой власти. Советская политика по отношению к Германии основывалась на научном марксистском положении о том, что идеология и политика народа в первую очередь определяются социально-экономическими условиями его жизни. *Мирная демократическая Германия могла возникнуть лишь в том случае, если ее тяжелая промышленность служила бы интересам трудящихся масс, возглавляемых передовым рабочим классом и вдохновляемых общей идеей созидания на благо всего народа.*

Советский Союз уничтожил в восточной зоне все следы прежнего монополистического, фашистского режима. Все военные преступники были ликвидированы. Свыше одиннадцати тысяч крупных имений юнкеров и нацистских преступников были конфискованы и разделены между 500 тыс. малоземельных крестьян. Почти 3 тыс. крупных предприятий, принадлежавших военным преступникам и активным нацистам, были переданы народу. Опора германского империализма и реакции — юнкерство и крупная буржуазия — была ликвидирована.

В годы войны и некоторое время после ее окончания правящие круги Англии и США толковали об искоренении агрессивного прусско-германского духа. Американские и английские социологи, признавая вскользь значение экономических причин, рассматривали, однако, германскую агрессию с точки зрения моральной и психологиче-

ской и выдавали, таким образом, формы, в которых проявлялась эта агрессия, за ее причину. Психологи были также привлечены к консультациям для установления диагноза и лечения германской болезни. Признавая желательным сделать что-либо для нацистской души, банкиры-генералы призвали рьяных миссионеров, чтобы привить германскому древу некий демократический черенок. Многие из этих миссионеров окончили просто-напросто взяточничеством¹.

Однако пока профессора занимались организацией философских дискуссий по вопросу о нацистской душе, специально отобранные, высокооплачиваемые представители фирм «Диллон, Рид», «Браун бразерс энд Гарриман» и «Дж. П. Морган энд Компани» были посланы в Германию спасать нацистское тело — немецких промышленников, высших должностных лиц и финансистов. Ознакомившись с состоянием германских дел, эти джентльмены открыли, что Германия вовсе не потеряла тех привлекательных черт, которые были свойственны ей до войны, как, например, сравнительно дешевая рабочая сила в Руре, услужливые социал-демократические сводники, любезные, покорные владельцы предприятий, жаждущие удовлетворить запросы своих новых клиентов. Более того, они обнаружили, что из всех промышленных предприятий Западной Германии 75% уцелели полностью, а остальные оказались поврежденными только на 10—25%. Тут не было ничего такого, что не могли бы уладить американские доллары.

В 1944 г., когда американские войска были еще на берегах Нормандии, группа дальновидных дельцов Уолл-стрита наметила своей целью установить полный контроль над германскими картелями. Именно этим и объясняется тот факт, что некоторые предприятия, особенно ранее связанные с Соединенными Штатами, не подвергались бомбардировкам, хотя представляли собой заметные мишени и имели важнейшее значение для гитлеровской военной машины. В 1945 г. Френсис Биддл, бывший в то время министром юстиции США, рассказал в своем докладе, как происходили тайные переговоры между

¹ Слово «graft» имеет в английском языке два значения, «прививка» (растения) и «взяточничество». (Прим. ред.)

Уолл-стритом и германскими монополистами; позднее это было подтверждено германскими документами, попавшими в руки Советского Союза. Такие люди, как Шредер, Крупп, Дюпон, Даллес, Морган, больше всего пеклись о том, чтобы рурские монополии, выйдя из войны, по возможности, невредимыми, попали бы под их контроль.

На первом этапе войны некоторые англо-американские промышленники и финансисты склонялись к вансит-тартизму и к идее превращения Германии в аграрную страну со слабо развитой промышленностью (что впоследствии было сформулировано в так называемом «плане Моргентау», предусматривавшем политическое расчленение Германии и демонтаж ее тяжелой промышленности). Прикрываясь разговорами об интересах мира, они рассчитывали раз и навсегда отделаться от своих германских конкурентов, но скоро поняли, что это и нецелесообразно и невыполнимо. Еще в 1943 г. лондонская газета «Таймс» забраковала эти планы, заявив, что «будущее благополучие Европы требует, чтобы Германия продолжала быть важной политической и экономической силой».

С одной стороны, Федерация британских промышленников хотела бы использовать удобный исторический момент для полного уничтожения своих опасных соперников. С другой стороны, она думала сохранить им жизнь, хотя и не без насильственного изъятия доли их прибылей или принятия мер, предупреждающих возможность полного возрождения германской конкуренции; в то же время она рассчитывала держать американцев на почтительном расстоянии.

Германский арсенал войны

«Тот, кто владеет Руром, владеет всей Европой», — заявил ирландец Вильям Мулвани, деятель XIX в., основатель и первый президент Ассоциации рурских промышленников. Это не было преувеличением. Перед первой мировой войной Западная Европа была всемирной мастерской, контролировавшей более 50% мировой торговли. Ее сердце билось в Западной Германии. Четыре долгих года США и западные державы тратили по 250 млн. долл. в день, чтобы приручить это рурское чудовище, уничтожить его чрезмерную экономическую мощь и стремление к мировому господству.

Хорошо понимая все это, американские тресты — Новые претенденты на мировое господство — решили установить контроль над Руром, сделав его немецких хозяев своими компаньонами. В октябре 1945 г. рурский магнат и сообщник Гитлера Арнольд Рехтберг обратился к американским оккупационным властям с меморандумом, в котором предлагал восстановить германскую тяжелую промышленность и сколотить западный блок против Советского Союза¹. Гувер, Даллес, Ванденберг и эксперты Уолл-стрита в государственном департаменте подвергли этот проект тщательному изучению. План был перекроен, переписан, переименован и окрещен «планом Маршалла».

Целый ряд препятствий мешал установлению тесных взаимоотношений между банкирами Уолл-стрита и нацистскими промышленниками и не давал им увенчать свои взаимные ухаживания заключением открытого союза. Этими препятствиями были Ялтинское и Потсдамское соглашения, а также бесчисленные заинтересованные свидетели — народы Европы, жертвы рурской «фабрики смерти». В Ялте и Потсдаме были достигнуты соглашения о репарациях, определявшие число предприятий, которые должны были быть переданы странам, разоренным Германией, и ставившие условием отстранение от власти всех тех, кто способствовал приходу нацизма к власти и наживался на этом.

Нужно было найти способ разорвать все эти стесняющие соглашения с Советским Союзом и аннулировать обещания, данные восемнадцати другим государствам, не снимая при этом с Вашингтона маски «защитника мира, справедливости и демократии». Малые страны или просто игнорировались, или получили предписание ожидать своей очереди для включения в систему «плана Маршалла». Франция, видевшая в восстановлении Рура угрозу своей национальной безопасности, на первых порах энергично восстала против проекта Уолл-стрита. Выражаясь языком биржевых маклеров, ее «прижали»; ее лишили рурского угля, стоившего 10 долл. за тонну, а также права торговли с восточноевропейскими странами, и она была вынуждена приобретать американский уголь по 20 долл. за тонну. Попад в зависимость от американского угля и

¹ K. Hoffman, *New Times*, September 3, 1947.

пшеницы, Франция сдала позиции, и ее протесты против восстановления Рура выродились в безобидное хныканье. Обанкротившаяся Англия была запугана угрозой лишения отсрочки по долговым обязательствам и прекращения долларовых займов в случае, если только она также любезно не уступит своей доли в Руре. Наряду с этими открытыми и замаскированными угрозами, всем этим странам было обещано, что с помощью господ бога (и антисоветской истерии) конгресс утвердит законопроект о многомиллиардных ассигнованиях по «плану Маршалла» (на которых многие нагреют руки) и что пай-мальчики не останутся голодными. Но для этого требуется единство и сотрудничество. И как только Вашингтон подал знак — пай-мальчики забили тревогу по поводу «коммунистической опасности», принялись взывать о помощи, подделывать документы, раскрывать «заговоры», изгонять «советских агентов» и т. п.

Дипломаты Уолл-стрита декларировали, будто их политика в отношении Германии и Рура направлена единственно против якобы имеющегося у Советского Союза намерения «советизировать» всю Германию. На самом деле эта политика была направлена против интересов всех европейских народов и против мира. Споры разгорелись вокруг вопроса о будущем Германии, вопроса о том, кому предстоит владеть ее мощной промышленностью и установить над ней свой контроль. Советский Союз требовал национализации предприятий демократическим германским государством и передачи их под временный союзнический контроль. США настаивали на возвращении предприятий их прежним монопольным владельцам под контролем банков долгосрочных вложений Эссен — Дюссельдорф и Нью-Йорк — Кливленд.

Советский Союз энергично возражал против восстановления германского арсенала реакции. Тогда Вашингтон просто-напросто прекратил все дальнейшие переговоры с Советским Союзом по вопросу о Руре и, вопреки всем своим торжественным обязательствам, перешел к односторонним действиям.

Еще на первом этапе изменения англо-американской политики в 1945—1946 гг. Советский Союз открыто предсказывал, что США стремятся вновь превратить Рур в очаг реакции, фашизма и подготовки войны; что амери-

канские монополисты путем контроля над картелями Рура рассчитывают подчинить себе всю Европу, превратить ее в рынок сбыта для излишков своей продукции, а также в источник сырья для своей промышленности; и, наконец, что англо-американский империализм хочет использовать Западную Германию и Рур в качестве обоюдоострого меча, занесенного над европейским, и в особенности французским, рабочим классом и прогрессивным движением, а также в качестве базы подготовки войны против Советского Союза и стран народной демократии

По пути Гитлера!

Если взять наудачу газетные сообщения за несколько дней из англо-американской Бизонии и внимательно прочитать их, невольно возникнет вопрос, знает ли хотя бы небольшая часть американского народа о том, что делается от его имени в этой стране. Пронацистские симпатии и деятельность назначенных Уолл-стритом военных и гражданских администраторов Западной Германии достигли такой степени, что в сравнении с ними довоенные реакционеры — клайвденская клика, Чемберлены и Даладь — выглядят почти антифашистами.

Недавно Джон Г. Герц сообщил о том, что в Баварии 60% судей и 76% прокуроров являются бывшими членами нацистской партии. Свыше двух третей из 3 209 тыс. нацистов, привлеченных к ответственности, были амнистированы без какого-либо судебного разбирательства. Оберфюреры штурмовиков, заправили гестапо и т. п. были приговорены к штрафу от пятидесяти до нескольких тысяч марок¹.

«Американские армейские газеты в Германии используют нацистских журналистов»². В английской зоне Германии с помощью сфабрикованных в Англии фильмов и брошюр разжигается антисемитизм. В то самое время, когда в Берлине англичане избивали дубинками евреев, спасшихся из концлагерей и от газовых камер, за то, что

¹ John H. Herz, The Fiasco of de-Nazification, *Political Science Quarterly*, December, 1948.

² *New York Times*, January 26, 1949.

они вышли на демонстрацию против подобных фильмов, американский суд по «денацификации» оправдал известного нациста Фрица Куна.

Генерал Гальдер, начальник генерального штаба гитлеровской армии, издавший приказ об отмене гражданского судопроизводства на оккупированной восточной территории и ответственный, таким образом, за убийство миллионов мирных людей, был оправдан американским денацификационным судом по всем статьям обвинения. Гальдер, не теряя времени, выразил признательность своим благодетелям. В интервью с корреспондентом газеты «Старс энд страйпс» он заявил: «Я могу в кратчайший срок создать германскую армию в Бизонии. Все, в чем я нуждаюсь,— это оружие и деньги». Подобным же образом были оправданы такие важные военные преступники, как генералы Вейхс, Шперрале и Лееб. Под прикрытием различных опекаемых Америкой немецких националистических партий нацистские пушечные короли и рурские монополисты возобновляют с помощью США свой антикоммунистический «крестовый поход». Эмиль Карлебах сообщил из Франкфурта, что нацистские генералы Гальдер и Гудериан (после того как они вместе с Шахтом были оправданы судом по денацификации) ведут в американской зоне пропаганду третьей мировой войны, в которой, по их словам, должна победить коалиция американского оружия и германских солдат¹.

Как в английской, так и в американской зоне бывшие эсэсовские офицеры заправляют различными немецкими организациями, перестроенными для военного обучения населения оккупационными властями, которые скрывали существование этих организаций под названием «служебных групп» и «гражданских трудовых союзов». В декабре 1948 г. ряд эсэсовских офицеров, повинных в хладнокровном истреблении американских солдат в Арденнской битве, был в той или иной степени оправдан, между тем как антифашисты, протестовавшие против возвращения рурской промышленности нацистским картелям, были брошены в тюрьму; господин д'Алькэ, некогда один из самых рьяных гитлеровских пропагандистов нацизма, был взят государственным департаментом США на работу в

¹ *National Guardian*, February 7, 1949

качестве консультанта по американской пропаганде в Германии.

К таким странам, как Польша, Чехословакия и другие пострадавшие от гитлеровской агрессии страны, США предъявили требование о немедленной уплате старых долгов, а нацистские промышленники получили новые огромные займы.

40 тыс. немецких военнопленных были приняты во французский иностранный легион, чтобы участвовать в войне против народа Вьет-Нама под командой французских генералов и с американским оружием в руках, полученным по «плану Маршалла».

Гитлеровские генералы вербовались в англо-американскую разведку и другие учреждения, а заводы Мессершмитта в Баварии тем временем возобновили производство танков и самолетов. Возобновилось также производство самолетов на заводе Штейера в Эбенсе, на заводах Даймлера — Пуха в Граце и Хейнкеля в Энбахе.

Вот как обрисовал недавно корреспондент журнала «Нэйшн» Кэролс современное положение в Западной Германии, управляемой Вашингтоном:

«Франкфурт или Штуттгарт, Эссен или Гамбург, каковы бы ни были их названия, — все они превратились в города, живущие лихорадочной жизнью, города барышей и взяточничества, алчности и разбоя, каких не знал капитализм с ранних дней своего существования... Изобилие товаров и безудержная роскошь — но только для тех, у кого есть деньги, то есть для крошечной группы людей... У кого есть деньги?.. Деньги — у спекулирующих на «черном рынке», у всех, кто нажился на фашистском режиме, на буме перевооружения, на войне и послевоенной инфляции. А кто же те, кто был способен за нищенскую оплату нещадно эксплуатировать иностранных рабов, любыми путями накапливать огромные состояния? Это те, кто пережил войну, Гитлера, оккупацию, инфляцию, денацификацию и ныне снова господствуют над экономической жизнью страны... А те десятки тысяч людей, что провели долгие годы в концлагерях, кого «Третья империя» лишила здоровья и средств существования, чье добро было расхищено и разграблено нацистами? Неделю за

неделей кричат они до хрипоты на митингах протеста. Большинство из них терпит нищету и унижения, тщетно ожидая дня, когда им возместят понесенный ущерб. В Германии теперь популярна поговорка: «Если хочешь преуспеть, докажи, что ты был нацистом».

Шлезвиг-Гольштейния в английской зоне — единственная германская провинция или «земля», где социал-демократы в большинстве и где правительство сплошь состоит из социал-демократов. Тем не менее в этом государстве 91 % всех судей, прокуроров и судебных чиновников — бывшие члены нацистской партии. В американской зоне этот процент местами снижается до 60. В составе полицейских сил преобладает старая гитлеровская военщина»¹.

Уолл-стрит, организуя антисоветский «крестовый поход», неизбежно должен был пойти по тому же пути, который избрали Гитлер, Гиммлер, Геринг и Геббельс. Вражда к Советскому Союзу предполагает дружбу с фон-папенами, шахтами, фрицами кунами, эзрами паундами² и, в конечном счете, приводит в объятия Ильзы Кох и всех хищных зверей Бухенвальда, Тремблинки, Освенцима и Майданека. И действительно, англо-американская администрация в Бизонии недавно передала руководство всеми предприятиями рурской металлургической промышленности (под наблюдением комитета, состоящего из английских и американских стальных королей) в руки тех самых людей, которые были организаторами этих «фабрик смерти» и гигантских лагерей рабского труда. Среди них такие известные нацистские военные преступники, как Генрих Динкельбах, бывший директор «Ферей-нигте штальверке» и, по словам корреспондента «Нью-Йорк таймс» Джека Реймонда («Нью-Йорк таймс», 25 февраля 1949 г.), «крестный отец и финансовая опора нацизма»; Герман И. Абс, который год назад в специальном докладе военной администрации был назван участником эксплуатации оккупированных нацистами стран, Гюнтер Зооль, Ф. В. Энгель, Г. Мондау, Г. Шредер и дру-

¹ *The Nation*, February 26, 1949

² Эзра Паунд — американский реакционный поэт-декадент, живший во время второй мировой войны в Италии и сотрудничавший с фашистами (*Прим. ред.*)

гие, создававшие и поддерживавшие гитлеровскую военную машину. Таким образом, высокоразвитая промышленная база в сердце Европы — Западная Германия — снова попала под власть нацистов. Американская реакция с распростертыми объятиями приняла когорты Гиммлера, чтобы с помощью рурской промышленности подготовить новую страшную бойню для миллионов людей.

Молча, спокойно, без ведома и согласия американского народа, американские монополисты зачеркнули все то, за что лишь несколько лет назад сражались и умирали американские солдаты¹.

¹ Вот имена некоторых американских монополистов — членов консультативного комитета по англо-американской политике в Руре: председатель — Джордж Хамфри, представитель фирмы «М. А. Ханна Компани» в Кливленде, связанной со станкостроительной промышленностью; Чарлз Э. Вилсон, президент «Дженерл моторс», владелец германских заводов «Опель» и четырех других крупных германских корпораций, Джон Л. Маккаффри, президент компании «Интернэйшнл харвестер», имеющей крупные филиалы в Германии, Фред В. Гейер, представитель компании «Проктор энд Гамбл», связанный с «И. Г. Фарбениндустри» и «Стандард ойл»; Дж. Э. Прайс, представитель компании «Вестингауз электрик». (*Прим. автора*)

Глава VIII

ВОЙНА И ИДЕОЛОГИЯ

На первый взгляд бешеное стремление англо-американского блока к новой мировой войне представляется необъяснимым безумием. Считалось, что творцы Мюнхена выброшены на свалку истории. Жизнь дважды показала преступность тех, кто замышлял уничтожение Советского Союза, и банкротство их планов. И все-таки, едва успели разгромить нацизм, как его основной замысел — кампания против Советского Союза — снова возродился. Военные получили приказ не давать советскому народу передышки, поддерживать напряжение и бить в барабаны, призывая к войне. Какие же дьявольские силы толкают империалистов на этот путь?

Антикоммунистическая шумиха, ведущаяся в американской прессе, может создать впечатление, что Соединенные Штаты Америки — с их самолетами, военными кораблями, ракетами и атомными бомбами — ополчились против... *книги*. Книга эта, действительно, отличается большой силой: это «Капитал» Маркса. Можно подумать, что предметом разногласий является только идеология. Получается так, что каждый экземпляр этой книги, появившийся где-нибудь в Афганистане или в Саудовской Аравии, вызывает необходимость в создании новой американской авиационной базы. Каждое новое издание сочинений Ленина как будто является поводом для усиления производства вооружения в США. И вдобавок тратятся баснословные суммы денег на распространение всевозможной антикоммунистической стряпни, на разжигание ненависти к марксизму и извращение его основных положений. И все это делается, как утверждают, для борьбы с идеологией, ошибочность которой якобы давно-давно уже доказана целым рядом самых высокооплачиваемых и знаменитых профессоров!

Таким образом, делались попытки истолковать послевоенный курс международной политики США как следствие идеологических разногласий между капитализмом и коммунизмом. Нам говорили, что камнем преткновения являются враждебность и противоположность двух систем. Но если бы дело было только в этом, нам не пришлось бы опасаться, что Соединенные Штаты очертя голову скатятся к фашизму и войне, ибо идеологические различия не являются причиной войн. Политические деятели США прекрасно понимают, что Советский Союз не начнет войны, если Швеция, Франция или Турция или любая иная страна пожелают сохранить у себя капитализм. Американские тресты настаивают на войне против Советского Союза не потому, что последний предпочитает марксистское учение об обществе другим учениям, и настаивают на войне против китайского народа не потому, что он отказывается от учения Конфуция.

Если бы идеология являлась основной причиной войны, то чем можно было бы объяснить первую мировую войну между Антантой и странами Центральной Европы, у которых была одна и та же империалистическая идеология? Поскольку фашизм — не противник капитализма, а лишь наиболее откровенная форма его диктатуры, то как можно объяснить идеологией начальный этап второй мировой войны, в котором участвовали только капиталистические страны? А если взять этих «желтых арийцев» — японских монополистов, то разве они разорили Китай, Филиппины, Индонезию и другие районы Азии из-за идеологических разногласий? В момент особой экзальтации королева Юлиана и папа Пий XII тоже заявляли, что цель Голландии и Франции в их войнах против индонезийского и вьетнамского народов — распространение «демократической идеологии» и «христианских идеалов», спасение азиатской паствы от «идеологии тоталитаризма», на сей раз с помощью американских ручных гранат.

Представление, будто начиная с 1917 г. идеология служит решающей причиной возникновения войн и что война возникает только вследствие враждебного отношения империалистов к советской власти, отчасти обусловило утопическую, вводящую в заблуждение картину послевоенного устройства, нарисованную Эрлом Браудером.

По существу, его точка зрения игнорировала основные экономические проблемы, стоящие перед империалистами. Если империалисты, говорил он, проявят достаточно здравого смысла, чтобы отказаться от своей ненависти к Советскому Союзу, то все будет в порядке и для них, и для всего мира. Умные американские капиталисты, пророчил Браудер, уяснив подлинную цену и бесчеловечность германских «идеологических» авантюр, превратились бы в просвещенных миссионеров мира и доброй воли для всех людей. В основе его рассуждений лежало также предположение, что американские монополисты, верные тегеранским декларациям, могут отказаться от мечты, манящей всех империалистов,— беспрепятственно загребать сверхприбыли за счет других государств и народов.

Но политическая программа капиталистических держав как в период между первой и второй мировыми войнами, так и в настоящее время, не является результатом их некоей врожденной враждебности к СССР. Напротив, *враждебность их была следствием их политической программы, обусловленной внутренним кризисом и неразрешимыми экономическими проблемами.*

Вымысел и действительность

В классовом обществе олигархия всегда стремится к войнам и пытается найти подходящие объекты для нападения как внутри страны, так и вовне, чтобы таким путем преодолеть стоящие перед ней трудности. История дает много примеров подобного рода ошибочных расчетов. В настоящее время Советский Союз — это «противник» главным образом потому, что он является единственной страной, способной объединить силы мира, бороться за дело мира, тогда как капитализм, повсеместно загнивающий, должен ненавидеть мир как самое страшное для себя бедствие.

Тем не менее капиталистические государства объясняют свои гигантские военные приготовления страхом перед «советской экспансией». Но мы должны иметь в виду, что они употребляют термин «советская экспансия» в своем собственном, совсем особом смысле. Для монополистов «экспансия Советского Союза» проявляется всякий раз, когда итальянские или французские рабочие

выигрывают забастовку, добиваются повышения заработной платы или избирают руководителей, которые не берут взяток и не поддаются подкупу со стороны монополистов. Национальная ассоциация промышленников¹ говорит о «советской опасности» всякий раз, когда профсоюзы и прогрессивные организации выступают на борьбу против ее огромного и вредоносного экономического влияния. Капиталисты вопят о «красном империализме» всякий раз, когда узнают, что молодежь и интеллигенция в Азии или в Южной Америке изучают произведения Маркса и Энгельса. Носителем «советской угрозы» они считают каждого человека, понимающего, что советское правительство не угрожает благополучию других народов².

Обычное обвинение в том, что коммунизм — это якобы «иноземная» идеология и что коммунисты лойальны только по отношению к СССР,— старо, как мир. Семьдесят лет назад Бисмарк травил немецких социал-демократов и объявлял их вне закона. Он называл их антигерманцами, врагами государства и распространителями «иноземной идеологии». В России также цари вешали, ссылали и бросали в тюрьмы социалистов, равно как и всех борцов против царско-феодальной тирании, под тем предлогом, что они якобы не были патриотами и придерживались «антирусской» идеологии. Линкольн травил

¹ Одна из сильнейших организаций американских монополистов, ведущая яростную борьбу против рабочего движения (*Прим. ред.*)

² Противники коммунизма утверждают, что коммунисты различных стран якобы являются слепыми последователями Москвы. Дело обстоит совсем не так. И в Советском Союзе и в других странах марксисты подвергают встающие перед ними общественные и политические проблемы глубокому анализу. Марксисты различных стран обычно приходят — независимо друг от друга — к сходным выводам по той простой причине, что все они применяют общий метод анализа. Это обычное явление для любой области знаний, где используются научные методы исследования. Конечно, это вовсе не значит, что все вообще ученые или марксисты в Советском Союзе или в любой другой стране непогрешимы. Коммунисты без колебаний критикуют или осуждают тех марксистов, которые по той или иной причине отступают от научного метода и высказывают путанные и противоречивые взгляды, они критикуют их, невзирая на их авторитет и положение. Человеку свойственно ошибаться. Поэтому марксисты считают критику и самокритику необходимым оружием борьбы против косности и догматизма. (*Прим. автора*)

рабовладельцы как человека, занимающегося подрывной деятельностью. Джефферсона преследовали как приверженца антиамериканской «иноземной идеологии» — идеалов свободы, равенства и братства, провозглашенных Французской революцией. Джордж Вашингтон был освободителем в глазах американских колонистов, но с точки зрения английской олигархии он был презренным и опасным бандитом-мятежником. История, впрочем, не интересуется наклейкой ярлыков. Как ни называй народную борьбу, она всегда возникала на почве протеста народа против существующих условий рабства, нищеты и угнетения. В наше время где бы рабочие ни сражались против нищеты и угнетения, они неизбежно проникаются сознанием справедливости идей марксизма-ленинизма.

Поиски выхода

По сути дела, коренная причина нынешнего стремления капиталистов к развязыванию третьей мировой войны ничем не отличается от причин, вызвавших возникновение первой и второй мировых войн. Марксистская наука неоднократно разъясняла, почему неравномерность экономического развития различных капиталистических стран и противоречия капиталистического способа производства с такой силой расшатывают всю мировую систему капитализма. Марксизм-ленинизм показал, почему монополистический капитализм XX века поражен непрекращающимся общим кризисом и почему монополистический капитализм всегда вызывает мировой конфликт и ведет мир к войне.

Капитализм жаждет войны как выхода из присущих ему неразрешимых противоречий; между тем в результате каждой войны и ее последствий положение капитализма делается все более шатким. С началом первой мировой войны капитализм вступил в полосу общего кризиса, эру войн и революций, которые усилили разложение мировой капиталистической системы. Великая Октябрьская социалистическая революция и возникновение советских социалистических республик подорвали фундамент мирового империализма. Затем последовали серия локальных войн, циклических кризисов, развитие национально-осво-

бодительного движения и восстаний во всем колониальном мире и, наконец, вторая мировая война. Все эти явления, возникшие в результате общего кризиса капитализма, способствовали в то же время его углублению и обострению.

В США общий кризис капитализма проявился в серии спадов, депрессий и кризисов. «За 32 года, с 1914 по 1946 г., у нас было только два подъема промышленного производства, совпавших с двумя мировыми войнами, которые открывают и замыкают этот период. Если взять межвоенные годы, то за время с 1919 по 1929 г. мы насчитаем, по крайней мере, четыре года депрессии. За следующий период, с 1930 по 1940 г., по крайней мере, шесть лет были годами депрессии. Из 22 лет периода между двумя войнами целое десятилетие приходится на депрессию. Но это не означает, что остальные годы были годами подъема... За все это время производство ни разу не было развернуто на полную мощность... После краха 1929 г. безработица стала хронической и не исчезала до 1943 г.— третьего года военного производства»¹.

Вторая мировая война еще больше ослабила экономическое положение и структуру международного капитализма. Германия, Италия и Япония как мировые державы перестали существовать. Нацистская Германия — авангард международной реакции — лежала в развалинах. Экономика Англии, Франции и других западноевропейских стран в результате войны пришла в полный упадок. Казалось, будто империалистические державы вели войну с целью разгромить цитадели монополистического капитализма в Европе и Азии.

Но, разумеется, у них были совершенно иные планы и намерения. Английские, французские и американские империалисты надеялись, что вторая мировая война приведет Советский Союз к гибели или, по меньшей мере, навсегда ослабит его, что даст возможность, в конечном итоге полностью уничтожить его посредством «помощи» по «плану Маршалла» в сочетании с вооруженной интервенцией. Они надеялись, что разгром Советского Союза повлечет за собой также разгром демократического и

¹ Labor Research Association, Trends in American Capitalism, New York, 1948, p. 73

революционного движения рабочего класса в Европе и во всем мире.

Вместо этого вторая мировая война закалила и укрепила мощь социалистической системы Советского Союза, нанесшего военное поражение наиболее реакционным агрессивным государствам — Германии, Италии и Японии — поражение, явившееся беспрецедентным ударом по всему лагерю международной реакции.

Страх перед неминуемой гибелью

Вторая мировая война в корне изменила соотношение сил в мире в пользу лагеря социализма. Из схватки между империалистическими странами в начальный период эта война — после нападения фашистов на Советский Союз — переросла в битву за полное уничтожение фашизма. Решающая роль Советского Союза в разгроме фашистских агрессоров, самый характер войны как войны освободительной, антифашистской, еще выше подняли международный престиж и влияние СССР. Ряд стран Центральной и Юго-Восточной Европы выпал из мировой системы империализма. В результате национально-освободительной борьбы против фашистских захватчиков в этих странах пришли к власти новые силы — рабочие, крестьяне, передовая интеллигенция и все, кто ненавидел фашизм и последовательно боролся против него. Прежние правящие классы — крупные землевладельцы и монополисты — были разоблачены как предатели и отстранены от власти. Народы этих стран создали у себя народно-демократический строй, поставив своей главной задачей построение социализма. В то же время война неизмеримо усилила и без того мощное национально-освободительное движение в Китае и в колониальных странах. Все это еще более углубило кризис капиталистического мира и вызвало страх и тревогу среди империалистов Парижа, Амстердама, Йоганнесбурга, Афин и Рима, а также финансовой олигархии Лондона и Вашингтона.

Капиталисты в различных странах, в том числе в США, в силу хорошо известных им причин охвачены чувством, которое Уильям З. Фостер назвал «чувством

неминуемой гибели капитализма»¹. Гибельное положение системы «свободного предпринимательства» в некогда сильных капиталистических государствах явилось зловещим предзнаменованием рокового исхода для других капиталистических стран. Во всяком случае, к концу второй мировой войны жизнеспособность обанкротившихся, дискредитированных правящих классов Западной Европы казалась весьма сомнительной.

Однако ни один общественный строй, как бы далеко ни зашло его загнивание, не исчезал с исторической арены без борьбы. Ни один правящий класс не отрекался от власти добровольно. Он всегда шел на компромиссы, устраивал заговоры и отчаянно хватался за любую соломинку, лишь бы сохранить себе жизнь или отсрочить свою гибель. Так, западные олигархии, напуганные ростом демократических сил народов, ростом коммунистического и рабочего движения, отдали себя во власть могущественных монополий США. Дружба рурских магнатов с американскими, подчинение итальянских, французских, греческих обанкротившихся правящих классов диктату «плана Маршалла»; война гоминдана и США против китайского народа; спровоцированная Англией резня в Палестине и т. д. — все это были, по существу, безнадежные попытки гибнущего класса удержаться у власти.

Чувствуя приближение своей гибели, монополистический капитализм обратился к фашистскому террору и гражданской войне как средству продлить свое господство. С этого момента западные олигархии, руководимые Соединенными Штатами, не могли уже медлить. Сразу же после окончания войны они должны были полностью отказаться от своих прежних обязательств и возродить гитлеровские антикоммунистические и антисоветские военные планы.

Однако особая ярость, истерия и иступленное упорство, которыми характеризуется возглавляемая Соединенными Штатами кампания разжигания войны, объясняются другими, более существенными причинами. Завяление Шахта и Рехберга, фултонская программа

¹ Подробный анализ американской империалистической экспансии дан в статье У. 3. Фостера «Характерные черты американской империалистической экспансии» в журнале «Политикл аффэйрс» (*Political Affairs*, August 1948, pp 675—689) (Прим автора)

Черчилля для США и вопли прочих капиталистов Европы вряд ли являются достаточным к тому основанием. *Основная причина заключается в наличии огромных, острых проблем, с которыми пришлось столкнуться американскому монополистическому капиталу внутри страны.* Именно изменившееся после войны и в результате войны экономическое и военное положение Соединенных Штатов объясняет в первую очередь стремление монополистов развязать третью мировую войну. Жажда мирового господства, вызванная усилившимися, в результате роста промышленности США во время войны, экономическими и социальными противоречиями в самих Соединенных Штатах, делает американский монополистический капитал еще более агрессивным и побуждает его проводить еще более империалистическую политику.

Глава IX

ИМПЕРИАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

О результате войны американский капитализм стал еще более хищническим и откровенно империалистическим. Возросла концентрация банков и промышленности, усилилось господство финансового капитала, увеличился вывоз капиталов, и стремление США проникнуть на все континенты мира и господствовать над всеми территориями стало еще более явным. Наиболее реакционные элементы американского финансового и промышленного капитала добились огромного усиления своей власти. Они загребли неисчислимые миллиарды военных прибылей, накопили гигантские финансовые ресурсы и с помощью американского правительства произвели грандиозное расширение своих предприятий. Вследствие ограниченности внутреннего рынка, обусловленной низкой покупательной способностью масс, перед американскими монополистами возник призрак надвигающегося кризиса и падения высокого уровня прибылей военного времени, который они стремились во что бы то ни стало сохранить. Только огромный и все возрастающий экспорт товаров за границу мог бы на время отсрочить наступление нового циклического капиталистического кризиса перепроизводства. Однако емкость международного рынка была тоже ограниченной, так как ни одна из других капиталистических стран не обладала платежными средствами (в данном случае — долларовой валютой) для покупки американских товаров. Поэтому были пущены в ход «план Маршалла» и «доктрина Трумэна», преследующие четыре основные цели: 1) сбыть «излишки» товаров посредством демпинга, причем так, чтобы расходы оплачивали налогоплательщики, а монополисты пожинали урожай в виде прибылей и захватывали новые рынки; 2) укрепить позицию обанкротившихся правящих классов западных стран

с тем, чтобы они могли играть роль жандарма по отношению к рабочему классу и широким массам Европы; 3) еще более ослабить экономику всех других стран и установить над ними американский контроль и господство; 4) восстановить Рур в качестве стратегической базы для войны против Советского Союза и стран народной демократии

Видя, что его бывшие капиталистические соперники сильно пострадали и превратились в военном и экономическом отношении во второстепенные и третьестепенные державы, Уолл-стрит почувствовал, что «час его пробил», и начал говорить о наступлении «американского века». Его империалистические устремления, его бредовые проекты господства над миром превзошли даже все задуманное рурскими магнатами. Однако то, что являлось несбыточной мечтой для германских монополистов, казалось почти реальным для их американских последователей. Монополисты США уже обладали огромными военными силами, «пугалом» атомной бомбы и обширной экономической империей. Они уже видели себя наследниками имущества обанкротившихся владельцев, распорядителями и непререкаемыми хозяевами над жизнью и смертью всех народов. Современный империализм не прибегает, как прежде, исключительно к открытым территориальным захватам; он устанавливает свою власть с помощью экономического проникновения и создания военных баз в стратегически важных пунктах.

Согласно программе «американского века», составленной Уолл-стритом, хозяйство не только колоний, но и их метрополий должно быть подчинено американскому экономическому плану. Господствующим классам этих подчиненных стран за их сотрудничество была обещана защита от «внешних и внутренних подрывных элементов» и гарантировано участие, хотя и в малой доле, в распределении прибылей. Формально «национальная независимость» всех стран оставлялась в силе. Однако в действительности они должны были отказаться от всего, кроме, быть может, символа на национальном флаге. Народы, подпавшие под господство Уолл-стрита, лишались двух основных свобод: права планировать свою экономику в своих собственных интересах и права отстранять от власти

недостойных правителей. Ни одна страна, за исключением Советского Союза и стран народной демократии, не могла бы теперь произвести каких-либо изменений в своей экономике без прямого или косвенного разрешения США.

Капиталисты Уолл-стрита, точно так же как и русские капиталисты, ориентируются на войну потому, что они охотятся за такими материальными ценностями, как медь, олово, каучук, марганец, нефть, никель, за дешевой рабочей силой, более емкими рынками, более высокими прибылями, а также потому, что они жаждут добиться мировой гегемонии.

Борьба русских империалистов за передел мира встречала противодействие со стороны Японии, Франции, Англии, Соединенных Штатов. Империализм США видит в Советском Союзе единственное препятствие на пути к удовлетворению своих беспредельных притязаний на мировое господство. Поэтому мечты Уолл-стрита об «американском веке», как и мечты гитлеровцев о «Третьей империи», имеют в своей основе антикоммунизм и развязывание войны против СССР. Таким образом, *после гибели германского фашизма произошло простое перемещение центра антисоветской вражды и интриг из Берлина в Вашингтон.* Только так и мог империализм США привести в действие свою программу мировой экспансии и эксплуатации других стран американским капиталом.

Используя антикоммунистическую пропаганду, американский империализм может подкупать и запугивать правительства и поддерживать любые реакционные фашистские режимы. Используя общие планы обороны против воображаемой угрозы «советской агрессии», он может продолжать свое наступление на малые страны и окончательно закабалить их. Возбуждая страх и военную истерию, американская реакция надеется сломить рабочий класс, нанести удар всем прогрессивным силам, объявить коммунистическую партию вне закона, полностью милитаризовать и фашизировать всю страну. Тем временем военные подсчитывают поступающие на склады атомные бомбы, количество которых все возрастает, определяют скорость и число своих бомбардировщиков, готовясь к удару по СССР и другим демократическим странам в войне, разжигаемой фашизмом.

Лечение кровопусканием

До начала второй мировой войны увеличение выпуска продукции в США на 5 млрд. долл. потребовало бы титанических усилий. Задача достижения ежегодного уровня производства в 90 или 100 млрд. долл. оставалась далекой мечтой.

Промышленная продукция США в сравнении с 1929 г. составляла в 1934 г. 68,1%, в 1935 г. — 75%, в 1936 г. — 88%, в 1937 г. — 92% и в 1938 г. — 72%¹. Таким образом, в результате почти десятилетних усилий, несмотря на государственные субсидии и другие мероприятия в духе Кейнса, американская экономика не достигла уровня производства 1929 г. Депрессия, наступившая после краха 1929 г., была депрессией особого рода: после нее не последовал, как после прежних кризисов, новый период оживления. Общий кризис капитализма, как мы видели, углубил все существующие противоречия между капиталистическими странами. Крайняя нужда во внешних рынках и в переделе мира стала для империалистов еще более настоятельной. Вторая мировая война явилась результатом экономического кризиса, результатом, о котором ни один капиталист не скажет, что он его желал. И все же каждый шаг, приближающий их к войне, вызывал почему-то улыбку на лицах финансистов и промышленников

Влияние войны на капиталистическую экономику можно сравнить с временным облегчением, которое испытывает человек, страдающий неизлечимой болезнью — повышенным кровяным давлением, — после того как ему сделают кровопускание. До начала периода подготовки к войне американская экономика страдала от жестокого перепроизводства. Во всех областях производства накапливались излишки. Склады ломились от товаров, на которые было слишком мало покупателей. Огромные фабрики были закрыты или работали не на полную мощность, тогда как миллионы семейств испытывали нужду в пище, жилье и одежде. Банки разбухли от накопленных денег, между тем как миллионы рабочих за ненужностью были выброшены на улицу. От длительной безра-

¹ *Federal Reserve Bulletin*, June, 1948

ботицы люди деквалифицировались, машины от простоя ржавели. Были применены все виды искусственных возбудителей для того, чтобы удержать экономику от дальнейшего развала.

И вот неожиданно начался процесс кровопускания в виде военных приготовлений. Циркуляция крови немедленно усилилась (производство стало увеличиваться), застойные явления ликвидировались (затоваривание рынка уступило место нехваткам), и на некоторое время создавалась иллюзия, будто болезнь прошла. Непреодолимые препятствия, которые целое десятилетие безуспешно пытались устранить деятели «мозговых трестов» и профессора, состоящие на службе у капитализма, были преодолены за несколько месяцев.

Война привела в действие гигантские колеса промышленности. Миллионы до тех пор незанятых рабочих включались в работу. Невиданный поток продукции хлынул из оживших заводов и фабрик. Все это ярко иллюстрировало банкротство и порочность системы капитализма. Все это подтверждало правильность положения марксизма о том, что частная собственность на средства производства — это оковы для производства, лишаящие народ материальных жизненных благ, что в мирное время экономика страдает в результате недостаточного потребления и что капитализм может «творить чудеса» только в области производства орудий смерти — товаров, которые пожирают людей, но не могут потребляться людьми.

Новая проблема капиталистического рынка

Когда разразилась война, монополисты жадно расхватили основные военные заказы правительства; на долю 83 крупнейших корпораций пришлась большая часть всех военных контрактов. Однако они опасались дальнейшего расширения производства и противодействовали этому. Они обещали выполнить принятые заказы, но лишь в течение длительного времени. Развертывание американского военного производства на начальной стадии искусственно замедлялось капиталистами. Выпуск продукции стал увеличиваться лишь тогда, когда правительство уступило требованиям крупного капитала и гарантировало ему покрытие послевоенных убытков от так назы-

ваемого чрезмерного расширения производства, а также высокие прибыли, частичный возврат сумм, уплаченных по налогам, беспроцентные ссуды на капитальное строительство, субсидии, преимущественное право покупки построенных государством предприятий и другие льготы.

Тем не менее с ростом военного производства росла и тревога предпринимателей. Удвоение и утроение выпуска продукции, увеличение числа работающих с 40 до 60 млн человек становились для них опасными. На первый взгляд это кажется нелепым. Больше рабочих и больше машин должны были бы означать больше благ для всех. Однако огромное расширение промышленности в военное время в условиях монополистического капитализма в США означало лишь, что несколько сот корпораций, владевших всем достоянием страны, удвоили и утроили свои капиталовложения. Вместо, скажем, 200 млрд. они имели теперь 600 млрд. долл. вложений. Допустим, что можно было бы уговорить капиталистов удовлетвориться 6% чистого дохода на их вложения; это означало бы, что капиталисты вместо 12 млрд. стали бы присваивать в виде прибылей 36 млрд. долл., отчисляя в свою пользу 6% дивидендов со «своих» 600 млрд. долларов.

Эти 36 млрд. приблизительно соответствовали количеству товаров, произведенных промышленными рабочими, не получившими за это никакой платы. Это была прибавочная стоимость, произведенная ими сверх их заработной платы. Было ясно, что заработной платы трудящихся нехватило бы на покупку этих товаров. Было ясно также, что если капиталисты в мирное время не сумеют продать эти товары, стоящие 36 млрд., то они не только не получают своих прибылей, но и окажутся лицом к лицу с кризисом. Нераспроданные товары забьют рынок и вызовут снижение цен. Довоенный американский экспорт редко превышал несколько миллиардов долларов в год. Отсюда тревога деловых кругов по поводу возможности послевоенного кризиса, ибо где же, спрашивали они, мы найдем рынки для сбыта товаров стоимостью в 20 или 30 млрд. долларов?

Еще на раннем этапе войны частные и правительственные комиссии начали изучать эту центральную послевоенную экономическую проблему. В 1944 г. более ста организаций деловых кругов и правительства посвятили

себя почти исключительно изучению послевоенных перспектив для разросшейся промышленности США. Но это так называемое «послевоенное планирование» было лишь фикцией, поскольку в условиях капиталистической системы нельзя было думать о том, что могло бы явиться кардинальным решением проблемы, а именно — о возвращении рабочим созданной ими прибавочной стоимости в форме заработной платы и услуг, что дало бы им возможность потребить дополнительно произведенную продукцию. Это была та же извечная проблема капиталистического рынка, приобретшая теперь более широкий масштаб.

Экономисты Уолл-стрита понимали, что разрыв между производственной мощностью промышленности и ограниченной покупательной способностью американских рабочих все больше и больше увеличивается. В то время как полученная корпорациями доля общей суммы национальной продукции возросла в период 1939—1943 гг. с 8 до 14%, доля рабочих снизилась за тот же период с 63,7 до 53,3%. Общая сумма прибылей корпораций до вычета налогов возросла по сравнению с уровнем 1936—1939 гг. до 406% в 1943 г. и до 500% в 1945 г. Но в том же 1945 г. мы видим следующую картину распределения годовых доходов¹

9 200	тыс. семейств,	или 20%,	имели	годовой	доход	менее	1000	долл
21 620	»	»	или 47%,	»	»	»	2000	»
32 200	»	»	или 70%,	»	»	»	3000	»

Геллеровский комитет Калифорнийского университета определил бюджет семьи рабочего, состоящей из четырех человек (так называемый «бюджет Геллера»), исходя из минимальной суммы дохода, необходимого для обеспечения «здоровья и сносных условий существования и для удовлетворения духовных запросов». Для 1945 г. эта сумма дохода была определена в 3075 долл. Иными словами, 70% американских семейств не зарабатывали в 1945 г. сумму, достаточную для того, чтобы жить согласно этому минимальному бюджету. Эти убедительные факты разоблачали предсказания капиталистов о послевоенном «американском золотом веке».

¹ Labor Research Association, *Labor Fact Book* 8, New York, 1947, p. 43

Чтобы скрыть от рабочих военных заводов и миллионов людей, служивших в армии, свои чудовищные военные прибыли, капиталисты с помощью купленных ими радио и газет рекламировали свой «самоотверженный патриотизм» и послевоенные «благодетения», которыми они обещали осыпать с помощью своих расширенных во время войны предприятий «всех американцев, и особенно наших воинов». Они как бы говорили: «На ваших жертвах и лишениях мы скопили 60—70 млрд. долл. но не слушайте тех, кто говорит, будто мы, подобно гигантским доисторическим чудовищам, лишены общественного сознания или чувства ответственности. В конце концов, мы не можем засунуть эти миллиарды под матрац; они вернуться к вам в форме продуктов более высокого качества по более низким ценам, и в соответствии с этим повысится жизненный уровень всего населения»

Однако такова уж противоречивая природа капиталистического производства, что каждое обещание капиталистов разрешить ту или иную социальную проблему немедленно аннулируется их действиями противоположного характера. Так, наряду со своими обещаниями обеспечить беспрецедентный подъем уровня жизни населения после войны, капиталисты начали ожесточенную антирабочую кампанию. Миллионам недовольных, утомленных войной людей, одетых в военную форму, говорили, что рабочие якобы загребали баснословные барыши и затягивали войну, объявляя забастовки в связи с требованиями еще более высокой оплаты, в то время как предприниматели, мол, изо всех сил старались принести пользу стране.

Все дело было в том, что американские монополии заранее готовились к будущим послевоенным боям против рабочего класса и всего народа. Они страшились разочарования солдат, которые, вернувшись на родину, потребуют экономической обеспеченности, жилья и других благ, обещанных им, когда их призывали к самопожертвованию. Используя имеющиеся в их распоряжении средства массового воздействия, капиталисты начали «обработку» общественного мнения в стране. Располагая громадными ресурсами, уничтожив последние остатки Нового курса, они стремились с помощью анти-

рабочего закона Тафта — Хартли ослабить экономическую и политическую силу рабочего класса, ликвидировать Управление по регулированию цен, урезать путем инфляции заработки рабочих, тормозить программу жилищного строительства. *Для проведения такой политики требовалось создать у народа ощущение чрезвычайного положения, а также выдумать постоянного внешнего врага, на которого можно было бы направить гнев и недовольство народа.*

Вся эта программа была полностью и даже с излишком осуществлена крупными капиталистами за первые два послевоенных года. Небольшие сбережения народа, созданные в период войны, были быстро выкачаны в результате вздутых инфляцией цен. За этот счет в 1946 и 1947 гг. разбухли прибыли двухсот крупнейших корпораций, в ряде случаев превосходящие даже размеры прибылей военных лет.

Признаки экономического кризиса

Летом 1947 г. сбыт товаров стал заметно сокращаться. Сужение рынка потребительских товаров кратковременного пользования началось еще раньше. Все больше стало сказываться «сопротивление рынка», несмотря на крайнюю нужду населения во всех видах товаров. Затоваривание внутреннего рынка развивалось неумолимо, как будто первоначального послевоенного спроса на товары вовсе и не бывало. Иначе и не могло быть. Выпуск продукции и производительность труда быстро (возрастали, тогда как реальный доход рабочих и служащих упал на 20% по сравнению с уровнем военных лет. Общий объем торговли начал сокращаться в 1946 г. В то время как реальная заработная плата снижалась, цены росли. Индекс розничных цен превышал среднюю цифру 1935—1939 гг. на 70%; при этом индекс на продовольствие был почти на 106% выше довоенного уровня¹. Израсходовав все свои сбережения, люди стали покупать в кредит. Общая сумма потребительского кредита в июне 1948 г. достигла 13,5 млрд, тогда как в 1939 г. она составляла лишь 8 млрд долларов².

¹ *Economic Notes*, June, 1948

² *Ibid*

В 1947 г. потребление внутри страны стало падать. Оно было намного ниже того, которое требовалось для поддержания промышленности на соответствующем уровне. Время военного бума кончалось. Капиталисты искали путей и средств, чтобы разместить «излишние» товары стоимостью в 20—30 млрд., произведенные американскими рабочими, которые не имели возможности покупать их. Капиталисты начали грандиозную кампанию за увеличение экспорта. Но пострадавшие от войны государства мало что могли предложить взамен, а покупательная способность колониальных стран была весьма ограниченной из-за страшной нищеты населения. Некоторые прежде отсталые в промышленном отношении страны создали собственную промышленность и ревниво охраняли свой внутренний рынок от иностранной конкуренции. Таким образом, после войны, несмотря на огромный повсеместный товарный голод, несмотря на усиленную кампанию за расширение экспорта, общая стоимость *оплаченного* экспорта США (если не принимать во внимание повышения цен) едва превысила уровень наиболее прибыльных довоенных лет.

Контуры надвигающегося кризиса вырисовывались очень явственно. О его огромных масштабах и международных последствиях свидетельствовали сами меры, принятые для его предотвращения. Деловые круги понимали, что через нормальные каналы внешней торговли им удастся сбыть товаров на 8—10 млрд. долл., но этого было бы недостаточно, чтобы предотвратить кризис «перепроизводства». Они потребовали, чтобы правительство использовало миллиардные средства, собранные с налогоплательщиков, на предоставление кредитов зарубежным странам для оплаты ими экспорта из США. Под прикрытием лозунга антикоммунизма около 20 млрд. были первоначально розданы в виде субсидий, займов, оружия и т. д.; и когда эти деньги иссякли, новые миллиарды должны были быть ассигнованы на поставки по «плану Маршалла».

Однако и это был только паллиатив. Товары были завезены прежде всего в те страны, где требовалось поддержать обанкротившиеся правящие классы. Рост военных расходов привел к еще большей инфляции, к дальнейшему повышению цен, сильнейшей эксплуатации и

снижению жизненного уровня американского рабочего класса.

Покупательная способность американского пролетариата еще более сократилась. Для монополистов становился все более острым вопрос о том, как получить миллиардные прибыли, добившись оплаты наличными за товары, производимые их разросшимися предприятиями.

Отсюда отчаянная, истерическая кампания за «спасение мира от коммунизма» — лозунг, придуманный для того, чтобы добиться политического и экономического господства над более слабыми странами и принудить их к покупке все больших количеств американских товаров. В странах с более развитой промышленностью это наступление уже встречало все растущее противодействие местных капиталистов, чьи предприятия оказались под угрозой быть задушенными лавиной американских товаров. К тому же, в связи с частичным восстановлением промышленности в Западной Европе, мировой рынок снова стал ареной конкурентной борьбы. Склады Бельгии и Голландии были завалены товарами, не находившими сбыта. Другие страны оказались в подобном же положении. Американский демпинг и поставки по «плану Маршалла» привели к дальнейшему ухудшению их положения.

В начале 1948 г. индекс вздутых оптовых цен на товары начал, подобно глетчеру, сползать вниз. На фондовых и товарных биржах воцарилась атмосфера неуверенности. Капиталисты, в руках которых скопилось товаров на 40 млрд. долл, начали впадать в панику. Экспорт также сокращался из месяца в месяц. Оптимизм бизнесменов сразу же сменился пессимизмом. Экономисты мрачно предсказывали неминуемый крах.

К. Ф. Хьюджес, экономический обозреватель «Нью-Йорк таймс», сообщал 9 мая 1948 г, что «с апреля 1947 г. производство начало затухать, а оптовые цены пошли на снижение. Промышленный индекс Федерального резервного управления показывал снижение со 190 в марте до 176 в июле... Товарные запасы, скопившиеся у производителей, достигли рекордной цифры — 28,9 млрд. долл. Отсюда ясно, что почти все торговые каналы забиты товарами и только использование продукции для нужд обороны может способствовать сохранению устойчивости цен.

Дополнительной иллюстрацией создавшейся обстановки может также служить удвоение числа банкротств по сравнению с первым кварталом прошлого года».

„Лучше война, чем кризис

Финансовые и промышленные круги Европы также со страхом наблюдали падение цен в США «Лучше война, чем кризис», — гласил заголовок одной из статей в журнале «Ви франсэз», финансируемом французскими монополистами. «Европейские деловые круги, — сообщал Гарольд Каллендер, — ожидают, что Вашингтон произведет большие расходы на вооружение, чтобы ликвидировать дефляцию. Некоторые полагают даже, что США предпочтут войну новому крупному кризису»¹.

Таким образом, напуганные владельцы инструментальных и машиностроительных предприятий, хозяева трестов добывающей промышленности и заводов тяжелой промышленности поспешили в Вашингтон, чтобы доказать «жалкое состояние» американской национальной обороны и военных сил перед лицом «русской опасности». Рассказы о летающих дисках и тарелках, якобы изобретенных Советским Союзом, наводнили страницы американской прессы. Затем в марте 1948 г. морской министр в кромешной тьме ночи разглядел перископы советских подводных лодок в Тихом океане. Газеты начали публиковать «письма в редакцию» от людей, выведенных из равновесия «ужасом перед коммунизмом» и требовавших немедленно обрушить на Москву атомные бомбы. Демократия и христианская цивилизация, оказывается, были поставлены на карту. Сенаторы и члены палаты представителей вкупе с военными предупреждали о близкой войне. В феврале, марте и апреле 1948 г. военная истерия достигла, казалось, своего апогея.

Капиталистам было сделано «впрыскивание» — с ними были заключены новые миллиардные контракты на поставку вооружения. Удивительно, с какой быстротой стала возрастать «коммунистическая опасность» и параллельно с нею требования монополий о все больших заказах на вооружение. С каждым миллиардом, ассигнован-

¹ *New York Times*, February 19, 1948

ным на самолеты, бомбы и винтовки, вопли милитаристов становились все истошнее. В одном только 1949 г. предполагалось израсходовать на вооружение 20 млрд долл.— больше, чем США израсходовали за целое десятилетие 1930—1940 гг, когда Япония и Германия угрожали безопасности Соединенных Штатов и миру во всем мире. Эти грандиозные военные ассигнования в мирное время сразу привели к повышению курсов акций и товарных цен на биржах.

Страх перед грозящим кризисом временно исчез. Прибыли корпораций, в 5 раз превосходившие средний довоенный уровень, поднялись еще выше. К монополистам вновь вернулся оптимизм. Капиталистическая печать открыто призывала к войне и расширению военного производства, чтобы спасти от гибели систему «свободного предпринимательства». «Все опасения по поводу возможности сокращения деловой активности, кажется, исчезли теперь, когда стало известно, что план военной помощи, согласованный с трумэновской программой европейского сотрудничества, будет в числе первых законопроектов представлен на рассмотрение конгресса в январе,— писал орган Уолл-стрита «Баррон'с» 4 октября 1948 г.— До тех пор, пока производство вооружений поддерживает деловую активность, трудно предположить, что нам угрожает падение спроса»¹.

Агентство «Муди'с инвесторс сервис» в своем органе «Сток сэрвей» писало «Не будь программы обороны... совершенно ясно, что деловая жизнь пришла бы теперь в упадок»². Натан Дж. Чадвик, вице-президент фирмы «Нэйшнл секьюритиз энд рисерч корпорейшн», заявил: «Наша программа обороны... промышленность, которая производит вооружение и другое снаряжение для нашей возросшей армии... являются факторами, поддерживающими производство на высоком уровне»³.

Таким образом, в американской внешней политике отразились глубокие противоречия, присущие раздутой войной промышленности и финансам США, управляемым монополистами. Цель этой политики заключалась в том,

¹ *Journal of Commerce*, October, 1948.

² *Stock Survey*, October 18, 1948

³ *Commercial and Financial Chronicle*, October 7, 1948.

чтобы призывать к войне, разжигать военный психоз, разрушать все преграды, препятствующие выгодному помещению огромных капиталов, накопленных Уолл-стритом, добиться неограниченной, беспредельной возможности использовать все мировые рынки, наводняя их своими товарами, возможности эксплуатировать чужие территории, добиться неограниченной власти над всем земным шаром

Глава X

СИЛЫ, ПРОТИВОСТОЯЩИЕ НАСИЛИЮ

Вопреки избитым обвинениям, выдвигаемым реакционерами против коммунистов, последние ненавидят и презирают насилие над человеком. Коммунизм возник именно как протест против насилия, господствующего в джунглях капиталистического общества. Он завоевывает все новые и новые миллионы последователей, потому что он уничтожает звериную борьбу между людьми, устраняет систему подавления миллионов людей ради удовлетворения алчности небольшой кучки эксплуататоров. Коммунисты стремятся к тому, чтобы социальные преобразования и изменения происходили без применения насилия. Так, например, один из лидеров китайских коммунистов, Чжоу Энь-лай, в 1946 г. в течение многих месяцев вел переговоры с представителями полуфеодального правящего класса в правительстве Чан Кай-ши, пытаясь предотвратить гражданскую войну. Однако ему не удалось убедить их в том, что старый Китай обанкротился и что ему на смену неизбежно должен прийти новый Китай.

Марксизм-ленинизм учит, что революции и социальные преобразования происходят тогда, когда данный социальный строй перестает способствовать развитию производительных сил общества, когда в силу внутренних противоречий общественного строя народ уже не может жить так, как жил раньше, а его правители не могут управлять по-старому. Ленин писал: «...по совету какой-нибудь партии каких-либо изменений в жизни народа не происходит, потому что по совету партий десятки миллионов людей не идут на революцию, а такая перемена будет гораздо большей революцией, чем свержение слабоумного Николая Романова. Повторяю, что десятки миллионов людей не идут на революцию по заказу, а идут тогда, когда настает безысходная нужда, когда народ

попал в положение невозможное, когда общий напор, решимость десятков миллионов людей ломает все старые перегородки и, действительно, в состоянии творить новую жизнь»¹.

В 1864 г. Карл Маркс в своем знаменитом Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих писал «.. освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом»². Это положение является краеугольным камнем научного социализма Маркса. Оно означает, что победа социализма может быть достигнута не путем тайной заговорщической деятельности отдельных организаций и сектантских кружков, а путем воспитания и просвещения широких масс в процессе активной борьбы народа против эксплуатации.

Коммунисты — против насилия, ибо они как марксисты понимают, что никакая сила на земле не может повернуть ход истории вспять. Именно правящие классы, обреченные на гибель, прибегают к разрушениям и кровопролитию, пытаясь добиться невозможного. Марксисты понимают, что капитализм XX в. в результате своих глубоких, коренных противоречий неизбежно порождает силы, которые становятся его могильщиками. При этом он пытается увлечь за собой на путь гибели все человечество. Поэтому именно коммунисты самым решительным образом борются против реакционной политики, ведущей к войне, против военных приготовлений капиталистов и предупреждают человечество о грозящей катастрофе

Неизбежна ли война?

9 апреля 1947 г. Сталин заявил в беседе с Гарольдом Стассеном, что «ни на одном съезде и ни на одном пленуме Центрального Комитета коммунистической партии он, И. В. Сталин, не говорил и не мог говорить о невозможности сотрудничества двух систем. Он, И. В. Сталин, говорил, что существует капиталистическое окружение и опасность нападения на СССР. Если одна сторона не хочет сотрудничать, то это значит, что существует угроза напа-

¹ В. И. Ленин Сочинения, изд. 4-е, т. 24, стр. 465

² К Маркс и Ф Энгельс Сочинения, том XIII, ч. I, стр. 13.

дения .. Как видите, это относится к области желаний, а не возможности сотрудничать.

Надо проводить различие между возможностью сотрудничать и желанием сотрудничать. Всегда существует возможность сотрудничества, но не всегда имеется желание сотрудничать. Если одна сторона не желает сотрудничать, то результатом будет конфликт, война.

Не следует увлекаться критикой системы друг друга. Каждый народ держится той системы, которой он хочет и может держаться. Какая система лучше — покажет история . Для сотрудничества не требуется, чтобы народы имели одинаковую систему. Нужно уважать системы, одобренные народом. Только при этом условии возможно сотрудничество»¹.

Заявление Сталина о том, что социалистические и капиталистические страны могут установить между собой мирные взаимоотношения, не противоречит тому положению, что монополистический капитализм стремится к войне и фашизму. *Советской социалистической стране присуще безоговорочное стремление к миру.* Со своей стороны, она старается поддерживать мирные экономические взаимоотношения и жить в мире со всеми странами. Семена конфликта кроются во взаимоотношениях между монополистическим капиталом и рабочими массами соответствующих стран. Именно эти внутренние противоречия заставляют капиталистов искать выхода в войне.

Нет никакого противоречия в том, чтобы постоянно стремиться к установлению мирных взаимоотношений между социалистическими и капиталистическими странами и в то же время предупреждать о том, что империализм неизменно стремится к войне. Все дело в том, что всякое сотрудничество предполагает участие в нем двух сторон. И вот история нашего времени показывает, что в течение тридцати лет именно империалистические страны непрерывно вели то «горячую», то «холодную» войну против Советского Союза. В то же время СССР во все эти годы ясно показывал — и на словах и на деле, — что он не только стремится к установлению сотрудничества с другими странами и мирному разрешению всех споров, но

¹ «Правда», 8 мая 1947 г

согласен идти и на уступки ради сохранения мира. Таким образом, вся ответственность за нежелание представить доказательства возможности мирного сосуществования социализма и капитализма ложится на капиталистические страны.

Тот факт, что монополистический капитализм должен неизбежно стремиться к войне точно так же отнюдь не противоречит утверждению марксистов, что третью мировую войну можно предотвратить. Теория «неизбежности» третьей мировой войны является абсолютно ложной и служит для реакции средством разжигания войны. История показывает, что человек вовсе не является пассивным орудием predetermined, автоматически наступающей исторической «неизбежности». Наоборот, человек использует все возможные средства для того, чтобы воздействовать как на природу, так и на ход истории. Человеческая воля и сознание также являются силами природы. В настоящий период сознательная воля человечества, направленная против войны, силы, стоящие за мир, неизмеримо возросли и приобретают все большее влияние. Третью мировую войну может предотвратить единый фронт всех антифашистских, антивоенных народных сил.

Капиталисты не могут разрешить проблемы, стоящие перед ними в мирное время, и стремятся найти в войне выход из затруднений. Поэтому сохранение мира представляет собой величайшую опасность для капиталистической системы. Советский Союз и страны народной демократии вызывают капиталистические страны на соревнование в области мирного развития торговли, промышленности, культуры и повышения народного благосостояния. Однако монополисты, отлично понимая, как опасен для них мир, понимая, что в период длительного мира наглядно выявятся неизмеримые преимущества социалистической системы, отказываются принять этот вызов и, как утопающий за соломинку, хватаются за гонку вооружений и подготовку новой войны.

Сущность политики коммунистов заключается в стремлении к всеобщему миру и дружбе между народами. В основе их убеждений лежит идея установления дружеских взаимоотношений между странами.

Советский Союз не угрожает ни одной стране секретным оружием. Он не призывает к войне против какой -

либо из стран. Министр иностранных дел Советского Союза А. Я. Вышинский недавно обратился к организаторам Западного блока со следующими словами: «...я спрошу вас — покажите мне хотя бы одну строчку в советских газетах, выступление хотя бы одного из деятелей, одного из представителей советской культуры, науки, искусства, которые где-нибудь, когда-нибудь хотя бы одним словом обмолвились о том, что СССР собирается напасть на какую-либо другую страну»¹. И в самом деле, если кто-либо в Советском Союзе стал бы призывать сбросить атомные бомбы на какую-либо страну, его немедленно арестовали бы как человека, представляющего собой угрозу обществу.

Мир и сотрудничество

Трезвая и уверенная политика Советского Союза опирается на непобедимую силу советского народа, на мощь его разума, на ненависть народа к войне и угнетению. Советский Союз рассчитывает также на здравый смысл американского народа, который помешает стоящим во главе страны поджигателям войны ввергнуть народ в пучину третьей мировой войны. Советский Союз обращается ко всем истинным патриотам во всех странах с призывом прежде всего думать о благосостоянии народа, ставить его интересы выше интересов монополистов, жаждущих прибылей. Советские руководители, будучи марксистами-ленинцами, понимают, что решающим фактором, направляющим ход истории, является страстное стремление народных масс к новой и лучшей жизни, а не погоня правящих классов за многомиллиардными прибылями.

Мы видим также, что, не поддаваясь воздействию провокационной кампании военного психоза, свирепствующего вокруг них, народы Советского Союза и стран народной демократии спокойно продолжают заниматься своим делом; они всецело поглощены задачей мирного восстановления своих стран. Лондонская газета «Дейли экспресс» сообщает:

«Гилмор [Эдди Гилмор, московский корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс], владеющий русским

¹ «Правда», 8 октября 1948 г.

языком, в течение многих дней пытался отыскать русских людей, которые говорили бы о войне или хотя бы о возможности новой войны. Он не смог найти ни одного русского — ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, — кто говорил бы о войне. Ни одного»

Военный обозреватель Макс Вернер недавно писал: «Русские действуют так, как будто бы в мире не существует угрозы атомной бомбы и войны. Они восстанавливают свои города, разрушенные во время войны, — Сталинград, Ленинград, Севастополь, Одессу. Они строят новые плотины и реконструируют Москву».

Более чем очевидно, что руководители Советского Союза и стран народной демократии связывают свои надежды на будущее не с войной, а с миром, так как только благодаря миру и демократии они смогут обеспечить повышение материального и культурного благосостояния своих народов. В Советском Союзе и в странах народной демократии возможности мирного созидательного труда на благо всего общества беспредельны. Народы и правительства этих стран ненавидят войну и даже самую мысль о войне.

Мы видим, как в Советском Союзе различные народы и национальности совместными усилиями строят новую мирную жизнь, обеспечивающую изобилие для всех.

В результате фашистской агрессии Советский Союз понес исключительно тяжелые потери. По подсчетам экономистов, только непосредственный материальный ущерб составил 128 млрд. долл. в довоенных ценах. Любая другая страна, понесшая подобный ущерб, оказалась бы низведенной на положение второстепенной державы. А СССР без всякой помощи извне не только восстановил довоенный уровень производства, но и превысил его в 1948 г.

Промышленность Советского Союза и вообще вся его экономика движутся вперед небывалыми темпами и развиваются в непревзойденных масштабах. Покупательная способность рубля в 1948 г. более чем удвоилась. Недавно в Советском Союзе снова было проведено снижение цен от 10 до 30% ¹ Ральф Паркер телеграфировал из Москвы

¹ Как известно, 1 марта 1950 г. советское правительство и ЦК ВКП(б) провели новое — третье по счету — снижение государствен-

20 февраля 1949 г.: «С какой бы точки зрения ни подходить к этому вопросу, невозможно оспаривать официальное заявление о том, что реальная заработная плата за 1948 г. более чем удвоилась». 1948 год ознаменовался ускорением темпов механизации производства, плановым внедрением передовой техники и быстрым повышением уровня жизни народа.

Экономика стран народной демократии быстро восстанавливается. Народы Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Албании, Румынии и Польши, изгнав из своей среды бесчестных дельцов, также вступили на новый путь интенсивного роста и развития. Крупные земельные владения феодальной аристократии в этих странах были распределены между батраками и малоземельными крестьянами. Благодаря тому, что эти некогда отсталые страны ограждены теперь от происков империалистов и от гнета «плана Маршалла», они могут развивать металлургическую, сталелитейную и другие отрасли тяжелой промышленности.

Польша очень тяжело пострадала во время войны; тем не менее ее промышленность в 1948 г. на 50% превысила уровень 1938 г., который был максимальным за все довоенные годы. В Чехословакии выпуск промышленной продукции со времени войны почти удвоился (после первой мировой войны капиталистической Чехословакии понадобилось целых десять лет, чтобы достичь подобных результатов). В Венгрии, Румынии и Болгарии отмечается такое же исключительно быстрое развитие народного хозяйства. Впервые в истории этих стран результаты увеличения производства, прироста общего количества произведенных товаров не присваиваются иностранными и местными капиталистами и предпринимателями, а используются для повышения уровня жизни рабочих и крестьян. Достижения этих стран также свидетельствуют о том, что только тогда могут проявиться и быть мобилизованы все созидательные силы народа, когда он

ных розничных цен на продовольственные и промышленные товары массового потребления. Одновременно советское правительство перевело курс рубля на золотую базу и повысило официальный курс рубля в отношении иностранных валют, что свидетельствует об исключительном укреплении рубля и повышении его покупательной способности (Прим. ред.)

освобождается от парализующей власти умирающего монополистического капитализма.

Братское сотрудничество этих стран с Советским Союзом основывается не на угнетении или подкупе, а на солидарности и истинном интернационализме народов, руководствующихся научной теорией марксизма-ленинизма. Братские взаимоотношения этих стран возможны еще и потому, что в Советском Союзе не существует паразитических классов, которые стремятся к обогащению за счет слабых наций и пытаются извлечь выгоду для себя, травливая народы друг на друга.

Оплот против агрессии

Ныне, как и в 30-х годах, Советский Союз борется за международный мир и сотрудничество и является мощным оплотом против всяческих агрессивных тенденций и военного психоза. Как некогда в Лиге наций, он выступает теперь в ООН, снова призывая западные державы отказаться от политики, ведущей к новой войне. Советский Союз настаивает на том, чтобы из всех стран были выведены иностранные войска. Сам он вывел свои войска из Северной Кореи, а также из всех стран, которые сражались на стороне Германии. Он настаивал на выводе войск из Германии, на создании объединенной, денацифицированной, демилитаризованной демократической Германии и на заключении с ней мирного договора. Он требовал, чтобы Организация Объединенных наций добилась прекращения голландской агрессии в Индонезии и англо-арабской агрессии против государства Израиль. Однако представители империалистических держав — Англии и Соединенных Штатов — цинично уклоняются от рассмотрения всех этих предложений Советского Союза.

Атомная бомба представляет собой оружие массового уничтожения мирного гражданского населения. Использование ее в военных целях является неизмеримо более варварским методом, чем применение отравляющих веществ, которое было запрещено. Советский Союз неоднократно призывал к запрещению всякого рода атомного оружия. В своем последнем предложении он соглашался с первоначальным американским требованием об установлении международного контроля. Однако до по-

следнего времени США отвергали все предложения СССР по этому вопросу, как «преждевременные» и «противоречащие интересам международного мира»¹.

И в 1947 г. и затем снова в 1948 г. Советский Союз вносил предложения об общем сокращении вооружений и всех вооруженных сил на одну треть и о создании международного контрольного органа, наблюдающего за осуществлением этих мероприятий. Предложения эти снова были отвергнуты западными державами под прикрытием высокопарных пацифистских фраз — таких же отвратительных, лицемерных фраз, которыми двадцать лет назад были встречены предложения СССР о коллективной безопасности и разоружении, сделанные им в Лиге наций. Представитель Бельгии Поль А. Спаак утверждал, что западные державы опасаются советской агрессии и поэтому должны усилить производство вооружений. «Почему же тогда,— спрашивал А. Я. Вышинский 7 октября 1948 г, на заседании Генеральной Ассамблеи ООН,— если вы боитесь советской военной мощи, почему вы не поддерживаете наше предложение о том, чтобы сократить эту военную мощь, как мы предлагаем?...» «Ваша страна, г. Спаак, оказывается, охвачена страхом перед... СССР, принесшим великие жертвы миллионами своих сыновей и дочерей во имя освобождения от гитлеровской чумы народов Европы. Дальше такого кощунства некуда идти»².

Советский Союз призывал к миру и разоружению вовсе не потому, что он боялся англо-американского секретного оружия или чувствовал свою слабость. Руководители советского государства не строили иллюзии, что их доводы внезапно обратят Эрнеста Бевина или Поля Анри Спаака в миролюбивых джентльменов, настроенных антиимпе-

¹ Недавно генеральный секретарь Британской ассоциации научных работников Р. Иннес в статье, опубликованной в газете «Манчестер гардиан», писал: «Какой вред могло бы принести наше заявление, что мы не будем применять атомную энергию в военных целях в случае войны? За те два года, которые истекли после первого советского предложения о заключении соглашения по вопросам атомной энергии, стало совершенно очевидным, что подлинные причины отрицательного отношения западных держав к этому вопросу заключаются в том, что правительство США считало необходимым сохранить за собой возможность угрожать применением атомного оружия, используя эту угрозу как основной фактор в «холодной войне» против России». (Прим. автора.)

² «Правда», 8 октября 1948 г.

риалистически. Советские предложения и доводы, излагавшиеся на международных конференциях, служили делу мира, поскольку они показали всему человечеству, кто является зачинщиком гонки вооружений, кто замышляет чудовищную и преступную атомную войну.

«Секретное оружие» Советского Союза

Для того чтобы иметь возможность осуществлять программу военной подготовки и планы Уолл-стрита по завоеванию мирового господства, творцы внешней политики США всеми способами старались избежать даже временного перемирия в «холодной войне» против Советского Союза. Подобное перемирие немедленно обнаружило бы всю преступность стратегии «холодной войны». Поэтому каждое мирное предложение Советского Союза рассматривалось генералами и руководителями трестов как «угроза американской безопасности», иными словами, как угроза их антиамериканским и антисоветским проискам. В результате государственный департамент заносчиво отказывался принять советские предложения об установлении мирных взаимоотношений

Чтобы предотвратить угрозу возможного установления дружеских взаимоотношений между Советским Союзом и странами Западной Европы, Вашингтон запретил последним установить нормальные торговые взаимоотношения с СССР и странами народной демократии. В сентябре 1948 г. в Женеве состоялась конференция Экономической комиссии ООН для Европы по вопросу расширения торговли между Восточной и Западной Европой. Страны Западной Европы были жизненно заинтересованы в том, чтобы, встретившись с представителями стран Восточной Европы, выработать с ними соглашения о взаимном обмене сырьем, промышленными товарами и т. п. Но США через своего представителя Пола Р. Портера вмешались в переговоры и с помощью полных всевозможных ухищрений инструкции сорвали конференцию. Майкл Л. Гофман писал из Женевы. «Трудно преувеличить пессимизм прогнозов экономистов — представителей европейских стран — по поводу восстановления Западной Европы они предсказывают ей самое мрачное будущее в том случае, если на этом совещании не будут разрабо-

таны какие-то действенные меры по улучшению торговли между Востоком и Западом». «Трудно также преувеличить,— продолжал Гофман,— чувство возмущения, которое представители стран Западной Европы испытывают по отношению к США в связи с занятой ими диктаторской позицией»¹.

Советский Союз неоднократно заявлял о том, что он готов вступить в непосредственные переговоры по берлинскому вопросу с заинтересованными державами. Однако США настаивали на том, чтобы этот вопрос был передан на рассмотрение ООН. В ООН шесть нейтральных государств выработали соглашение об одновременных действиях США и СССР, направленных на разрешение валютного вопроса и вопроса о снятии блокады². США отказались от переговоров на основе этого соглашения, настаивая на передаче вопроса в Совет Безопасности. Позднее, когда генеральный секретарь ООН Трюгве Ли и президент Генеральной Ассамблеи Герберт Эватт предложили четырем державам встретиться и снова попытаться достичь соглашения, Советский Союз немедленно принял это предложение, а США ответили отказом.

В дальнейшем представитель Аргентины в Совете Безопасности д-р Брамуглиа разработал новые предложения по разрешению берлинского конфликта. Советский Союз снова принял эти предложения о разрешении валютного вопроса и снятии блокады, а США снова их отвергли. ООН назначила валютную комиссию, которая сгладила противоречия между позициями Востока и Запада в такой мере, что разрешение вопроса стало вполне возможным. Напуганный перспективой мира и соглашения, Вашингтон дал инструкции представителям Соединенных Штатов в ООН выдвинуть новый план, согласно которому в руках западных держав сосредоточивался полный

¹ *New York Times*, October 1, 1948.

² Автор допускает неточности в изложении переговоров по берлинскому вопросу. Предварительная договоренность об одновременном снятии транспортных ограничений и введения валюты советской зоны в Берлине была достигнута в конце августа 1948 г. во время переговоров в Москве между СССР, США, Англией и Францией. Однако окончательное соглашение не было достигнуто по вине западных держав, потребовавших — вопреки уставу ООН — перенесения вопроса на обсуждение в Совете Безопасности (*Прим. ред.*)

экономический контроль над советским сектором Берлина. Газета «Нью-Йорк таймс» в своем сообщении от 22 января 1949 г. откровенно признавалась: «*В нейтральных кругах высказывают мнение, что правительство США не хочет прийти к соглашению при помощи Организации Объединенных наций*» (курсив автора).

На протяжении шести месяцев Советский Союз три раза пытался начать переговоры с Соединенными Штатами по вопросу о мире, и каждый раз военная клика и заправилы монополий в США препятствовали встрече Трумэна и Сталина. Ответы, которые Сталин дал недавно Кингсбэри Смиту, свидетельствуют о том, что СССР указывает американскому народу и всем остальным народам подлинный путь к миру. Сталин предложил, чтобы соответствующие правительства опубликовали совместную декларацию о том, что они не будут воевать друг против друга. Он согласился также встретиться с президентом Трумэном, с тем чтобы обсудить возможность заключения пакта мира.

Устрашенные «секретным оружием» Советского Союза — его «мирным наступлением», — монополисты и принадлежащая им пресса снова встретили эти предложения в штыки. Пытаясь как-то ослабить глубокое впечатление, произведенное на весь мир советскими мирными предложениями, монополисты воспользовались делом кардинала Миндсенти для того, чтобы раздуть антисоветскую и антикоммунистическую истерию (кардинал Миндсенти был осужден венгерским судом как изменник за попытку низвергнуть венгерское правительство и восстановить Габсбургскую монархию и за крупные спекуляции на «черном рынке» американскими долларами). Под звон колоколов Ватикан и его американские представители во главе с кардиналом Спеллманом (который сам был замешан в заговоре Миндсенти) призывали к войне — к «крестовому походу» против Советского Союза. Государственный секретарь США Ачесон счел предложения СССР о мире «вызывающими недоумение» под тем предлогом, что устав ООН уже предусматривает меры по охране международного мира. Согласно логике империалистов, мирный договор с *Советским Союзом* являлся чем-то излишним, а военный Северо-атлантический союз, направленный *против Советского Союза*, — средством сохранения мира.

Монополистическая пресса встречала каждое советское предложение, направленное к установлению международного мира и сотрудничества, клеветническими выпадами на тему о «советской агрессии». Пропагандисты Уолл-стрита неустанно твердили, что «советская агрессия» мешает восстановлению Западной Европы. Однако Майкл Гофман, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» и специалист по вопросам осуществления «плана Маршалла» в Европе, сообщал 1 февраля 1949 г.:

«Ни СССР, ни Польша, ни Венгрия, ни Чехословакия, ни какая-либо другая страна Восточной Европы не воспользовалась ни одной из экономических возможностей для того, чтобы бойкотировать западные страны... Они продолжают нормальную торговлю со странами Западной Европы... поставляя им уголь, лес и прочее сырье. Это Соединенные Штаты бойкотируют страны Восточной Европы» (курсив автора).

По мнению империалистов, миру и демократии способствуют дальнейшее расширение военных бюджетов, угроза атомной войны, вооружение фашистов, кровавое подавление национально-освободительного движения и распространение военного и экономического господства Соединенных Штатов над слабыми странами путем подкупа и угроз. А Советский Союз, который провел демобилизацию большей части своей армии и предлагает осуществить разоружение и запретить атомное оружие, с их точки зрения, является «агрессивным».

После победы над Германией Советский Союз вывел свои войска из Чехословакии, Норвегии, Югославии, Польши, Ирана, Болгарии, Румынии, Финляндии, Венгрии, с датского острова Борнхольм, из Маньчжурии и Кореи, — словом, отовсюду, куда советские войска вступили во время войны. Капиталистическая пресса искажала эти факты, умудрившись изобразить их как свидетельство советской «агрессии». Сделанное недавно Советским Союзом предложение о выводе всех оккупационных войск из Германии немедленно было представлено монополистической прессой и ее комментаторами как «коммунистический заговор».

«Есть опасность,— писал Ч. Л. Сульцбергер,— что в ходе каких-либо переговоров с западными странами Советский Союз снова предложит вывести все оккупацион-

ные войска из Германии. Если подобное предложение будет принято, это приведет к гибельным последствиям; если же оно будет отвергнуто, то это вызовет затруднения...»¹

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон также признал, что «наши представители оказались бы в чрезвычайно затруднительном положении (хотя они и не признают этого публично), если бы СССР предложил сейчас образовать центральное германское правительство и вывести все оккупационные войска из Германии и Австрии»². Рестон, понятно, не мог или не хотел сказать американскому народу всей правды, а именно, что вывод американских оккупационных войск из Германии привел бы к снижению прибылей гигантских американских корпораций³.

Северо-атлантический пакт

Заключив Северо-атлантический пакт, поджигатели войны в США сделали еще один шаг к своей цели — развязыванию новой войны и превращению «холодной войны» в мировой пожар. После победы над Германией американские империалисты пытались с помощью «плана Маршалла» и «доктрины Трумэна» добиться капитуляции стран народной демократии и прогрессивных сил в Китае и Греции; видя, что их попытки терпят полный провал, они перешли к применению насильственных методов в международном масштабе. Основной целью Северо-атлантического пакта было восстановление «санитарного кордона» вокруг СССР, то есть создание вокруг него кольца враждебно настроенных государств и военных баз, контролируемых и оснащаемых американской военщиной.

¹ *New York Times*, January 10, 1949.

² *New York Times*, January 19, 1949

³ События в Германии осенью 1949 г. — создание Германской демократической республики, с одной стороны, и образование англо-американскими оккупационными властями марионеточного боннского «государства» — с другой, выявили с еще большей яркостью позицию Советского Союза, отстаивающего государственное единство Германии, и выполнение им Ялтинских и Потсдамских решений, и окончательно разоблачили раскольническую политику империалистических держав, и прежде всего США, стремящихся превратить Западную Германию в плацдарм для подготовки новой войны. (Прим. ред.)

В этот «тесный» антисоветский союз под эгидой Уолл-стрита должны были войти Англия, Франция, страны Бенилюкса, Западная Германия, кишашая нацистами, Норвегия, а также Греция, Италия, Турция и франкистская Испания. Правящие классы этих стран обещали своим американским хозяевам продать свои народы (конечно, предварительно как следует поторговавшись) в качестве пушечного мяса для возглавляемой Соединенными Штатами войны против Советского Союза.

Истинное значение Северо-атлантического пакта как неприкрытой военной угрозы стало совершенно очевидным, когда Норвегия по указке государственного департамента отказалась заключить с СССР пакт о ненападении. Она мотивировала свой отказ тем, что в Уставе ООН уже содержатся гарантии против агрессии. Но одновременно ее государственные деятели лицемерно заявили, что поскольку Норвегия является страной, расположенной на Атлантическом океане, то ее безопасность требует присоединения ее к предложенному американцами пакту. Это выглядит так, как если бы Советский Союз заключил договор с Мексикой, согласно которому он имел бы право построить в Мексике морские и воздушные базы и расположить свою артиллерию на Рио-Гранде, причем и Мексика, и СССР в то же время открыто отказывались бы дать обязательство не начинать войну против США.

Несмотря на всю серьезность этой угрозы, несмотря на вызывающий отказ США и Норвегии принять советские предложения о мире и ненападении, Советский Союз не реагировал на заключение Северо-атлантического пакта хоть сколько-нибудь воинственным образом. Он всего лишь опубликовал «Заявление министерства иностранных дел СССР о Северо-атлантическом пакте», в котором проанализировал цели пакта и подчеркнул, что «правящие круги Соединенных Штатов и Великобритании перешли к откровенно агрессивному политическому курсу... чему и соответствует проводимая ими... политика развязывания новой войны» и что «Советский Союз должен еще энергичнее и еще последовательнее вести борьбу против всех и всяких поджигателей войны... за всеобщий прочный демократический мир»¹.

¹ «Правда», 29 января 1949 г

Глава XI

ЗАКАТ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

До тех пор пока торговля идет гладко, товары сбываются хорошо и прибыли растут, международные финансисты стараются разжечь лишь локальные или гражданские войны, с тем чтобы то тут, то там «подработать» несколько лишних миллионов, либо захватить какую-нибудь концессию. Когда же капиталовложения все чаще и чаще перестают давать «соответствующий» доход, тогда финансисты обращаются к своим «фабрикам смерти», к войне в мировом масштабе, продолжая в то же время разглагольствовать на международных конференциях о справедливости и мире.

Но само преклонение империалистов перед атомной бомбой показывает, насколько они не уверены в своей собственной силе. Они обращаются к атомной бомбе как к последнему универсальному средству спасения.

Загнивающий капитализм в Западной Европе поражен бесчисленными язвами. Страны Западной Европы обладают богатыми источниками сырья и кадрами квалифицированных специалистов и рабочих. И все же они не могут произвести достаточно хлеба для народа и обеспечить его работой, в результате чего беспокойство среди народных масс растет день ото дня.

Как только мы попадаем в области, находящиеся под властью монополистического капитала, мы находим там всегда готовую почву для забастовок и социальных волнений. Гитлеровская политическая зараза здесь не только сохраняется, но и распространяется, поражая народные массы. Здесь царствует *bellum omnium contra omnes*¹. Ни одного дня не проходит, чтобы не разразился

¹ «Война всех против всех» (лат.). (Прим ред)

какой-нибудь кризис. С самого конца войны в капиталистических странах не было ни одного мирного дня. Едва прекратилась мировая бойня, как снова черный флаг империалистического грабежа и насилия поднялся над Индо-Китаем, Грецией, Индонезией, Индией, Китаем, Колумбией, Палестиной. Во всех своих делах капиталисты руководствуются логикой наизнанку.

150 тыс. греческих солдат монархо-фашистской армии, получавшие подкрепление в виде американского оружия и боеприпасов, инструктируемые американскими офицерами, не могли победить 25 тыс. человек, борющихся за свободу и независимость Греции; в то же время «вашиingtonские круги» серьезно обсуждали предложение Уильяма Буллита послать в Китай на 800 млн. долл. боеприпасов, для того чтобы подавить национально-освободительное движение в Китае и Юго-Восточной Азии.

Голландские моряки, обученные и вооруженные в США, были доставлены на американских судах на Яву, чтобы расстреливать там из пулеметов мирных индонезийцев. Голландцы начали интервенцию, с жестокостью нацистов бомбардируя индонезийские города и деревни. Это наступление было подготовлено при молчаливом одобрении англо-американских дипломатов, поскольку «ликвидация индонезийской проблемы», как сообщил Клифтон Даниэл¹, «сможет содействовать укреплению Западного союза, ибо в этом случае голландские войска и морской флот освободятся для защиты Европы». Официально США выразили «сожаление и беспокойство» по поводу действий Голландии. В связи с этой разбойничьей войной голландская королева Юлиана обратилась к своим подданным с ханжеским рождественским посланием, в котором заявила: «Желаю и вам и им настоящего рождества. Это рождество необычно — оно полно глубокого значения. Перед голландскими войсками поставлена определенная цель. Эта цель заключается в обеспечении «четырех свобод»².

Из Филиппин поступило сообщение, что из общего числа населения в 19 млн. человек там насчитывается 2 миллиона безработных. «Положение все ухудшается,—

¹ *New York Times*, December 30, 1948.

² *Chicago Tribune*, December 27, 1948.

отмечал корреспондент, — из-за конкуренции восстановленной Японии».

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Линдсей Паррот сообщал из Японии, находящейся под контролем администрации Макартура: «В меньшей степени афишируется рост националистических организаций в Японии, начавшийся с первых же дней оккупации. По достоверным данным, число этих организаций достигает около 1500... Многие члены этих организаций, несомненно, связаны с «черным рынком» и всякими подонками и уголовными элементами. В настоящий момент их лозунг — «борьба с коммунизмом»... Генеральный секретарь коммунистической партии Кюици Токуда во время своей агитационной поездки был ранен на острове Кюсю самодельной бомбой. Некоторые высказывания членов этих организаций свидетельствуют о том, что они мечтают о «добром старом времени» жандармерии и полицейского надзора над мыслью. Они представляют собой японский эквивалент гитлеровских коричневорубашечников... Еще более показательно то, что само японское правительство никогда ничего не предпринимает против этих организаций»¹.

Корреспондент «Чикаго дейли ньюс» Кэйс Бич сообщал: «Несмотря на свое демократическое обличье, вся политическая структура Японии прогнила насквозь.. За последние несколько месяцев были вскрыты такие факты, которые указывают, что средний политический деятель Японии обладает политической честностью не в большей степени, чем бездомная кошка. Факты показывают, что взяточничество и коррупция являются скорее правилом, чем исключением. В целом моральный облик политических деятелей Японии таков, что члены банды Пендергаста выглядят по сравнению с ними мальчиками из воскресной школы. Одной лишь коммунистической партии не коснулась коррупция»².

Однажды голливудские кинопромышленники сообщили, что они заключили с католическим духовенством сделку на несколько миллионов долларов, чтобы способствовать распространению идей «свободы и демократии». На следующий же день кардинал Спеллман, поглощен-

¹ *New York Times*, February 10, 1949.

² *Chicago Daily News*, December 30, 1948

ный заботой о том, чтобы мертвым было воздано по их заслугам на том свете, организовал из учащихся духовных семинарий отряды штрейкбрехеров для того, чтобы подавить забастовку союза рабочих католических кладбищ и снизить заработную плату живым.

Заголовки газет постоянно кричали о реактивных, межконтинентальных и высотных бомбардировщиках, грандиозных замыслах морских сражений, о планах мобилизации, арктических маневрах, учебных бомбардировках городов усовершенствованными моделями атомных бомб. Чудовищные описания разрушительной силы атомных бомб составляли единственную пищу газет. Однако генерал Брэдли высказал мнение, что «Соединенным Штатам опасно рассчитывать на решающий результат первой же атаки».

Чтобы укрепить веру в непоколебимую мощь Америки, Джеймс Форрестол (который, покинув пост министра обороны и находясь на излечении от «умственного переутомления», покончил с собой) сообщил группе корреспондентов выдвинутый военным министерством «совершенно секретный» план постройки огромного межпланетного корабля, который должен был вращаться вокруг земли в виде ее спутника и бомбардировать территории противника атомными ракетами «Та страна, которая первая построит подобный пладцарм за пределами земного шара, будет господствовать над всей землей», — писала газета «Нью-Йорк таймс». Вот еще один пример безграничного безумия империалистов!

Куда бы мы ни взглянули, всюду в капиталистическом мире противоречия порождали конфликты и обуславливали проведение губительной безумной политики, противоречащей элементарным нуждам народа. Даже в своей собственной среде капиталисты, для того чтобы выжить, должны были мошенничать, обманывать и воевать друг с другом. Таков закон капиталистических джунглей — общественного строя, основанного на экономической системе, при которой заработная плата удерживается на низком уровне и потребление масс снижается, чтобы капиталисты могли получать большие прибыли, причем эта прибыль является их единственным стимулом к увеличению производства.

План или хаос

Летом 1947 г. за дымовой завесой газетных заголовков, кричащих о «заговоре красных во Франции и Италии», был пущен в ход «план Маршалла». Было обещано, что с его помощью будут достигнуты чудодейственные результаты в деле восстановления Европы. Вскоре обнаружилось, что этот план является самой наглой аферой крупного капитала, имеющей целью выколачивать огромные прибыли за счет американского налогоплательщика¹. и превратить страны Западной Европы в колонии американских монополий.

Вначале было объявлено о необычайном успехе «плана Маршалла», однако тут же выяснилось, что распределение товаров сопряжено с темными махинациями. Обнаружилось, что получаемые по «плану Маршалла» товары, которые обходятся американскому налогоплательщику в миллионы долларов, перепродаются с прибылью европейскими капиталистами американским корпорациям, которые в свою очередь вновь продают эти товары американскому налогоплательщику, извлекая из этого еще большую прибыль. «Нью-Йорк таймс» в номере от 26 декабря 1948 г. опубликовала следующую заметку под заголовком «Удивительная сделка»:

¹ Приведем всего лишь один, но весьма характерный пример грабительской деятельности, связанной с проведением в жизнь «плана Маршалла». Маршаллизованные страны ежедневно потребляют около 900 тыс. баррелей нефти. Из них около 370 тыс. дают нефтепромыслы Ближнего Востока («Уолл-стрит джорнел», 13 сентября 1948 г.). Согласно порядку, установленному Управлением экономического сотрудничества, налогоплательщики США покупают эту нефть у компаний «Стандард ойл», «Сокони вакуум ойл», «Тэксас энд Галф ойл». Эти монополии получают нефть из Саудовской Аравии по цене от 34 до 50 центов за баррель. Согласно «плану Маршалла», эти компании берут за баррель 2,65 долл., получая, таким образом, около 2 долл. прибыли за каждый проданный баррель нефти. По оценочным данным, эти компании получают около 740 тыс. долл. прибыли ежедневно только от поставок нефти в маршаллизованные страны, или примерно 270 млн. долл. в год. Эти прибыли не облагаются налогом и поступают в карманы людей, которые вершат внешнюю политику США и продолжают политику «холодной войны» якобы исключительно из соображений «безопасности и национальных интересов» американского народа (*Прим. автора.*)

«Вполне может случиться, что товары, предназначенные к отправке по накладной в Антверпен, будут учтены таможенной США как экспорт в Бельгию, затем будут переправлены в Базель, а там будут проданы Болгарии или же США и что при этом они не будут фигурировать по статье импорта ни в одной из стран, участвующих в программе европейского восстановления. Недавно произошел такой случай: Бельгия продала на 3 млн. долл. пшеницы в Румынию через Швейцарию, причем платеж должен был быть произведен в долларах. Эта сделка не имеет смысла ни с точки зрения целесообразности продажи данного товара (страна продает зерно, в котором сама нуждается), ни с точки зрения финансовой (Бельгия предпочла получить доллары, а не швейцарские франки, которые являются еще более дефицитной валютой, чем доллары). Впрочем, в наши дни вообще большая часть европейской торговли не имеет никакого смысла».

Другой комментатор жалуется, что мировая торговля, которую «план Маршалла» должен был, по всем расчетам, стимулировать, наоборот, сокращается. За время с 1947 г. до середины 1948 г. ежемесячный экспорт США сократился с 1,5 млрд. до 1 млрд. долл. В 1948 и 1949 гг. все страны мира в целом покупали у США значительно меньшее количество товаров по сравнению с объемом их продукции, чем в предшествовавшем кризису 1927 г. В тот год экспорт США составлял 10% от всей их продукции, а в середине 1948 г., когда «план Маршалла» был уже в полном ходу, экспорт составлял всего лишь 9% продукции. Со второй половины 1948 г. наблюдалась тенденция к дальнейшему снижению. Один из «европейских экспертов» заметил, что «помощь по плану Маршалла равносильна тому, чтобы пускать деньги в трубу»¹. Все дело в том, отмечает другой «эксперт», что страны Западной Европы «не сумели наладить сотрудничества, как это требовалось от них по американскому плану для Европы»². Это особенно относится к Франции и Англии,

¹ *New York Times*, January 11, 1949

² Капитализм не может осуществить мирного планирования экономики в международном масштабе. Каждая страна в силу капиталистического характера своей экономики стремится увеличить до максимума свой экспорт и сократить до минимума свой импорт. Таким образом, интересы отдельных стран противоречивы. (*Прим. автора.*)

которые, вместо того чтобы сотрудничать, готовы были вцепиться друг другу в горло.

Во Франции применение «плана Маршалла» привело к снижению индекса промышленной продукции на 22 пункта. Так, например, Франция нуждалась в машинном оборудовании и удобрениях, но американские экспортеры настояли на том, чтобы сбыть во Францию свои излишки табака и пшеницы. Американские экспортеры завезли по «плану Маршалла» в Италию огромное количество сушеных овощей, а свежие овощи, выращенные в самой Италии, гнили на полях, так как на них не находилось покупателей. Как правило, под видом помощи по «плану Маршалла» рынки Западной Европы наводнялись товарами, которые не могли быть проданы американскому населению.

Страны, производившие текстиль и прочие товары широкого потребления и торговавшие со странами Восточной Европы, по приказу Вашингтона, оказывавшего им «великодушную» помощь по «плану Маршалла», вынуждены были покупать у США товары, которые их собственная промышленность производила на протяжении десятков лет. В одной только Франции свыше 30 фабрик готового платья вынуждены были закрыться из-за конкуренции США. Производство автомобилей и оборудования во Франции, Бельгии и Австрии сократилось ввиду импорта этих товаров из США. В Англии производство текстиля составляет сейчас 70% своего довоенного уровня.

Сельское хозяйство Италии находится в состоянии кризиса, так как страна не имеет возможности экспортировать в Германию фрукты, овощи и сыр из-за того, что Германия получает продукты питания по «плану Маршалла» из США. Выпуск промышленной продукции Италии в 1948 г. был на 38% ниже уровня 1938 г. В результате снижения жизненного уровня народа в Италии происходят «голодные походы» и волнения. Монополии вздувают цены, а покупательная способность рабочих падает все ниже и ниже.

Во Франции прибыли класса капиталистов достигают 43% всего национального дохода, а заработная плата рабочих и служащих составляет только 39%. Реальная средняя заработная плата французского рабочего упала

до уровня 1884 г. и не достигает и половины уровня 1939 г. Во всех маршаллизованных странах растет безработица. В Италии насчитывается более 3 млн. безработных, в Англии — 500 тыс., в Западной Германии — свыше 2 млн.

Даже представители капиталистической прессы вынуждены признать, что до восстановления Западной Европы еще очень далеко. Они уныло констатируют, что даже к 1952 г. Западная Европа не достигнет довоенного уровня жизни и экономической независимости. Филипп Симс, редактор международного отдела газетного концерна «Скрипс-Говард», заявил 14 января 1949 г.: «Те, кто надеется, что четырехлетний 18-миллиардный план Маршалла сам по себе поставит Европу на ноги, будут глубоко разочарованы. Эксперты, которые в прошлом году считали это возможным, в нынешнем году говорят обратное. Теперь они заявляют, что США должны произвести еще большие затраты для того, чтобы предотвратить крах Европы». Роберт Маджорлин, генеральный секретарь Организации европейского экономического сотрудничества, высказал опасение, что в 1952 г. в Европе может произойти крах.

Между тем бедствующим французским рабочим советуют потуже затянуть пояс и еще более снизить свой и без того нищенский уровень жизни, для того чтобы «способствовать восстановлению Франции по плану. Маршалла», а французское правительство тем временем размещает заказ на пушки и прочее вооружение на сумму 370 млрд. франков.

Западная Европа, где все еще господствуют хищнические картели и монополии, не в состоянии выбраться из пропасти, в которую ее ввергла вторая мировая война. Восстановление ее экономики после войны идет таким темпом, что выпуск промышленной продукции никак не может превысить довоенного уровня. Во Франции, Бельгии и Италии он еще ниже довоенного уровня. В Англии сбыт всех товаров падает. Несмотря на то, что промышленная база и ресурсы квалифицированной рабочей силы в этих странах гораздо значительнее, чем в странах народной демократии Восточной Европы, западные страны переживают один экономический кризис за другим. Капиталистическая экономика этих стран, разъедаемая

внутренними антагонистическими противоречиями, испытывает на себе, кроме того, гнет американской финансовой олигархии, осуществляемый через «план Маршалла».

Движение в колониях

Идеи «плана Маршалла» и «доктрины Трумэна» были впервые проверены на практике в Китае, и там же была выявлена полная их несостоятельность. В общем, США выбросили на ветер 18 млрд. долл.— из них 8 млрд. на вооружение и 10 млрд. на прочие виды помощи,— пытаясь сохранить в Китае отсталый феодальный режим. И тем не менее стена американских танков и пушек, выставленная Чан Кай-ши, рухнула под мощным напором масс китайского народа, полных решимости освободиться от местных и иностранных эксплуататоров. Китайские рабочие и крестьяне, тесно спаянные общей исключительно тяжелой борьбой против империализма, исполнились новой надежды. Окончательный разрыв китайского народа с империалистическим лагерем решающим образом изменил равновесие мировых сил в пользу прогрессивного лагеря.

Решающий успех борьбы китайских рабочих и крестьян сильно поднял дух всех угнетенных народов Азии. В Юго-Восточной Азии царили порожденные империализмом нищета, отсталость и голод; теперь этот гнойник прорвался. Насчитывающее около миллиарда человек население Юго-Восточной Азии, которое империалистические державы грабили на протяжении веков, вступило на путь борьбы за свое полное освобождение. Борьба народов во Вьет-Наме, Индонезии, Бирме, Индо-Китае и Малайе ясно показывает, что дни неограниченной империалистической эксплуатации колониальных стран уже сочтены.

Одна из основных причин банкротства западных империалистических держав кроется в снижении их сверхприбылей, которые они ранее извлекали из своих колоний в форме неоплачиваемых товаров и сырья, выкачивавшихся в огромных количествах.

Поэтому все большее усиление эксплуатации колониальных стран является для них сейчас вопросом жизни и смерти. Перед войной страны — участницы «плана Маршалла» в Западной Европе, население которых со-

ставляет менее 10% населения земного шара, получали более 40% мирового импорта. Свыше 25% этого количества являлось данью, поступавшей из заморских колониальных владений. В связи с этим одним из важнейших факторов, послуживших причиной кризиса в западных странах, является широко нарастающее освободительное движение в колониях, особенно в богатейшей Юго-Восточной Азии.

Видя, что их капиталовложения в Азии и Китае становятся менее надежными и что доходность их падает, англо-американские империалисты начали мечтать, выражая свои мечты устами господина Трумэна, о новом грандиозном плане крупных капиталовложений в Африке Морган и «Файрстон раббер Компани» уже владеют всей Либерией и эксплуатируют ее. Другие американские монополии пытаются с помощью фондов, ассигнованных по «плану Маршалла», приобрести медные и урановые рудники в Бельгийском Конго, а также кое-какие английские, французские и португальские владения. Система колониальной эксплуатации уже привела народы Африки в состояние крайнего истощения и физического упадка. Угнетаемые рабочие массы Африки, работающие в рабских условиях, начали повсеместно пробуждаться. Крепнет их борьба за самоуправление. Умирающая система мирового империализма не сможет воспользоваться Африкой как надежным и прибыльным источником для своего оживления.

Победа китайской революции нанесла сокрушительный удар по мировому империализму и усилила чувство обреченности у его лидеров. В Соединенных Штатах — этой цитадели монополистического капитала — события в Китае обострили и усилили бешеное стремление финансового капитала к войне и фашизму. Американские капиталисты возлагают свои надежды на Японию под управлением Макартура и Западную Германию, на активную подготовку войны при помощи Северо-атлантического пакта и на агрессию против оплота антиимпериалистического лагеря — Советского Союза, поражение которого, как они надеются, пресечет народно-освободительное движение во всем мире.

США и Англия уже истратили около 2 млрд. долл. на то, чтобы раздуть гражданскую войну в Греции,

поддерживать ее монархо-фашистский режим и строить военные базы на трупах греческого народа. Однако, несмотря на поток долларов, американское оружие и помощь американских военных экспертов и консультантов, продажный режим рухнет под тяжестью своих злодеяний и тирании.

Внешнеполитический комментатор газеты «Нью-Йорк таймс» Анна О'Хар Маккормик горько сетовала: «В ходе утомительных прений, продолжавшихся три дня, новый военный министр Греции Канолопулос заявил, что еще ни разу со времени начала наступления коммунистов в Греции положение не было столь критическим, как сейчас. Все дело заключается в том, что ограниченных усилий недостаточно для опасения Греции»¹.

Зарвавшийся член конгресса Чарлз А. Итон на заседании комиссии палаты представителей по иностранным делам недоуменно вопрошал: «Почему мы не посылаем наших солдат в Грецию, чтобы покончить там с партизанами?»²

В результате уроков Китая и Греции, свидетельствующих о том, что ни деньгами, ни штыками нельзя остановить падения отживших правящих классов, империалисты не только не научились мыслить здраво, но еще больше разъярились и обезумели. Эти уроки как будто еще более усилили их нежелание примириться с исторической неизбежностью. Они все еще пытаются добиться невозможного и ломают себе на этом шею.

¹ *New York Times*, February 5, 1949

² *New York Times*, February 9, 1949

Глава XII

АМЕРИКА НА РАСПУТЬЕ

Всякий, кто помнит неистовство германской капиталистической прессы перед захватом Гитлером власти и непосредственно после этого события, не может не заметить необычайного сходства между тем, что публиковалось тогда в германской прессе, и тем, что публикуется сегодня в американских газетах и передается американским радио. Почти в тех же выражениях, которыми пользовались нацисты, в прессе и по радио разглагольствуют о «неизбежной войне» против Советского Союза. Наиболее оголтелые журналисты и комментаторы требуют немедленного наступления, более «трезвые» рекомендуют временно отложить его, пока не будет полностью закончена подготовка к войне

Как и нацистская Германия в канун второй мировой войны, Соединенные Штаты управляются директором крупнейших промышленных и банковских монополий. Как и в нацистской Германии, этот директорат проводит в огромных масштабах кампанию по милитаризации народных масс, распространению среди них военного психоза, построенного на иступленной садистской фетишизации непобедимого всеразрушающего оружия. Как и в нацистской Германии, под маской «защиты» страны от мифической коммунистической опасности вынашиваются планы превратить американскую молодежь в кровожадных зверей и повести ее на убой. Как и в гитлеровской Германии, американское правительство, предприняв свой антидемократический поход, действует путем подкупа, угроз и использования всяческих марионеток и наемников. И, наконец, как и в нацистской Германии, американское правительство, действующее по указке монополий, ликвидирует гражданские права, громит профсоюзы и

вносит в них раскол, преследует и заточает в тюрьмы прогрессивных деятелей, коммунистов и антифашистов.

Американские государственные деятели цинично рассуждают о разрушении атомными бомбами советских городов и требуют все новых миллиардных ассигнований на эскадрильи бомбардировщиков дальнего действия. Некоторые американские нефтяные компании уже торопятся с распространением топографических карт для нужд третьей мировой войны. Американские танки и орудия сосредоточиваются в Иране, Греции, Корее, Индии, в Западной Европе и в районе Средиземного моря, и жерла орудий обращены на восток в сторону Советского Союза.

Горстка американских банкиров и генералов уже осуществляет диктаторскую власть над десятком правительств. Она превратила Соединенные Штаты в покровителя любых феодально-фашистских шаяк, безвозмездно снабжая эти шайки оружием и деньгами, с тем чтобы они могли угнетать многомиллионные народные массы. В Индонезии, Греции, Китае люди гибнут, сраженные американским оружием. Все это делается под тем предлогом, что Советский Союз якобы угрожает безопасности Соединенных Штатов. Эта ложь не нова и не оригинальна. Всякий раз, когда гитлеровские генералы готовили новую агрессию, нацистские пресса и радио поднимали шум о том, что Германии угрожает «опасность с Востока».

Впрочем, монополисты сознают, что американский народ не склонен служить орудием для авантюры, являющихся повторением авантюры Гитлера и Муссолини. Их тактика поэтому сводится в настоящее время к маскировке своих подлинных намерений лозунгами о свободе. Поджигатели войны стремятся внушить большинству американского народа мысль о том, что национальное единство и патриотизм якобы требуют от него глубокой ненависти к Советскому Союзу и к коммунизму. Больше же всего они хотят, чтобы народ фаталистически поверил в ложь о неизбежности войны против СССР. Они рассчитывают, что, когда эта уверенность пустит в народе глубокие корни, нетрудно будет сфабриковать инциденты, которые оправдали бы прямой фашизм и открытое насилие как внутри страны, так и за ее пределами.

Препятствия на пути к войне

Однако те, кто замышляет развязывание новой войны, встречают на своем пути огромные препятствия.

Прежде всего можно с уверенностью сказать, что Советский Союз и впредь — причем все более энергично — будет продолжать свои призывы к всеобщему миру и прилагать все усилия к достижению этой цели. Он не позволит поджигателям войны беспрепятственно обманывать народ и отравлять его сознание ложью о «неизбежности войны». Он, несомненно, будет попрежнему доказывать со все возрастающей энергией, что нет никаких проблем, связанных с взаимоотношениями между США и Советским Союзом, которые нельзя было бы разрешить мирным путем. Неустанная борьба Советского Союза за мир вызывает у поджигателей войны опасение, что чудовищные лживые измышления о «советской агрессии» — этот основной козырь, на который они делают ставку, — окажется бит

Вторым фактором является то обстоятельство, что традиции и унастроения большинства американского народа не те, что были в свое время в Германии. Война требует соответствующего состояния духа гражданского населения, ибо одной из предпосылок к развязыванию агрессивной войны является воспитанный в милитаристском духе, отравленный военным психозом народ. Американский же народ прежде всего не развращен традициями пруссачества, «идеями» о «роке», «судьбе» и прочей мистической чепухе, содержащейся в «теориях» германизма. Американский народ в основе своей — оптимистичен; он верит в положительные качества человека. Такому народу чрезвычайно трудно навязать свойственную гитлеровцам садистскую страсть к убийствам и разрушению. Он надеется добиться лучшей жизни не за счет завоевания и покорения других народов, а при помощи гигантских паровых молотов, турбогенераторов, науки и техники.

Военные планы империалистического мира могут провалиться еще и по другим причинам. Статьи огромных военных расходов занимают в государственном бюджете доминирующее место, вытесняя все остальные статьи. В силу этого народ лишается средств на остро необходимое

ему жилищное строительство, на питание, одежду, образование и медицинское обслуживание. В результате перекачивания денег из кармана народа в бездонные карманы трестов путем повышения цен, производства вооружения, а также демпинга, осуществляемого по «плану Маршалла», в США создается все более неустойчивое положение. Факты, в конечном итоге, окажутся сильнее вымыслов, созданных монополистической прессой. В данное время большинство американского народа не вполне сознает, насколько велико зло, совершаемое от его имени и за его счет. Но в результате непрерывного падения жизненного уровня народ начинает задаваться вопросами о «доктрине Трумэна», о «холодной войне», о колоссальном и бесполезном разбазаривании народного труда и ресурсов страны. Едва ли удастся убедить американский народ, ищущий работы и обеспеченности, отправиться на завоевание Камчатки или Кавказа, как это сделали немцы, обманутые Гитлером.

Поджигатели третьей мировой войны знают также, что все те, кто борется за мир и дружбу между народами, объединены тесными узами братства. Они опасаются растущей мощи сторонников мира во всем мире. Некоторые из них, возможно, вспоминают также о судьбе хозяев нацистской Германии, мечтавших о войне роботов и ракет. Знают они и о том, что их зловещие планы разоблачаются. Поэтому англо-американские империалисты очень спешат: им надо действовать быстро.

Но те самые средства, к которым им приходится прибегать для того, чтобы ускорить осуществление своей военной программы — например, сохранение владычества над колониальными территориями,— срывают этот их план. По всей Юго-Восточной Азии разрастается национально-освободительная борьба. Все попытки империалистов утопить эту борьбу в крови народов лишь укрепляют единство и сопротивление антиимпериалистических сил. С каждым днем контроль над миллионными народными массами все больше ускользает из рук империалистов Запада. Цепи империалистического рабства рвутся. Прочный мост солидарности и дружбы соединяет народы Востока с народами Запада. Нельзя игнорировать того значения, которое имела для 475-миллионного народа Китая и для других народов Азии революция в России.

Простой народ повсюду относится все подозрительнее к мотивам, движущим американской внешней политикой. Злобная радость, с какой монополистическая пресса хвастается способностью Америки убивать и разрушать, вызывает в миллионных народных массах мира страх и ненависть к Соединенным Штатам.

Предупреждение и напоминание

Империалисты верят в то, что межпланетные корабли, самоуправляемые снаряды и другие технические усовершенствования принесут им победу. Проектируемые ими планы установления мирового господства кажутся им верхом совершенства, но они ломаются и рушатся, наталкиваясь на могучие силы народного сопротивления. Ну что смогут сделать, рассуждали империалисты, нищие, неграмотные массы китайских крестьян против огромного количества американского оружия, применяемого дивизиями, обученными американцами? Империалисты недооценили силы национально-освободительного движения не только в Китае, но и в Бирме, Малайе и Индонезии. «Рождение атомной бомбы,— заявил недавно вождь Китайской коммунистической партии Мао Цзедун,— положило начало гибели американских империалистов. Ибо они стали строить свои расчеты на бомбе, а не на народе. В конце концов не бомба уничтожит народ, а народ уничтожит бомбу».

Болтовня поджигателей войны об атомной бомбе основана на иллюзиях, подобных тем, которыми жили Гитлер и Геринг, уповая на «непобедимость» своего воздушного флота и бронированных дивизий. Эти иллюзии распространяются и для того, чтобы усыпить тревогу масс, которые понесут всю тяжесть жертв. Им говорят: «Не беспокойтесь о наших военных планах; нам здесь, в Америке, ничто не угрожает, ибо только *мы* одни знаем секрет атомной бомбы».

Но 6 ноября 1947 г. В. М. Молотов предупредил западных государственных деятелей, что «этого секрета давно уже не существует»¹. И более того: «Наконец, нельзя забывать, что на атомные бомбы одной стороны

:Правда», 7 ноября 1947 г.

могут найтись атомные бомбы и еще кое-что у другой стороны, и тогда окончательный крах всех сегодняшних расчетов некоторых самодовольных, но недалеких людей станет более чем очевидным»¹. Это мнение разделяют многие ученые во всем мире. Чистое безумие думать, что какая-либо страна может избежать страшных последствий атомной войны.

Недавно опубликованный труд известного английского физика, профессора П. М. Блэккетта², лауреата Нобелевской премии и бывшего члена английской консультативной комиссии по атомной энергии, беспощадно разрушил все стратегические расчеты поклонников атомной бомбы. Блэккетт указывает, что возможный ущерб, который может быть причинен атомными бомбами, ни в какой мере не соответствует средствам и усилиям, которые следует затратить для того, чтобы сбросить бомбу на хорошо защищенный объект. Он доказывает, что потребовалось бы огромное количество атомных бомб, чтобы нанести Советскому Союзу такой же ущерб, который он понес за период германского вторжения и который не помешал ему, однако, в конечном счете добиться победы. Блэккетт заявляет также, что «бомбардировки не сыграли решающей роли в поражении Германии и Японии.. Гитлера погубила его теория, что большую войну якобы можно вести методами «блица». «Нанести тяжелый, но не решающий удар мощному противнику,— пишет далее Блэккетт,— не располагая ресурсами для последующего вторжения и оккупации всей его территории,— это значит навлечь на себя неминуемую катастрофу».

Теперь уже должно быть достаточно очевидно даже для наиболее воинственно настроенных генералов из Вашингтона, что нет на земле военной силы, способной завоевать и оккупировать огромную территорию Советского Союза Любая страна, задавшаяся целью уничтожить Советский Союз, тем самым становится на путь самоуничтожения.

Независимо от того, будут ли США и СССР обладать средствами обороны против атомного вторжения, исход

¹ В. М. Молотов Вопросы внешней политики, М, Госполитиздат, 1948 г, стр. 263

² P. M. S. Blackett, Fear, War and the Bomb, Boston, 1949

любой войны между ними будет решаться на бесчисленных полях битв. Победа достанется только тому народу, который проявит способность выдержать величайшие испытания, страдания и лишения, народу, выносливость и героизм которого будут обусловлены его верой в правоту и справедливость его дела. В агрессивной войне против Советского Союза паутина лжи, сплетенная американской монополистической прессой, порвется так же быстро, как та, которую плели в свое время германские военные магнаты.

Бойким на язык англо-американским поджигателям третьей мировой войны следовало бы изучить кое-какие из сталинских обзоров международного положения. Человечество было бы избавлено от многих страшных мучений, если бы люди, находившиеся тогда под влиянием Чемберлена и мюнхенского сговора, более серьезно отнеслись к докладу Сталина от 26 января 1934 г на XVII съезде ВКП(б). Он заявил тогда, между прочим: некоторые «думают, что войну надо организовать против СССР. Они думают разбить СССР, поделить его территорию и поживиться за его счет. Ошибочно было бы полагать, что так думают только некоторые военные круги в Японии. Нам известно, что такие же планы вынашиваются в кругах политических руководителей некоторых государств Европы. Допустим, что эти господа перешли от слов к делу. Что из этого может получиться? Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией». Одна такая война против СССР уже была, если вспомните, 15 лет тому назад. Как известно, всеми уважаемый Черчилль облек тогда эту войну в поэтическую формулу — «нашествие 14 государств». Вы помните, конечно, что эта война сплотила всех трудящихся нашей страны в единый лагерь самоотверженных бойцов, грудью защищавших свою рабоче-

крестьянскую родину от внешних врагов. Вы знаете, чем она кончилась... Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран»¹.

Сталинские предостережения, сделанные им в 1934 г., еще в большей мере приложимы к сегодняшней международной обстановке. Сегодняшние агрессоры против Советского Союза столкнутся с мощью бесчисленных, закаленных в боях миллионных масс, оснащенных самым современным оружием. «Промышленность Советского Союза,— сказал Молотов в день 31-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции,— может теперь производить любые машины, причем размеры машиностроения уже далеко превзошли довоенный уровень»².

Иллюзии империалистов

Несмотря на все похвалы и кажущуюся мощь империалистов Уолл-стрита, их политика обречена на провал. С каждым днем становится все яснее, что «план Маршалла», якобы имеющий своей целью «мир» и восстановление, есть не что иное, как чудовищный обман американского и европейских народов. При посредстве «плана Маршалла» миллиарды долларов, выплачиваемых налогоплательщиками, присваиваются в качестве прибылей судоходными компаниями и горсткой корпораций, которые держат в своих руках правительственный аппарат в Вашингтоне. За рубежом «план Маршалла» призывает к подчинению народов Западной Европы и других стран мира картелям Уолл-стрита, к воскрешению бесчинств германской реакции, к восстановлению Рура как арсенала войны и к подготовке почвы для третьей мировой войны.

Однако восстановление германских и японских монополий неизбежно приведет к дальнейшим трудностям. Монополистический европейский или японский капитал не может быть возрожден без того, чтобы он не стал до-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, М, Госполитиздат, 1946, стр. 432—433.

² В. М. Молотов. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1948 г.

бываться вновь роли крупного экспортера на мировые рынки. Но этих рынков, благодаря снижению покупательной способности рабочих и широких масс населения, уже недостаточно даже для самих англо-американских трестов, и с каждым днем это положение все обостряется. Таким образом, вновь возродится ожесточенное предвоенное соперничество между английскими и немецкими трестами и значительно обострится борьба всех западноевропейских стран с американской промышленностью за весьма сильно сузившийся мировой рынок.

Американское владычество над западными народами сможет продолжаться только до тех пор, пока американские тресты сохраняют свое техническое превосходство. Чтобы сохранить за собой это превосходство, они пытаются сейчас ограничить и затормозить рост промышленности и техники и даже научные изыскания во всех странах, подвластных им. Такие ограничения можно временно навязывать некоторым колониальным странам и — в меньшей степени — некоторым из южноамериканских стран. Но и в этих странах даже многие слои местной буржуазии сопротивляются подобным ограничениям, накладываемым американскими монополиями. Эту политику нельзя навязывать в течение длительного времени, особенно европейским странам с развивающейся техникой и с населением в несколько сот миллионов человек. Совершенно очевидно, что уже одна эта тенденция монополий породит целый ряд противоречий, против которых не устоят планы Уолл-стрита.

В настоящее время пострадавшие европейские и японские монополисты заискивают и хнычут. Они благодарят своих покровителей, которые спасли им шкуру, и клянутся подчиняться налагаемым на них торговым и прочим ограничениям. Однако они уже вновь убеждаются в том, что обладают неотразимой притягательной силой для США как хранители «общих идеалов нашей цивилизации». Это придает им значительный вес при переговорах, и, как только иссякнет поток американских долларов или в нем пропадет нужда, они объявят «декларацию независимости», в которой американским кредиторам будет предложено убираться восвояси. Как только промышленность Германии и Японии будет восстановлена, одновременно будет восстановлена их империалистическая

агрессивная политика; возобновятся и их угрозы по адресу нынешних американских «благотетелей».

В Европе, как и повсюду, американский империализм сталкивается с противоречиями, присущими капиталистической системе. Частные гигантские предприятия Западной Европы не могли обеспечить работу и сносные условия жизни для немецких, французских, итальянских и английских масс в течение двух десятков лет после окончания первой мировой войны. Еще в меньшей степени они способны на это в условиях, создавшихся после второй мировой войны. Поэтому, американская политика в Европе может привести только к усилению сопротивления масс, к гражданской войне, кризису и к дальнейшей поляризации фашистских и антифашистских сил.

Антисоветские блоки, сколачиваемые сейчас для подготовки новой войны, также базируются на иллюзии. Дело в том, что американский империализм не может рассчитывать на каких-либо постоянных союзников. Малочисленные, разложившиеся и циничные правящие классы Западной Европы, которые согласны стать вассалами Уолл-стрит — за определенную цену, — не смогли бы противостоять испытаниям войны. Французские, итальянские и английские олигархии деморализованы, трусливы и продажны ничуть не меньше, чем пресловутые мошенники из клики Чан Кай-ши в Китае. Они не смогут заставить народные массы служить пушечным мясом в авантюре американского империализма против Советского Союза. Последняя война оставила неизгладимый след в сердцах и умах простых людей всей Европы. Они увидели подлинное лицо монополистического капитализма — всю его лживость и жестокость — и содрогаются при воспоминании о войне и фашизме. Слишком много в Европе людей, которые узнали, кто виновник двух колоссальных побоищ нашего века и кто нажился на них. Слишком многие европейцы знают, что путь из отделанных под дуб кабинетов заправил «И. Г. Фарбениндустри», Круппа, «Стандард ойл» и других трестов ведет к застенкам и крематориям.

Среди народов Западной Европы, а также среди народных масс Германии растет ненависть против американских поджигателей войны. Еще свежи в их памяти судьба гитлеровских армий, разгромленных Советской

Армией, и цена, которую они заплатили за бредовые мечты военщины и магнатов бизнеса. Они не горят желанием лечь в землю рядом с обугленными останками своих близких вдоль берегов Дона и Днепра.

Самоубийство или жизнь

Американский народ должен задуматься над тем, не способствует ли он приближению катастрофы, допуская, чтобы дипломаты США — представители военных кругов и крупного капитала — отвергали подлинно мирные и дружеские предложения со стороны тех, кто представляет волю и чаяния сотен миллионов людей. Он должен задуматься над вопросом, чего достигнут Соединенные Штаты, разжигая войну против народа, который в 1944 г., потеряв одну треть своего промышленного потенциала под натиском германского агрессора, все-таки дал 40 тыс. самолетов, 30 тыс. танков, 120 тыс. орудий, 450 тыс. пулеметов и около 8 млрд. снарядов, бомб и патронов. С тех пор советская промышленность и советский военный потенциал выросли неизмеримо советские предприятия занимают территорию во много миллионов квадратных миль. В случае агрессивной войны США против Советского Союза король Отто Габсбургский может надеяться отвоевать обратно свою корону, рурские магнаты — свои рудники в Силезии, немецкие юнкеры — свои поместья и замки в Пруссии, кое-кто из английских и французских миллионеров может рассчитывать на возвращение своих капиталовложений на Балканах, некоторые американские короли вооружений могут надеяться на миллиардные прибыли от военных заказов. Но что же выиграет от этой войны американский народ? Война принесет ему многие и многие миллионы убитых и раненых и невероятную нищету. Ибо в агрессивной войне против Советского Союза будут гибнуть американские юноши и мужчины, а американские города будут обращены в горы пепла и развалин.

Смертельная опасность нависла над Америкой, опасность повторения пути, пройденного Германией, опасность того, что Америке во второй половине XX в. предстоит пережить то же самое, что в первую половину выпало на долю Германии. И даже больше того, ибо кого

бы мы ни собирались уничтожать, накопленные нами атомные бомбы на самом деле уничтожат нас самих.

Огромное большинство американского народа, несомненно, отвергает самую мысль о том, чтобы Соединенные Штаты вступили на путь Германии. Они твердо верят в демократические традиции США. И все же именно эта пассивная вера и может привести к войне, фашизму, к разрушению страны. В самом деле, путь, по которому ведут Соединенные Штаты империалисты Уолл-стрита, столь преступен, столь губителен, что люди даже не могут полностью себе представить, что ждет их впереди.

Большинство американцев, не испытав ужасов, которые пережило остальное человечество во время первой и второй мировых войн, склонно относиться более или менее безразлично к политике разжигания войны, проводимой их лидерами. «Вам знакома война? — спросил недавно лейтенант А. Землянский одного американца — Вы не забыли прошлую войну? Она отняла у меня отца и 70 процентов зрения, она надломила здоровье моей матери и искалечила моих братьев. Она познакомила меня с голодом. Я не досчитался доброго десятка своих друзей. А Вы? Что можете сказать Вы, средний американец? Я знаю, война коснулась и Вас, но только коснулась! Не правда ли? Кто же, по-вашему, более чужд желания воевать — «средний гражданин» Советского Союза или «средний гражданин» Соединенных Штатов?»¹

Перспективы на будущее

По существу, американский народ так же миролюбив, как и народ Советского Союза. Но одним миролюбием мы не добьемся мира. Огромное большинство английского народа путем голосования в 1938 и 1939 гг. выражало свое единодушное стремление к миру. Однако это не помешало осуществлению зловещих замыслов его лидеров, тайком подготавливавших войну под видом мирной политики. Лишь единое, организованное и активное сопротивление народных масс может теперь сдерживать попытки монополистов ввергнуть Соединенные Штаты в самоубийственную войну.

¹ «Новое время», № 47, 1947 г., стр. 30—31.

Мир возможен и для Соединенных Штатов, и для всего мира. Открытое письмо, присланное Генри Уоллесом Сталину в мае 1948 г, и ответ Сталина наметили для американского народа основы сохранения длительного мира. Уоллес предлагал всеобщее сокращение вооружений, запрещение всех орудий массового уничтожения, заключение мирных договоров с Германией и Японией, вывод войск из этих стран, невмешательство во внутренние дела других стран, развитие международной торговли, защиту демократии и обеспечение гражданских прав.

Сталин отвечал. « . г Уоллес делает в своем письме открытую и честную попытку дать конкретную программу мирного урегулирования, конкретные предложения по всем основным вопросам разногласий между СССР и США... ни один государственный деятель, имеющий заботу о мире и сотрудничестве народов, не может пройти мимо этой программы, ибо она отражает надежды и стремления народов к упрочению мира и несомненно будет иметь поддержку со стороны многих миллионов «простых людей»¹.

Письмо Уоллеса кончалось словами:

«Нет таких недопониманий или трудностей между Соединенными Штатами и Советским Союзом, которые могут быть урегулированы при помощи силы их страха, и нет расхождений, которые не могут быть урегулированы при помощи мирных успешных переговоров. Нет такого американского принципа или общественного интереса и нет такого русского принципа или общественного интереса, которые пришлось бы принести в жертву, чтобы положить конец холодной войне и положить начало веку мира,— веку, которого требует простой человек»².

Историческая задача прогрессивных сил Соединенных Штатов — донести до каждой американской семьи эти слова, выражающие надежду и являющиеся стимулом к действию. Они призывают отважных людей Америки рассеять атмосферу ненависти и военной истерии, разжигаемой монополистами, и объявить борьбу преследователям «красных» и агентам комиссии по расследованию

¹ «Правда», 18 мая 1948 г.

² «Правда», 13 мая 1948 г.

антиамериканской деятельности. Они призывают к созданию единого фронта американских рабочих, фермеров и среднего класса, единого фронта всех противников военных заговоров крупных трестов. «Американские тресты,— заявил недавно Юджин Деннис, секретарь коммунистической партии и один из ее двенадцати ложно обвиненных американским судом деятелей,—похожи на вымерших чудовищ животного мира, которых обрекли на гибель их гигантские размеры. Прожорливая американская буржуазия готовит себе могильщиков в лице народных масс. Она обращается к войне и фашизму, потому что она больна и близка к смерти. Она не неодолима; ибо неодолимо только новое, прогрессивное и развивающееся. Мы не обольщаемся надеждами на то, что старое умрет мирно или что новое появится на свет без тяжелых родовых мук. Но мы уверены в том, что рабочий класс и широкие народные массы осознают всю ответственность этой исторической борьбы против сил империалистической реакции, фашизма и войны»¹.

Американские коммунисты стоят сегодня в авангарде борьбы против поджигателей войны. За это и за беспощадное разоблачение ядовитых клеветнических измышлений, преподносимых американскому народу, двенадцати деятелям коммунистической партии предъявляют сейчас ложное обвинение и угрожают им тюрьмой. За деятельность в защиту интересов и благосостояния американского народа многие антифашисты и коммунисты или уже отбывают сроки в тюрьме или обречены на тюремное заключение в ближайшем будущем.

Но ни преследования коммунистов, ни сожжение книг, ни травля «красных», ни концентрационные лагеря не мешают американскому народу мыслить, учиться и бороться за жизнь и свободу. Гитлеру не удалось осуществить это огнем и мечом. Коммунизм — это движение, зародившееся задолго до основания Советского Союза. Это всемирное движение, корнями уходящее в общественный строй каждой страны. Его учение ничуть не более «чуждо американским традициям», чем декларация об освобождении негров или декларация независимости.

¹ Eugene Dennis, *The Fascist Danger and How to Combat It*, Political Affairs, September, 1948, p. 819.

Коммунизм живет и ширится потому, что капитализм не может удовлетворить запросы человечества.

В наше время нельзя до конца понять ни одного явления, пока полностью не осознана основная истина нашей эпохи, заключающаяся в том, что век капитализма близится к концу. Революция в России возвестила начало, зарю новой эры человечества. В канун второй половины нашего века эта заря переходит в ясное утро, ибо огромные массы людей, страны, имеющие решающее значение, встают на путь социализма.

Именно американские коммунисты хранят великие демократические традиции Америки прошлого и помогают проложить путь будущей Америке — Америке, свободной от жажды наживы, Америке, живущей и процветающей в мире, где царит мир.

Эта Америка может быть создана, только если она вступит на путь социализма. Сегодняшняя борьба американских коммунистов и прогрессивных кругов, все величие этой борьбы определяют будущее Америки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступительная статья</i>	5
<i>Вступление</i>	23
Глава I. ПРЕДПОСЫЛКИ К КАТАСТРОФЕ	33
Союзы, основанные на наживе и кровопролитии	35
Сделки Даллеса	38
Биржевой крах	40
Борьба с коммунизмом прокладывает дорогу фашизму	43
Преступление предателей рабочего класса Германии	46
Кризис, вооружение и война	49
Глава II. ПРЕЛЮДИЯ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	53
Английские поджигатели войны	55
Семафор открыт перед Японией	57
Путь „умиротворения“	59
Кровь и „святая вода“	62
Испания приносится в жертву	64
После Испании	67
Глава III. БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА МИР	70
Мюнхенский заговор	72
Ответ Советского Союза	75
Накануне заключения пакта	79
Предостережение Сталина	82
Те, кто готовил ловушку, попались в нее сами	84
Глава IV. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	88
Трагедия Польши	89
Злоба, усугубленная невежеством	92
Франция. Война во время войны	93
Подоплека стратегии „зицкрига“	95
Эпизод с „маленькой Финляндией“	96
Расчеты нацистов	100
Глава V. НАЧИНАЕТСЯ НАСТОЯЩАЯ ВОЙНА	103
Империалистическая война превращается в свою противоположность	104

Цели Англии и США в войне.107
Предательство по отношению к движению сопротивления.110
Поражение в Италии и Греции.113
Глава VI. В КАНУН ПОБЕДЫ.117
Сталинград — поворотный пункт.119
Начало „холодной войны“.122
Империалистическая „совесть“.125
Тегеран, Ялта и Потсдам.127
Не мшение, а демократический мир.129
Глава VII. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ НОВОГО АНТИСОВЕТСКОГО „КРЕ- СТОВОГО ПОХОДА“183
Адъютант Уолл-стрита136
Что делать с Германией?.140
Германский арсенал войны.142
По пути Гитлера145
Глава VIII. ВОЙНА И ИДЕОЛОГИЯ.150
Вымысел и действительность152
Поиски выхода.154
Страх перед неминуемой гибелью.156
Глава IX. ИМПЕРИАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС.159
Лечение кровопусканием.162
Новая проблема капиталистического рынка.163
Признаки экономического кризиса.167
«Лучше война, чем кризис».170
Глава X. СИЛЫ, ПРОТИВОСТОЯЩИЕ НАСИЛИЮ.173
Неизбежна ли война?.175
Мир и сотрудничество.177
Оплот против агрессии.180
«Секретное оружие» Советского Союза182
Северо-атлантический пакт.186
Глава XI. ЗАКАТ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА188
План или хаос.192
Движение в колониях.196
Глава XII. АМЕРИКА НА РАСПУТЬЕ199
Препятствия на пути к войне.201
Предупреждение и напоминание.203
Иллюзии империалистов.206
Самоубийство или жизнь.209
Перспективы на будущее.210

Редактор *И. Тихомирова*
Технический редактор *А. Вилленева*
Корректоры *А. Смирнова* и *Р. Новик*
*

Сдано в производство 26/IV 1950 г.
Подписано к печати 13/VI 1950 г.
А04270. Бумага 84X108¹/₃₂=3,4 бум. л.—
11,1 печ. л. Уч.-издат. л. 11,2, Издат. № 7/922.
Цена 4 р. 50 к Зак. № 1524.
*

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР,
Москва, Валовая, 28.